

Иоанн Кантакузин

ДИАЛОГ С ИУДЕЕМ

[Беседа с папским легатом.](#)

Иоанн Кантакузин. Беседа с папским легатом, диалог с иудеем и другие сочинения. Алетейя. СПб. 1997.

@ Перевод с греческого Г.М. Прохорова.

СЛОВО ПЕРВОЕ

Не знаю, против иудеев или за них покажется некоторым предпочтительнее озаглавить это сочинение. Мне же кажется, что можно и так, и так. Ибо для смеживших умственное око и добровольно закрывших разум для света истины это будет ясным показателем и живым свидетельством либо их, так сказать, наивности, либо безумия; для более же культурных людей и более благосклонных к истине — своего рода путеводителем к более правильному, а для людей такого же образа мыслей из числа служителей Божьих — к большему и приятнейшему, если только *в самом деле* все другие блага ниже совершенствования души и желания таким образом полностью обеспечить спасение.

Однажды, когда благочестивейший и христоробивый император и самодержец ромеев Иоанн Кантакузин, ради божественного монашеского чина переименованный в монаха Иоасафа, оказался на Пелопоннесе и находился там, некто из местных жителей, называемый *здесь* Ксен, а вероисповеданием еврей, подойдя, поклонился ему, как он привык это делать раньше, и сказал:

— Радуйся, царь!

— Откуда ты пришел? — спросил император.

— Встретившись с тобой, милостивейший царь, — сказал Ксен, — и зная о твоей широкоизвестной учтивости в обращении с каждым, с чем я и сам не хуже других знаком, я и подошел теперь, чтобы воздать еще должный тебе рабский поклон, что, я полагаю, как нельзя кстати.

— И ты радуйся, — опять ответил император. — Поскольку же у меня сейчас нет никаких неотложных дел, хорошо будет, если ты объяснишь мне, какой такой рабский, как ты сказал, поклон ты пришел мне воздать. Ведь ты согласишься со мной, я думаю, что рабство дело не простое, а многообразное, ибо рабами мы называем и захваченных в плен на войне, и купленных людей, некоторые из которых сами под давлением нужды закладывают себя другим; рабствует опять же *все* покорное властям; с другой стороны, не будет, пожалуй, ошибкой назвать рабами греха и тех, кто не пользуется разумом для управления страстями и не

совершенствует себя сознательно по образу Божию, а безрассудно покоряется наслаждениям и иным страстям и спускается вниз, словно имея некую всепоглощающую необходимость постоянно быть рабом наслаждений. Ибо чему из наших *влечений*, кто покоряется, сказал один божественный муж, тому *тот* и рабствует (*ср. Рим. 6, 16*).

Знаю я и иное рабство — достохвальное рабство любви. И еще иного рода. большее и ценнейшее всякой свободы, которое если кто обретет, сможет стать выше всех. Что это за *рабство*? Удалить всякое собственное желание; отсечь всю свободу воли; отдать себя и подчинить некоему божественному мужу из числа умеющих вести к Богу; подчиняться им добровольно.

Если я правильно об этом толкую, то *скажи*, какого из перечисленных типа рабом моим счел ты себя, поклонившись?

Ксен: Ты поразительно и достойно твоей души, божественнейший царь, все разграничил. Рабом же твоим я считаю себя, с одной стороны, потому, что я — один из подчиненных, находящихся в твоей божественнейшей власти, с другой — из-за самой радости любви, ибо, слыша о тебе от многих много доброго и хорошего, я и сам имел случай благодаря апелляционной жалобе встретиться и насладиться беседой с тобой. Ведь, я думаю, различие вероисповедания не может помешать мне любить прекрасное *в тебе*.

Император: Однако, Ксен, пора поразмыслить: как бы, считая себя ревнителем прекрасного, ты незаметно не удалился далеко от него на деле, подобно тем, кто богач или царь — *лишь* во сне. Ведь если начало всего прекрасного — любовь, а любовью и является и называется сам Бог (*см. 1 Ин. 4, 8, 16*), то как сможет кто-нибудь любить истину, будучи далеким от подлинной любви к Нему, т. е. к Богу, первому из ревнителей *прекрасного*?

Ксен: Отсутствие всех вообще хороших качеств свойственно человеку, отпадающему от Бога. Слышав от немалого числа единоверцев, это я уже и сам знаю. А вот то, что Бог и называется и является любовью, как только что услышал от тебя, кажется мне чем-то странным и непонятным. О, если бы кто-нибудь из наших современников мог выразить, что такое Бог! На это дело никто никогда не решался ни из превосходящих мудростью и здравым смыслом других, ни из тех, кто многообразно всяческими способами послужил добру.

Император: Приходилось ли тебе, Ксен, где-нибудь когда-нибудь слышать, что все это Бог произвел волей, добротой и любовью, или ни от кого никогда не слышал?

Ксен: Даже часто и от многих.

Император: Подобно тому, как посредством любви и доброты все, ставшее из ничего, стало быть, так же, опять-таки, все удерживается от распада, сохраняется и поддерживается добротой и заботой. Ведь если бы этого не было и не было бы все объектом божественной любви и заботы, то не нашлось бы ни единого средства, чтобы помешать этому *миру* снова помчаться назад — в небытие. И подобно, опять же, тому, как Бога в качестве опоры и господина веков называют вечностью и вечным — "Бог, — говорит ведь (*Ис. 40, 28*), — вечный, сотворивший пределы неба" — так же называют его и любовью — в качестве первопричины и подателя любви. Ибо некий закон и неразрывные узы неизреченной любви связывают и прочно соединяют высшие над нами силы, т. е. небесные, и вот это самое зримое мироздание. А что, казалось бы, общего между небом и землей; между водой и огнем; легким, стремящимся вверх воздухом, и тяжелой, тянущей вниз землей? И между другим и прочим с противоположными друг другу качествами? Однако же *все* до крайности, по закону природы, противоречивое и ведущее друг с другом непрерывную междоусобную войну, т. е. жар и холод, суша и влага, благодаря внушенным им от Всемогущего миру и дружбе, сосуществуют немятежно и несмешно, и длится всеобщая

согласованность и любовь. И все, словно в твердой и неизменной державе, пребывает во взаимном мире и покое. Стало быть, и миром и любовью Бог именуется (*ср. Еф. 2, 14; Ин. 4, 8. 16*) в качестве подателя и первопричины оных. Что же Он такое по *своей* сути — относительно чего ты только что недоумевал — так этого не только никто из всех здешних не в силах доказать, но и господствует среди всех одно и то же мнение, что даже первые из ангелов, т. е. херувимы и серафимы, не знают, что же такое Бог. Не так ли точно и ты думаешь, Ксен?

Ксен: Точно так.

Император: Не следует ли тогда вернуться к тому, что я тебе посоветовал вначале: смотреть, как бы почитая себя ревнителем прекрасного, не оказаться его противником и не забыть истинную и сущую, т. е. Божью, любовь, удалившись от добра куда-нибудь слишком далеко?

Ксен: Если ты, царь, считаешь, что я прожил *жизнь* недостойно заповедей Божиих, замарал душу многочисленными преступлениями и потому отпал от Бога, то я не буду и пытаться говорить дальше, зная, что как гражданин я не заслужил ни малейшего наказания. Если же ты имеешь в виду заблуждение в вероисповедании и дурной образ мыслей, — так как люди христианского вероисповедания обычно много говорят против нас наобум, — то я лично никогда не смогу согласиться с твоим мнением. Я скорее предпочту, будь это возможно, десять тысяч раз умереть, чем признать другой закон более благочестивым и превосходящим тот, который дан мне от Бога. Ведь если вы, сыны язычников, а скорее разнородная смесь языков, что и сами вы говорить не стесняетесь, к тому же будучи необрезанными, не соблюдая ни субботних предписаний, ни опресноков, не справляя установленных праздников и откровенно глумясь над законом Божиим, непоколебимо уверены, что ваш культ лучше, то как же нам, гордящимся Авраамом как предком, Моисеем как учителем и нерушимо блюдушим все упомянутое, не почитать себя более правоверными, чем вы? Что же мне более всего кажется странным, — что вы посягаете называть себя израильтянами и сынами Авраама (*см. Гал. 3. 7*).

Император: Эти вопросы давай немного отложим. Сейчас же вот что скажи мне: ты еврей или иудей, а *также* саддукей или фарисей?

Ксен: То, что фарисеи, одним из которых я и сам являюсь, во многом отличаются от саддукеев, всем очевидно. Между евреем же и иудеем, считаю — если ты не скажешь, *в чем она*, — нет никакой разницы.

Император: У разумного, Ксен, и неразумного общий род — живое. Разница же та, что одно неразумное, а другое — разумное. У лиц же, в свою очередь, общее — наделенность разумом, разница же у них — как у Илии, Иеремии и Исаяи. Подобно этому также и у всех ваших колен общим является имя "еврей", поскольку все они восходят к Еверу, а собственным каждого — имя его патриарха. Ведь левитами мы называем от Леви, вениамитянами — от Вениамина, иудеем — от Иуды, и других подобным же образом. Так же и ты думаешь или иначе?

Ксен: Именно так и не иначе. Я-то, насколько слышал о своих предках, происхожу из колена Иуды и согласно твоему объяснению, царь, назовусь, пожалуй, иудеем.

Император: Что у вас давно *все* перепуталось и точный смысл, и устройство колен, и другое — всякий, думаю, скажет, даже если не скажешь ты. Но прежде ответь мне на мой вопрос.

Давай предположим, что до какой-либо приключившейся надобности ты прибыл в Рим и живешь там. Затем два каких-нибудь твоих единоверца в один *прекрасный* день попали в такие же обстоятельства и оба пришли в Рим, один — из Испании, другой — с Пелопоннеса, из одного с тобой отечества и рода. Разве,

минуя того, что из Испании, ты не подошел бы к соотечественнику и родственнику, расспрашивая его, в порядке ли твои домашние дела, жива ли семья и цело ли имущество?

Ксен: Именно так, и слов нет.

Император: Стало быть, это так, и ты сам согласен, что одного человека из многих по причине родства ты бы так благосклонно и с готовностью принял, и радушно приветствовал, и расспрашивал бы его, а на того, что из Испании, не обратил бы никакого внимания. И ты бы так поступил при том, что то сопряжено было бы с совершенно незначительным убытком или прибытком, — и то *лишь* в отношении тела, ибо души ничто бы не касалось. Почему же, в конце концов, слыша столь много и от столь многих, что дела Мессии необыкновенны и сверхъестественны, что уверовавшие в него спасутся и обретут рай, который праотец наш, преступив заповедь, потерял, и что не уверовавшие будут преданы неугасимому огню, ты, будучи к тому же из одного с Христом колена, ибо ты как раз из колена Иуды, не обращаешь *на Него* никакого внимания, даже не выясняя, так ли обстоит дело, и так жалко блуждаешь вокруг, ничем, за малым исключением, не отличаясь от бессловесных? Хотя, если бы тебе случилось быть вполне одним каким-нибудь из бессловесных, ты подлежал бы небольшому наказанию, а скорее *и вовсе* никакому, ибо таковые на суд не идут. Тот же, кто погрешил в отношении спасения собственной души, обязательно будет подвергнут обещанным бесконечным мукам.

Ксен: Я думаю, царь, что с твоей стороны будет справедливо извинить *меня*, если, в силу требования логической связности разговора, я скажу нечто более опрометчивое. Ведь если вы полагаете, что мы, происходящие от Авраама, Исаака и Иакова и хранящие закон, данный через Моисея от Бога, будем изгнаны на муки, что же тогда скажем мы о вас? Каким карам сочтем достойными вас, сынов безбожников и нечестивцев, глумящихся над установленными Богом через божественного Моисея заповедями и по сию пору сохраняющих кое-какие следы давнишнего идолопоклонства? Ибо разве это не настоящее идолопоклонство — поклоняться написанным на стенах и на досках людям, а вернее — самим доскам? Как же ты счел нас сравнимыми с бессловесными тварями, когда мы до сих пор непреложно храним и чтим веру, которую нам дали отцы, и истину, которой они нас научили?

Император: Я с удовольствием узнаю от тебя, что же это за вера и истина.

Ксен: Истина, царь, колет глаза. Не многих знаю, которые выдерживают это. И я боюсь, не была бы неблагвременность разговора причиной немалых бед. Ведь поскольку Бог, по ему известным причинам, дал власть над нами вам, если я воспользуюсь более опровержительными доводами против тебя, то можно будет считать, что надо мной занесен отточенный меч. Ибо я знаю, что ты не стерпишь, если я буду рассуждать об Иисусе. Ведь вы его Богом и Сыном Божиим считаете.

Император: Ничего такого не принимай в расчет, Ксен. Пусть недоверие, даже самое малое, не мешает тебе продолжать говорить все, что хочешь, относительно Бога моего Иисуса Христа; ибо я все вытерплю, даже если бы тебе захотелось прибавить самое гнусное. Дело в том, что из этого не следует никакого ни бесчестья Ему, ни вреда. Ведь и отцы ваши раньше называли Его и обманщиком (*см. Мф. 27, 63*), и одержимым, и самаритянином, а Он кротко все сносил, взяв на себя их спасение, хотя мог наслать на них тысячи молний и приказать земле разверзнуться и поглотить обидчиков. И никакое бесчестие не замарало Его от их выдумок. В самом деле, если кто-нибудь попытается стрелять в небо, ведь никогда не сможет его достать — точно так же и тот, кто пытается метать стрелы в Него. Если, прежде всего, ты не будешь свободно и безбоязненно говорить все то, что ты хочешь, тебе не удастся хорошо узнать истину. Так что без сомнений спокойно спрашивай и высказывай *все*, что нравится, совершенно не опасаясь никаких неприятностей.

Ксен: Раз уж ты спокойно, как тебе, царь. подобает, изгнал подкрадывающийся относительно возражений страх и выразил желание узнать истину, которой нас научили отцы, то призываю тебя спокойно слушать об Иисусе, о котором ты сказал, что он из одного со мной колена.

Как мы знаем от предков, он был — с другими четырьмя братьями — Иаковом, Иосией, Симоном и Иудой — сыном плотника Иосифа и Марии, который, ходя повсюду, убедил великое множество сбитого с пути народа присоединиться к нему и следовать за ним. Он ложно выставлял себя Сыном Божиим (см. *Мф. 16, 15—17*), хотя всем было известно, что он сын Иосифа, воображал, что сошел с неба, и обещал, что те, кто предпочтут послушаться его и последовать за ним, никогда не будут ходить во тьме (см. *Ин. 8, 12; 12, 46*). И что всего поразительнее: не имея сорока лет от роду, заявлял, что был еще до рождения Авраама (см. *Ин. 8, 58*). Так вот, отцы наши, не вытерпев, слыша такую ложь, собрались и предали его позорной смерти, пригвоздив к поперечному брусу. Вы же, сыны идолопоклонников, конечно, не в состоянии ясно увидеть истину; как же иначе возможно было бы счесть, что бестелесный, неопикуемый и непостижимый для ума Бог имеет сына! Пусть бы вы в том только безрассудно ошиблись, что восприняли и почтили его как Бога, но вы и орудие наказания — кресту, на котором он был распят и умер, — столь почтительно поклоняетесь, называя его "спасительным" и другими почетнейшими из названий!

Пожалуй, будет пустословием обсуждать сейчас ваши бессмысленнейшие выдумки о нем, каковыми именно является и то, что он воскресил себя, тогда как его тело украли ученики, разрыв ночью гроб, в котором он был похоронен (ср. *Мф. 28, 13*), и его посмертное вознесение на небеса, тогда как он себя даже не смог избавить от самой мучительной и позорнейшей из всех смертей и покончил счеты с жизнью как один из злодеев, которые были распяты вместе с ним.

Император: О пророках, Ксен, какое у тебя мнение? Веришь ли ты, что их речения были божественными и что они ничего не говорили от себя, но только то, что возвещал, говоря в них, Бог? Или ты думаешь об этом как-нибудь иначе?

Ксен: Конечно же, я никогда не скажу иначе. Ведь если бы я подумал, что их прорицания не от Бога, я сам себя счел бы изменником и, по пословице, был бы связан собственными узами (ср. *Прит. 5, 22*). Ибо если не допустить, что это так, то тотчас же исчезнет из нашей веры все святое, и никогда мы не признаем данные нам через Моисея скрижали божественными.

Император: Замечательно по истине и по верности расчета. Следовательно, если изречения пророков остаются в силе, то ваши древние отцы были, согласно Исаяе, слепыми и глухими, ибо, говорит он, "глаза имея, не видят и, уши имея, не слышат" (*Мр. 8, 18; ср. Ис. 43, 5*). И это он сказал не о чувственных глазах и ушах, а о душевных чувствах. Иначе, если бы у них были повреждены телесные чувства, разве казалось бы, что они поступают неправильно? "А теперь не имеют извинения во грехе своем" (*Ин. 15, 22*).

В самом деле, в какой утонченной защите преуспели бы они, когда, видя каждый день совершаемые Христом чудеса, т. е. прокаженных — очищенными, хромых — вскакивающими, иссохших — исцеленными, несчастно родившихся слепыми — зрячими, расслабленных — окрепшими, и что более и божественнее всего: мертвых — стряхивающими смерть, как сон, а также слыша "глаголы вечной жизни" (*Ин. 6, 68*), чего ради и Давид воспевал благодать, излившуюся из уст Его (ср. *Пс. 44, 3*), не только из-за всего этого не потянулись к Его знанию и не извлекли для себя хоть какой-нибудь маленькой пользы, но, заткнув уши подобно глухому аспиду (ср. *Пс. 57, 5*), что ни день не прекращали распалиться главным образом для убийства Того, Кто их благодетельствовал?

Итак, если мы взяли за основу, с чем согласны и вы, что слова пророков божественны, то как те, о ком возвещено от Бога, что ум их слеп и глух, могли бы правильно усвоить истину, пока спесь и злоба владеют их душами? Если же

оказывается бесспорным, что таковы предводители многих, которым доверено руководство другими, лица, призванные учить, то возможно ли, чтобы основная масса тех, кто идет за ними, не оказалась настроенной еще хуже, чем они, не впала в еще большее заблуждение и не сделалась слепа к свету истины? Ибо слепому невозможно от слепого узнать о сиянии солнца, ни также глухому от другого такого же выучиться грамоте. Ты ведь сам выше заявил, что вы от отцов ваших научились истине- От каких же? От избличенных Богом, что они слепы и глухи? Но истина яснейшим образом утверждает, что "если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму" (*Мф. 15, 14*).

Если бы, однако, они были только перед самими собой виноваты в бедах, добровольно самих себя сбрасывая в пропасть уничтожения, это было бы делом невежества, а потому и суд им был бы более мягким. Но так как они оказываются повинны в страшнейшей из смертей столь великого множества душ, то какую же казнь сочтет всякий подходящей для них, какой преисподней, какого огня они не заслуживают?

Ксен: То, что слова Исаяи не *Божьи* глаголы, трудно мне было бы доказывать; и я скажу лучше, что они относятся не к учению, но к множеству согрешений. Ибо те, кто не обращает внимания на Божьи повеления и не ищет добродетели, но разнузданно предается неумеренным наслаждениям, не без оснований могут быть названы слепыми и глухими, если только не еще худшими.

СЛОВО ВТОРОЕ

Император: Нужно теперь, я думаю, Ксен, более тщательно исследовать, как обстоит дело. И если окажется, что вы — Божьи люди, хорошо, примем то мнение, что пророк сказал это о многократно погрешивших. Если же сами дела ясно обличат вас как людей, далеких от Бога и от истины, получится, что изречение имеет в виду не грехи, как ты говоришь, а веру.

Ксен: А ты-то веришь, царь, что не без божественного участия пророки изрекли то, что они изрекли?

Император: Конечно. А как же иначе? Предпочел бы умереть, чем быть причисленным к неверующим.

Ксен: Раз так, то и Давида ты должен отнести к пророкам и его слова считать божественными и непреложными.

Император: Разумеется.

Ксен: А разве он и Моисей не называют совершенно ясно Израиль уделом наследия Богу (*Втор. 32, 9*)? И у других пророков не называется ли он народом Божиим, святым народом и царственным священством {см. *Исх. 19, 6*}? Не нелепо ли верить, что мы, дети Авраама, Исаака и Иакова, точнее же самого Бога, хранящие данный Богом закон, блюдущие опресноки и субботу, исполняющие праздники, чужды и ненавистны Богу? И это — люди, столькими авторитетными изречениями заверенные в близости к Богу! И при том утверждать, что вы — дети идолопоклонников и безбожников, по ею пору хранящие тлеющий жар древней испорченности, принявшие за Бога и Сына Божия распятого и умершего человека и поклоняющиеся ему, — Божьи?! Нечестиво и думать так, и пытаться убеждать в этом других.

Император: Разговор о Христе и кресте давай, если ты не против, пока отложим, а сейчас сопоставим ваши мнения с каноном Писания. Немного погодя я достаточно обстоятельно расскажу тебе и о них, как и прежде обещал.

Что пользы хвалиться вам тем, что вы — сыны Авраама, зоветесь детьми Божиими и что Давид назвал вас уделом наследия Богу (*ср. Пс. 104, 11*) и прочим,

что ты только что высказал, коль скоро вы не удержались в истинной вере? Такого рода почести можно было бы воздать ведь и дьяволу, ибо до падения ему на долю выпало принадлежать к кругу лучезарных ангелов. Пример того же самого являет собой и праотец наш Адам: Бог доверил ему рай, и Бог провозгласил его господином всех животных и прочих существ, обитающих в воде, на суше и в воздухе (*см. Быт. 1, 28*); но и общение с ангелами никак не удержало его от падения, и вместо ангела он получил дьявола, вместо умственного добра — лукавство и обман, вместо света — тьму. И некоторая первоначальная причастность Адама к высотам достоинства не послужила ему на пользу при последовавшей за неводержанностью беде. Возжелав большего, он лишился и того, чем владел, злополучно потеряв тот божественный и радостнейший образ жизни. Так что то, что вы — сыны Авраама и, будучи возлюблены Богом, насладились многими милостями и дарами, не может служить основанием для оправдания в том, что вы неподобающим образом воспользовались Божией к вам любовью и недостойно — честью такового Отца и стали Божьими врагами и отцеубийцами. И в высшей степени справедливым кажется, что раз вы таковы, то и лишены наследия по благодати отца нашего Бога.

Ксен: Слова эти, царь, кажутся мне пустыми и бездоказательными.

Император: Знай же, что ты не освободишься от меня сегодня, пока я не сделаю все ясным и очевиднейшим в твоих глазах. Надо ведь тебе понять, насколько важен наш разговор и сколь большие и существенные вопросы предстоит нам рассматривать, и не стремиться по явлениям природы узнать то, что над природой, и по слову то, что выше слова, ибо это было бы невежественно и совершенно неразумно; и не привноси в разговор ненужного самолюбия, чтобы не противоречить здравому и бесспорному и не спорить и не бороться с очевидностью.

Ксен: Я был бы наивен и без пользы для себя посрамлен, пустившись в пустой спор и возжелав одолеть истину.

Император: Итак, коль скоро ты обещаешь слушать, как и подобает, без желания поспорить, то давай сначала рассмотрим вопрос, является ли Божьим, как ты утверждаешь, народ иудеев. И пусть прежде всех Исайя будет нашим третейским судьей и как бы руководителем в споре.

"Приближается ко Мне, — говорит он, — народ этот устами своими, и губами чтит Меня; сердце же их далеко отстоит от Меня, Тщетно же поклоняются Мне, уча учения, заповеди человеческие" (*Ис. 29, 13*). Давид же говорит: "Услышь, народ Мой, и возведу тебе, Израиль, и засвидетельствую тебе: я — Бог, Бог твой. Не за жертвы твои обличу тебя; всесождения твои всегда суть предо Мною. Не приму от дома твоего тельцов, ни от стад твоих козлов; ибо Мои суть все звери полевые, скот на горах и вола. Познал я всех птиц небесных, и красота полевая со мною. Если возжажду, не скажу тебе; ибо Моя вселенная и все, что наполняет ее. Разве Я ем мясо быков? Или пью кровь козлов? Принеси в жертву Богу хвалу и воздай Вышнему молитвы твои; и призови Меня в день скорби твоей, и я избавлю тебя, и ты прославишь Меня" (*Пс. 49, 7—15*).

Не яснейшим ли образом говорят Исайя и Давид, что Бог радуется не кровавым жертвоприношениям и запахам сжигаемых жертв, а бескровным и хвалебным религиозным обрядам?

Еще говорит велеречивейший Исайя: "Слушай, небо, и внимай, земля, ибо Господь говорит: Я родил и возвысил сыновей, они же Меня отвергли. Знает бык хозяина и осел ясли господина своего, Израиль же Меня не признал, и народ Мой Меня не понял. Увы, народ грешный, народ, преисполненный грехами, семья негодное, сыны беззаконные!" (*Ис. 1, 2—4*). "Как стал блудницей город, верный Сион, исполненный правосудия? Справедливость обитала в нем, а теперь убийцы" (*там же 1, 21*).

И небо, и землю призвал Господь вместе слушать слова Его и свидетельства о том, что, высокой рукой выведя ваш народ из Египта и чудесами большими, чем то может выразить слово, поразив озлобивших вас, столь чудесным и превосходящим ум образом проведя вас через Красное море к спасению, а врагов ваших потопив, — после столь великих и многих благодеяний учредил Он с целью вашего спасения Закон. Отцы же ваши не сохранили верность установлениям, но Моисея поносили, а Аарона призывали создать другого бога, крича: "Сделай нам богов, которые бы шли перед нами. Ибо с Моисеем этим, что вывел нас из Египта, мы не знаем, что стало" (*Исх. 32, 1, 23*). Так смотри же, каким бесстыдством и упрямством, спесью и ропотом и многим подобным полны их речи и как, изрыгая яд из своих душ, из безрассудной злобы разом забыв все совершенные ради них чудеса и словно в ответ на них, не только Моисея кусали они зубами, но и жесточайшим образом набросились на самого Бога. Ведь сказать "Моисей этот, что вывел нас из Египта", и при этом Моисея же презирать и роптать против Бога значит выказать такой именно нрав, Это со всей очевидностью показывает, что они скорее простодушно играли, нежели действовали сознательно: ибо, изготовив статую тельца, они поклонялись ей и тем самым изменяли Божьей вере, радуясь "в подобии тельца, ядущего траву" (*17с. 105, 20*), творениям рук своих. Таким образом они побудили Моисея разбить богоданные скрижали я воспламенили гнев благодетельного и доброхотного Бога. "Ибо огонь, — говорит Он, — возгорелся из ярости Моей; будет сожжено все до ада преисподнего; пожрет землю и порождения ее, сожжет основания гор. Соберу на них беды и стрелы Мои расточу на них" (*Втор. 32, 22—23*); "Я сказал: рассею их и изглажу в людях память о них" (*там же 32, 26*), "изошрю, как молнию, меч мой" (*там же 32, 41*), "упою стрелы мои кровью, и меч мой насытится мясом" (*там же 32, 42*). Он говорит и множество другого, выказывающего крайнее Его раздражение против вас.

Но ревнитель милости Его и сострадания Моисей не до конца разгневался и не потерпел, чтобы жестокосердые эти увидели расточение божественного гнева, и примирил с ними Бога и длительными мольбами утишил Его растущий гнев, взывая ради них к Его природной доброте. Почему отнюдь и не дал Бог, несмотря на их беззакония, увидеть, как враги их радуются их гибели и, приписывая все своей силе и могуществу, решают, что Он слаб. Но Бог призвал, словно неких свидетелей Его заботы о них и сострадания к ним и их недоброжелательного отношения к Нему, небо и землю, говоря:

"Внимай, небо, Я буду говорить; и слушай, земля, слова уст Моих. Прольется, как ливень, речь Моя, и сойдут, как роса, слова Мои, — как дождь на пырей-траву и словно снег на поле. Ибо имя Господне я призвал; воздайте величие Богу нашему" (*там же 32, 1—3*) и т. д.

Итак, Бог снова дал им Закон, разбитый Моисеем со скрижалями, на которых он был вырезан, утишив Свой справедливый гнев. Когда же, заняв Обетованную землю, они вновь принялись за то же и, позорно Ему изменив, прибегли к прежнему идолопоклонству, вовсе не помня чудес — не только происшедших в Египте и в пустыне, но даже и того, что произошло с фараоном и его войском, и стали еще хуже, чем были, поскольку сначала лишь раз, а потом многократно впадали в идолослужение и происходящее из этого бесчестие. Бог опять призывает прежних безупречных свидетелей, т. е. небо и землю, жалуюсь на них и ужасаясь, что они имеют такую склонность ко злу, так вопия теперь через Исаяю: "Слушай, небо, и внимай, земля, т. е. прежние Мои свидетели: Я родил и возвысил сыновей, они же меня отвергли. Знает бык хозяина и осел ясли господина своего, Израиль же Меня не признал" (*Ис. 1, 2—3*) и — по порядку все, что подробно изложено у Исаяи. Вот причина призвания Богом неба и земли: по причине негодования на это он призывает тварь в свидетели недоброжелательства облагодетельствованных. Порочность же их такова, что и глава всех пророков, пророка Захарии сын, знаменитый Иоанн, предшествующий Христу и проповедующий крещение покаяния, уподобил их порождениям ехидн, подлейшим и злейшим из всех диких животных, когда увидел, что многие из

саддукеев и фарисеев сбежались на крещение, и сказал: "Порождения ехиднины, кто внушил вам бежать от будущего гнева" (*Мф. 3, 7; Лк. 3, 7*), настагающего тех, кто не уверовал в Мессию Христа? Усомнитесь ли кто-нибудь когда-нибудь в том, почему божественный пророк назвал их порождениями ехидн? Ни в коем, думаю, случае. Совершенно ведь ясно, значит, что — как людей бесчеловечных, неблагодарных, способных на любую жестокость и убийства с большей, чем кто бы то ни было изощренностью. Ибо точно, как этот зверь, о котором говорят, что он не так, как другие животные, выходит из материнской утробы, но разрывая носящий его живот, так же и неблагодарный народ иудеев впал в кощунственное бешенство сначала против Бога, а затем и против Его Сына и Слова.

Еще тот же Исайя говорит: "К чему Мне множество жертв? — говорит Господь. — Я пресыщен всесожжениями баранов и туком овец; и крови быков и козлов не хочу. Не приходите лучше пред лице Мое, ибо кто захочет этого из ваших рук! Не оскверняйте приношениями Мой двор. Напрасно приносите лучшую муку; курение отвратительно Мне. Новомесячия ваши, субботы и Великий день Я не выношу. Посты и воздержания от работы, новомесячия ваши и праздники ненавидит душа Моя. Я пресыщен ими. Уже не отпущу грехов ваших. Когда протянете ко Мне руки свои, Я отведу от вас очи Мои, и когда приумножите моление, Я не услышу вас, ибо руки ваши полны крови" (*ср. Ис. 1, 11—15*).

Еще он же говорит: "У возлюбленного Моего был виноградник на вершине горы в плодородном месте. И построил Я кругом него ограду, и обнес его частоколом, и насадил в нем отборный виноград; и соорудил башню посреди него, и выкопал в нем точило, и ожидал, что вырастут виноградные гроздья; а вырос терновник. И ныне, жители Иерусалима и человек Иуды, рассудите Меня с виноградником Моим. Что еще надлежит сделать для виноградника Моего, чего я не сделал ему? Ведь Я ожидал, что он принесет виноградные гроздья, а он принес терновник. Ныне Я возведу вам, что Я сделаю с виноградником Моим: Я отниму у него ограду, и будет он расхищаем; разрушу стену его, и будет он растапываем. И оставлю невозделанным виноградник Мой, и да не будет он ни обрезаем, ни вскапываем; и зарастет он, словно бесплодный, тернием; и облакам повелю не проливать на него дождь. Ведь виноградник Господа Саваофа — это дом Израиля, а человек Иуды — любимое новое насаждение. Ждал Я, что он рассудит право, он же совершил беззаконие" (*Ис. 5, 1—7*).

И божественный Амос говорит: "Отвратительны мне праздники ваши, и Я не обоняю запаха жертв во время торжественных собраний ваших, потому что, когда вы приносите Мне всесожжения и жертвы ваши, Я не приемлю их, и на спасительные почести ваши Я не призрю" (*Ам. 5, 21—22*).

Согласно с этим свидетельствует и Малахия: "Нет воли Моей в вас, говорит Господь, и жертвы ваши не приемлю из рук ваших; по этой причине от востока солнца до запада имени Моему предстоит прославиться между народами; и на всяком месте приносится жертва имени Моему, и жертва чистая, потому что чтится имя Мое в народах. Вы же оскверняете его" (*Мал. 1, 11—12*).

Яснее же всего показывает, что вы оставлены Богом, сказанное пророком Исайей: "Вот, приходят дни, говорит Господь, и заключу с домом Израиля и с домом Иуды Новый Завет — не такой, какой дал я отцам их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; потому что они не пребыли в Завете Моем, и Я пренебрег ими, — говорит Господь. — Ибо тот Завет, который Я заключу с домом Израиля после этих дней, — говорит Господь, — будет дающим законы Мои мышлению их, и в сердцах их Я начертаю их. И Я буду для них Богом, а они будут для Меня народом. И да не будет каждый учить ближнего своего и каждый брата своего, говоря "Познай Господа", потому что все они узнают Меня, от малого до великого; потому что Я буду милостив к несправедливостям их, и беззаконий их да не вспомню больше" (*Иер. 31, 31—34*).

Понимаешь ли, о чем идет речь, или же разум твой хром на восприятие? А ведь это совершенно очевидно и вполне ясно тем, кто предпочитает разобраться в вопросе непредвзято и точно. Смотри-ка, как все согласуется друг с другом и как все приведенные пророки, словно сговорившись, возглашают одно и то же об одном и том же. Ибо после того как Бог ни во что поставил и отверг ваши жертвы, посты, праздники и субботы и всем отчетливо показал, что вы Им оставлены, — это ведь означает неподрезанный и невскопанный виноградник со снятой изгородью и разрушенными стенами, оставленный на разграбление и потоптание прохожим, ибо виноградник взят пророком как образ иудейского народа, — Он добавил, показывая недействительность Закона, что намерен дать Новый Завет, не такой, какой был дан вашим отцам, когда Он выводил их из земли Египетской, но другой, благодатный, в который уверовали народы. Причина же, по которой Он пожелал сменить его и при этом дать обетование отнюдь не отцам вашим, а уверовавшим в него людям из других народов, — она ясна из Его слов: "От востока солнца до запада похваляемо имя Мое в народах, и на всяком месте жертва приносится имени Моему, и жертва чистая, потому что почитается имя Мое в народах, — говорит Господь. — Вы же оскверняете его" (*Мал. 1, 11—12*). Видишь, опять же, что этими пророками была блестяще предсказана благодать Божья в народах, т. е. благодать Нового Завета, Евангелие? Так, изобразив печальную картину ожидающих ваш народ всевозможных бедствий, Исаия говорит: "Из Сиона явится Закон, и Слово Господне из Иерусалима" (*Ис. 2, 3*). Какой другой закон мог здесь иметься в виду, помимо Евангелия и апостольского благовестия? Невозможно допустить, что это было сказано о вашем Законе, ибо он был дан Богом Моисею на Синае и в пустыне. Здесь же говорится не "дан", а "явится" из Сиона, т. е. именно то, что мы называем Евангелием и благовестием, ибо, как сами вы так или иначе говорите, это началось именно там.

Смотри также, как родственны друг другу оказываются Евангелие и Закон и как с каждым из них связывается и как объединяет их пророческое слово. И никто ведь ни в наше время, ни в прошлом ничуть не колеблется в сомнениях, таким ли образом обстоит дело. Если заглянуть в глубину того и другого, то не найдешь там никакого разногласия и противоречия их друг другу, но совершенно напротив: увидишь полную гармонию и согласие — с той разницей, что Закон можно назвать незавершенным Евангелием, а Евангелие — законченным Законом.

Ведь если ребенок, который по врожденным способностям, в потенции, был, скажем, полководцем или геометром, выросши, миновав юность и достигнув зрелости, стал полководцем или геометром в большей мере, в действительности, то потенциальность на этом окончилась, А кто, игнорируя настоящее положение вещей, когда потенция уже перешла в действительность, станет взрослого человека рассматривать как не достигшего совершеннолетия ребенка, не обращая внимания на то, что потенциальность, блестяще раскрывшись, окончилась и ярко блистает действительность, — каким тот тебе покажется? Не в высшей ли степени ущербным человеком?

То же самое разумеи и относительно Евангелия и Христа. Ибо Закон был как бы тенью (*см. Евр. 10, 1*) и неясным следом того, что позже явили Христос и Евангелие. Евангелие же, будучи вдохновлено самой Истиной, наилучшим образом восполнило то, чего недоставало Закону, и всем представило в сияющем и блистающем виде бывшее там слабой тенью. И как сказано чуть выше, они совершенно совпадут для всякого пожелавшего подойти с любовью к более таинственному в том и другом, т. е. в Евангелии и Законе, ибо он не найдет в них ничего противоречащего друг другу, но увидит, что все содержание Евангелия скрыто в Законе, а в свою очередь Закон со всеми речениями пророков исполнен с Евангелии. Поскольку же ни одно из этих немногих соображений не смогло тебя полностью убедить, рассмотри следующее.

В портике Соломона был бассейн, называвшийся У иудеев Вифезда. Сюда по причине совершавшихся здесь чудес стекались толпы больных, ибо ангел Господен, сходя ежегодно, волновал воду, и с первого, прыгнувшего в нее после этого, болезнь сходила, словно сбрасываемая змеей старая кожа, и человек получал более крепкое здоровье (см. *Ин. 5, 2—4*). Кажется неслучайным происходившее с тем человеком и, более того, предзнаменующим. А если так, что же, скажи, иное предзнаменующим как не возрождение через божественное крещение и проистекающие отсюда душевное здоровье и крепость? Так смотри же, как значительное и совершенное предвещалось в малых и неясных образах. Ведь сходящий и возмущающий воду ангел обнаруживал Ангела Великого Совета, как его называет Исайя, — Сына Божия, а вода Соломонова портика, коротко говоря, — воды всей Земли, которыми после их освящения сошествием божественного Духа мы смываем пятна с душ, — самую страшную и тяжелую болезнь. И там ведь только один оказывался насладившимся исцелением, и то лишь в отношении тела, теперь же вся вселенная оздоравливается как в отношении душ, так и тел, что несравнимо более велико и божественно. Также и ягненок, приносимый, по завету Моисея, в жертву во время пасхи и поджариваемый на дровах (см. *Исх. 12, 5—6*), — и он, всякий это скажет, оказывается прообразом — прообразом принесенного в жертву за всех Бога Христа. В дальнейшем я это лучше объясню. Опять же и то, что Моисей-богосвидец позволяет вам, чтобы жена умершего бездетным выходила замуж за его брата (см. *Быт. 38, 8*) и восстанавливала умершему семья, — и это не просто так было заповедано. Есть ли какая-нибудь польза от этого брака умершему? Если не раскрыть сокровенного в Законе и не заглянуть поглубже, то я не вижу. Но мысль законодателя и пророка как раз такова: ведь первый брат, под которым он имеет в виду Закон, оказался неспособен исполнить свое дело по отношению к женщине — произвести детей, т. е. спасти проклятого человека. Потому и дары, приносимые бездетными, являющимися собой образ образа, т. е. Закона, не были принимаемы. Но второй брат, т. е. Евангелие, совершенно покончив с наложенной клятвой, благородно восстановил брату семья — спасение живущих под солнцем.

Из всего же этого ясно следует, что Закон, возникая, был в пределах Евангелия, и оно в свою очередь представляет собой завершенный Закон (см. *Рим. 3, 21*). Коль скоро это обстоит таким образом, пусть не кажется тебе неприятным и резким, когда что-то из Нового Завета встречается в нашей беседе, хотя предполагается, что между тобой и Евангелием нет ничего общего. Если Бог блюдет в тебе божественное начало, пусть Он позаботится открыть твои смеженные душевные очи, чтобы их достиг свет божественного Евангелия! Голубиные крылья, по божественному Давиду (см. *Пс. 67, 14*), вырастут у тебя, и ты, взлетев, отдохнешь на небесах. Если же — да не будет этого? — ни во что ты согласишься представляемое теперь тебе на рассмотрение, но предпочтешь блуждать ошибочным путем твоих отцов, большего я не скажу. Об этом позаботится Бог.

Прежде, однако, надо рассмотреть, почему Бог, являясь общим Богом ангелов, людей и всякой твари, говорит, что Он будет Богом преимущественно тех, кто просветится благодатью, т. е. Евангелием и крещением. Как когда Он сказал "Я есмь Бог Авраама, Исаака и Иакова" (*Исх. 3, 6*), ответив на чистую веру в Него отцов своей к ним любовью и расположением, будучи, как мы сказали, не только их Богом, но всей сотворенной природы, так же надо понимать и в этом случае. Ведь тогда Он сказал, что будет для них Богом, а они для Него народом (см. *2 Кор. 6, 16*), обнаруживая крепкую и нестигаемую веру народов и жар Своей любви к ним. И разве же Его обещание быть милостивым к их несправедливостям и беззакониям их и грехов не попомнить больше (см. *Евр. 8, 12*) не намекает на божественную благодать крещения? О Законе ведь Он говорит, что исполнивший все, написанное в книге Закона, будет жив (см. *Гол. 3, 12*). Уверовавший же в Слово Божие, Христа, и воспринявший купель божественного крещения, будучи омыт от всех своих прегрешений, отпускается совершенно чистым. Видя это, Исайя говорит: "Мойтесь и очищайтесь, освободитесь от вашей испорченности" (*Ис. 1, 16*), проповедуя, что Богу будет

приятно некое духовное и божественное омовение людей, счищающее все грехи и вымывающее из душ всю грязь. И даже если бы со звездами или песком морским по числу сравнялись у кого-нибудь грехи, путем такого необыкновенного омовения он смог бы от них избавиться, словно бросив пучок пакли в огромное море огня. Пусть свидетельствует тебе пример чуда, совершавшегося прежде в Силоамской купели и являющегося прообразом и проявлением дарованного нам обновления и оставления грехов посредством воды: как там первый, кто входил в купель после возмущения воды божественным ангелом, избавлялся от всякой болезни (*Ин. 5, 4*), так и при божественном крещении принимающий его совлекает и отбрасывает всякую душевную скверну, словно некую обветшалую одежду, и весь становится чистейшим и святым. Знай же, что божественное омовение дарует оставление старых прегрешений, и это и означает: "Милостив буду к несправедливостям их и беззаконий их не попомню больше" (*Иер. 31, 34*). А за все грехи, совершенные после этого, мы должны дать ответ в неложный день ожидаемого Суда (*см. Мф. 24, 30—31; 25, 31—46*), когда Сын Божий придет со Своими святыми ангелами судить мертвых и живых и по справедливости воздать добрым сострадание, неограниченную силу и царство, а тем, кто прожил нечестиво, — неизреченные скорби и неугасимый огонь.

Ксен: Немного подожди, царь. Неужели, как ты сказал, вы говорите, что сына плотника Иосифа надо считать наряду со всем прочим судьей мертвых и живых? Впрочем, я понапрасну это спросил. Ничего ведь странного, что вы и это про него сочинили. Ибо если вы безрассудно утверждаете, что обжора и пьяница, пировавший в течение всей жизни со сборщиками налогов (*см. Мф. 11, 19; Лк. 7, 34*), Происходивший из по всему бедного и заброшенного Местечка Назарета, из которого никогда не вышло ничего хорошего (*см. Ин. 1, 46*), человек, измысливший про себя, что он Сын Божий, и за это осужденный на крест и умерший, восстал живым из мертвых, вряд ли вы удержались бы и от другой небылицы и без опасений с легкостью не постановили бы путем голосования считать его судьей живых и мертвых.

Император: Ты, похоже, полагаешь, что, забыв обещание, я повернул слово к другому и испугался, как бы я таким образом не увел тебя, отклонившись, от темы разговора. Но будь спокоен. Я еще помню, что обещал, и буду помнить; и все полностью расскажу тебе о моем Боге Христе. Того ведь ради я и об этом говорю тебе подробно — чтобы проще, легче и приятней было постичь то. Скажу тебе только сейчас, что совершенно верно сказанное тобой только что — что Он был другом мытарей и грешников, ибо бывших прежде врагами Он обратил в друзей и "пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию" (*Мф. 9, 13; Мк. 2, 17; Лк. 5, 32*). И как светом учения призвал Он к покаянию всех грешников, так же и прежде ничтожные и презренные места возвеличил Он и показал достойными величайшей чести. Вот, например, что говорит Исайя: "Галилея языческая, народ, ходящий во тьме, зри свет великий. Живущие в стране и тени смерти, свет воссияет на вас" (*Ис. 9, 1—2*). И Михей говорит: "И ты, Вифлеем, дом Ефрафа, разве наименьший ты, чтобы быть в тысячах? Из тебя ведь произойдет мне тот, кто должен быть князем в Израиле" (*Мих. 5, 2*) и прочее, что далее мы постараемся более ясно рассмотреть по порядку. Так что ничего странного в том, что как Галилею и Вифлеем, так и Назарет явил Он великим, избрав его для Своего жительства, и эти места, прежде обездоленные, исполнил многих и великих благ.

Что же касается того, что Он воистину есть судия живых и мертвых, то хотя дальше об этом будет сказано пространнее, ничто не мешает немного сказать об этом уже сейчас. Хотя и многие об этом говорят, теперь давай послушаем божественного Давида, — в девяносто пятом псалме он говорит: "Скажите народам, что Господь воцарился; ибо исправил вселенную, она не подвижется; будет судить людей по правде. Да возвеселятся небеса и да радуется земля, да подвижется море и наполнение его; возрадуются поля и все, что на них; тогда возрадуются все деревья дубравные от лица Господа, потому что грядет, потому

что придет судить землю; будет судить вселенную по справедливости, и людей по истине Своей" (Пс. 95, 10—13). А еще в псалме девяносто седьмом он говорит: "Воскликните перед царем-Господом. Да подвижется море и наполнение его, вселенная и все живущие в ней. Реки восплещут руками разом, горы возрадуются от лица Господня, потому что грядет, потому что грядет судить землю, будет судить вселенную по справедливости, а людей — по правде" (Пс. 97, 6—9).

Ну как? О человеке ли говорит это пророк, об ангеле, или о Боге? Совершенно ясно, что не о человеке и не об ангеле. Ибо разве возможно человеку быть судьей самому себе? Нет, конечно. Но ведь и из ангелов никто не называется Господом и Судией, но и они все — Божьи рабы и творения, хотя и превосходят всех тварей честью. Остается считать, что сказанное подобает только Богу. А кто скажет, что это приличествует Богу-Отцу? Да Он и не сходил на землю. Так что выходит, что пророк говорит это о Сыне и Слове Божиим, сошедшем на землю, о чем говорят все пророки, в том числе и Иеремия. Обрати внимание на точность пророческих слов. Сначала он говорит просто, что грядет; затем добавляет, что "грядет судить землю, будет судить вселенную по справедливости" (Пс. 95, 13). Ведь первое показывает, что Он придет в кротком виде, не судить вселенную, но научить, просветить и направить к истинному богочитанию множество евреев, убедить не поступать противозаконно, не поклоняться идолам и блюсти Новый Завет, который Он должен будет дать, т. е. Евангелие, о котором говорит пророк: "Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды Новый Завет" (Иер. 31, 31) и так далее, — завет, который и апостолы проповедали сначала им, а потом другим народам. Во второй же раз он придет как Бог и Страшный Судия; тогда и небо, т. е. все ангелы, и земля, т. е. земные люди, будут потрясены видом лица Его.

Видишь, Ксен, каким образом Христос мой и Бог оказывается Судией мертвых и живых? Это же я, как сказал, дальше постараюсь сделать более для тебя ясным, приведя много важных и ясных доводов. Теперь же надо вернуться к тому, от чего мы отошли.

Книга Моисея (*Быт. 38*) повествует, что патриарх Иуда совокупился со своей невесткой Фамарью и она понесла двойню. Когда же пришел час родов, то Зара пошел из материнского чрева не прямо, но боком, так что рука вышла прежде остального тела. Повивалка же, движимая неким божественным порывом, повязала ее цветной ниткой. Тот же неожиданно, подтянув руку, уступил выход Фаресу, а сам вышел после. Повивалка же, увидев, как со вершилось это чудо, по некоторому божественному замыслу пронзительно и громко воскликнула тогда: "Что расторгло для тебя преграду?" (*Быт. 38, 29*). Все необычно, что сопутствовало этому рождению, всякий согласится. В частности, как мы должны понимать слова повитухи "расторгло для тебя преграду?" Не ясно ли, что сказанное означает, что Закон, который и Исайя в примере с виноградником назвал оградой, должен будет уступить место Евангелию, а виноградник, т. е. ваш народ, будет оставлен на расхищение? Рассудительно подходя к этим словам, ты найдешь, что повивалка сказала это не сама по себе, но, как мы уже говорили, подвигнутая Богом, и сказала то самое, что сказал пророк Исайя: "Уничтожу ограду виноградника, и он будет расхищаем" (Ис. 5, 5). Ибо как Зара, показавшись немного, подтянул руку и спрятался в материнской утробе, идущий же за ним Фарес, который, казалось, останется позади, оказался первым, так и данный евреям от Бога Закон: он ненадолго показался и явился, но когда пришла полная и совершенная благодать Евангелия, все в мире Просветившая ярче десятков тысяч солнц, тогда Закон скрылся из виду.

Ксен: Если по твоим, царь, словам Евангелие есть благодать и истина, то Закон остается назвать заблуждением и совершенной ложью. Смотри, какая полная получается нелепость: либо мы должны сказать, что Закон вообще не Богом был дан, либо — что он был дан Богом, но лжив, причем и в том и в другом случае ниспровергается все святое и чтимое, все пророки и воспеваемое Синайское богоявление.

Император: Я не говорю, Ксен, ничего подобного. Что Закон был дан народу Богом, - и я, да и всякий скажет. Но он является своего рода наброском и предначертанием образа; а когда на картину наложены краски, предварительный набросок делается невидим, но полностью не стирается, — ведь картина по отношению к нему являет собой более важную действительность, — так же надо понимать и соотношение Закона и Евангелия. Евангелие есть истина, но из этого никоим образом не следует, что Закон — ложь, и люди верят, что он дан Богом, что он справедлив и свят. И так же, как незаконченность и несовершенство наброска служат ясности образа, ограниченность Закона — полноте Евангелия, ведь, хорошо взглядевшись, в нем можно различить Закон. За исключением немногочисленного, что объясняется соображениями и нуждами того времени и отсутствием чего не причиняет никакого вреда, всему, что есть в Законе, вполне ясно наставляет и научает Евангелие. Например, не прелюбодействовать, не воровать, не лжесвидетельствовать (*Мр. 10, 19*), любить Бога всею душою, силою и помышлением (*ср. Мр. 12, 30*) Евангелие научает лучше и с гораздо большим эффектом. Закон говорит: "Не прелюбодействуй" (*Исх. 20, 14*), Евангелие же: "Не возжелай" (*ср. Мф. 5, 28*). Видишь разницу: возжелавший жену другого подвергся искушению, но, будучи, допустим, воздержанным, воздержанностью победил влечение, а может ведь статься, что и не устоял и был побежден. С самого же начала не возжелавший как может стать прелюбодеем? Закон говорит: "Не кради" (*Исх. 20, 15*), Евангелие же заповедует не только это, но и быть готовым давать нуждающимся и всем просящим (*ср. Мф. 5, 42*). Закон учит воздавать "зуб за зуб" (*Исх. 21, 24*), Евангелие же настолько далеко от мести, что рекомендует ударенному подставлять себя еще желающим полностью насытиться гневом, говоря: "Если тебя кто-нибудь ударит в правую щеку, обрати к нему и другую" (*Мф. 5, 39*), "И если кто-нибудь заставит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два" (*там же 5, 41*). Закон говорит: "Исполняй перед Господом клятвы твои" (*Лев. 19, 12; Втор. 23, 21; Мф. 5, 33*), т. е. не преступай клятвы, Евангелие же повелевает вообще не клясться (*ср. Мф. 5, 34—36*), ибо многократно поклявшийся когда-нибудь да ошибется, а вовсе этого не делавший как может нарушить клятву? Закон позволяет мужчине брать в жены столько женщин, сколько он может прокормить, количество же наложниц он никак не ограничил, но оставил нашему произволению; Евангелие же предписывает единобрачие, вступать во второй брак позволяет только после смерти первой жены, а иметь наложниц запрещает полностью (*ср. Мф. 19, 5—12; 1 Кор. 7, 8—16*) и на этом не останавливается, но, не отрицая брака ввиду природной необходимости, ибо хорошо знает о ней Творец естества, все же выше почитает девственность (*ср. Мф. 19, 12*) и с большей честью венчает сохранивших ее. И говорит это, не принуждая, но советуя лучшее и более высокое, "ибо иго Мое, — сказал Господь, — благо, и бремя Мое легко" (*там же 11, 30*).

Ксен: Еще и то следует из твоих, царь, слов допустить, что сын плотника Иосифа — создатель человеческой природы?

Император: Тебе, Ксен, одно нужно рассмотреть: является ли Он Богом. А если это станет тебе ясным, то будет очевидным и то, что как Бог Он — Творец и человеческой природы, и всякой твари. Если же он не Бог, то, конечно, и не Творец. Но разговор об этом, согласно уговору, давай отложим. Вернемся к прежнему.

Закон говорит, что желающий пусть даст разводное письмо своей жене и отпустит ее (*Втор. 24, 1'*), Евангелие же говорит: "Кого Бог сочетал, человек да не разлучает" (*Мф. 19, 6; Мр. 10, 9*), ибо "Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей" (*Мр. 10, 7—8*). И еще: "Не разводитесь, — говорит, — иначе как по причине прелюбодеяния" (*ср.: Мф. 5, 32; 19, 9*). Все это ни в чем не противоречит Закону, скорее же подкрепляет его и содействует ему.

Ксен: Если так, как ты, царь, говоришь, в Евангелии написано, а не иначе, то и я, и всякий согласится, что это не является упразднением Закона. А то, о чем ты сказал, что есть в Законе нечто малое, нарушение чего не приносит никакого вреда, — что это такое? Я такого не знаю. Потому ничего об этом не скажу. Но я

бы удивился, если бы что-нибудь из Закона, хотя бы и весьма незначительное, будучи преступаемо, оказалось не сопряженным с ответственностью, ибо если бы хоть чем-то можно было легко пренебречь и не понести наказание за преступление, таковое не было бы, думаю, с самого начала передано Богом.

Император: Наше рассуждение все это прояснит по мере продвижения вперед.

Ксен: Да будет так. Однако то, что я сказал, — немалое затруднение, которое препятствует мне рассуждать. Кому достанет софистической силы, чтобы доказать, что в разорении Закона — истина?

Император: Немного подожди, и все это для тебя разъяснится. Предположим, Бог нисколько не прогневался на наш народ. Разве в таком случае содержание Закона осталось бы вовсе неизменным? Не всегда же детям дают материнское молоко, но, когда они подрастают, кормят их более твердой, приличествующей возрасту пищей (*ср. Евр. 5, 12*). Да и не вечно дети у нянек учатся, но, достигнув отроческого возраста, нуждаются в более содержательных науках. Неужели же вы должны вечно оставаться недоучками?

Ведь тогда, когда вы едва только освободились от египетской пищи, египетских мук и идолопоклонства, вам было бы не вынести строгости Евангелия. Потому и был вам дан такой Закон, хороший и святой, однако же сам по себе несовершенный и бессильный. А то, что несовершенно само по себе, едва ли способно усовершенствовать другое. Но разве же ты не слышал, что, даже если бы вы не согрешили и не побудили Бога к наказанию, Закону предстояло быть упраздненным? Ты, может, скажешь, что раз Закон был несовершенным и должен был быть отменен, излишне было и соблюдать его, ибо не было ничего страшного в нарушении того, что Бог имел намерение расторгнуть. Не говори так, ибо такой защите не свойственна справедливость.

Предположим, что кто-то, под давлением необходимости, из травы, соломы и случайных деревяшек легкомысленно и небрежно построил шалаш, с тем, чтобы потом, по прошествии нужды, выстроить вместо него жилище из камня, железа и извести. Допустим, он ввел в него жильца. А тот, не зная намерения построившего и рассердившись на неблагодарие, при первом удобном случае уничтожил ее без всякого ведома построившего ее хозяина. Как тебе кажется: избежит ли наказания разрушитель хижины? Вряд ли, скажешь и сам. Нечто подобное надо представить себе и применительно к Закону и народу иудеев. Ведь предстояло, как я говорил, Закону, данному одному только вашему роду, быть упраздненным, а Евангелию в подобающее время распространиться на всю вселенную и на все народы. Из-за ваших же неразумия, жестокости и злонравия, а больше из-за чудовищной нечестивости, снял ограду, т. е. Закон, Хозяин виноградника, т. е. вашего народа, и вы оказались в потоптании и расхищении (*см. Ис. 5, 5*).

И из многого другого пусть станет тебе совершенно ясна смена Богом Закона. Ведь пророк Давид говорит: "Клялся Господь и не раскается: ты священник вовек по чину Мелхиседека" (*Пс. 109, 4*). Сначала, подумав, реши, почему он сказал "по чину Мелхиседека", а не "по чину Аарона", хотя священники ставились из Левитского колена (*см. Чис. 1, 50*), из которого и ты сам. Когда культ был отправляем левитским священством и это было узаконено перед народом, какая была еще нужда говорить "по чину Аарона"? С переменой же священства, совершенно вне сомнений, сопряжена смена Закона. Поскольку же сказано так, ясно, что имеется в виду другое колено, из которого никто не прикасался к жертвеннику, а хорошо известно, что Господь вышел из потомства Иуды, о колене которого в связи со священством Моисей не сказал ничего. И еще более ясно, что если встает другой священник, подобный Мелхиседеку, то — не по Закону плотской заповеди, но по силе жизни неодолимой, ибо свидетельствует: "Ты священник вовек по чину Мелхиседека". Тщательно вдумайся, Ксен, в эти слова: "Ты священник вовек по чину Мелхиседека" и пойми, что Давид сказал их о Христе и что при передаче священства из Левитского колена в колено Иуды, т.

е. Христу, ибо он происходил из этого колена, необходимо меняется и Закон. Так что перемена Закона была неизбежна, во-первых, по сказанной нами причине, во-вторых же, потому, что всегда, когда одни перестают быть священниками, священство наследуют другие, чтобы это великое дело не прервалось. Христос же, единожды умерев и восстав из мертвых, пребывает в силу этого человеком, больше не умирая, и облеченный неуничтожимостью и бессмертием пребывает священником вовек в согласии со словами божественного Давида: "Клялся Господь и не раскается: ты священник вовек по чину Мелхиседека". Видишь, как? Давид предрек, что священство будет передано, а за его передачей по необходимости следует и смена Закона. Хватит об этом. Переведем речь на другое и яснейшим образом покажем, как Бог вознамерился за неблагодарность, жестокость и неверие в Него оставить ваш народ и привлечь к себе другие народы.

Одному из судей — это был Гедеон — Бог повелел напасть на иноплеменников. Тот же, не видя и не разумея всемогущества и бесподобности силы Божией, но считаясь с собой и с нерадением и страхом народа, ибо их было ничтожно мало по сравнению с множеством иноплеменников, был недоволен повелением и просил у Бога знамения, чтобы увериться в том, что он действительно победит иноплеменников, как ему было повелено. Знамение же, о котором он просил, было таково: чтобы на положенную на гумне овечью шерсть выпал дождь, а кругом осталось бы сухо и не влажно, как и прежде. Что и произошло: земле вокруг шерсти нисколько не досталось влаги, шерсти же досталось ее столько, что, когда ее отжали, наполнилась водой лохань. Он же, не удовольствовавшись столь ясным знамением и не успокоившись, вновь попросил, чтобы были роса и сухость, но чтобы роса была на гумне, сухою же осталась бы шерсть. По просьбе Гедеона произошло и это. И, будучи этим утвержден, он выполнил поведенное Богом и, схватившись с иноплеменниками, обратил их в бегство и победил (*Суд. 14—40*). Поскольку же все древние образы были как бы прообразами будущего, то и рассказанное с неменьшим правом можно счесть знамением, особенно же при сопоставлении со случившимся позже, ибо можно сказать, что гумно было прообразом всей земли, а шерсть — иудейского народа, роса же, выпавшая сначала только на шерсть, — ниспосылаемых свыше иудейскому народу множеству милости и заботы, которых прежде вся земля была лишена. И напротив, сухость шерсти при обилии влаги на гумне — предвестие того, что вы лишитесь Божьих милости, помощи, близости и покоя, а вся земля и каждый народ будут ими преисполнены.

Совершенно ведь то же самое провозвестило пророческое изречение, высказанное как бы от лица Бога: "Сокрушу ограду виноградника Моего", т. е. Закон, "и будет он расхищаем, и заповедаю облакам не проливать на него дождя" (*ср.: Ис. 5, 5—6*), на народы же сойдут роса и всякое благо. И еще сказано пророком Исаяей: "Возвеселись, бесплодная, нерождающая; восклицай и пой, не знавшая родовых мук", т. е. бесплодная церковь народов, "потому что много детей у одинокой, прежде бездетной и бесплодной, больше, нежели у имеющей мужа" (*Ис. 54. 1*), т. е. у еврейской церкви, имеющей Закон и пророков или, точнее, самого Бога. Это ведь разумеется под мужем и детьми. То же самое предзнаменовало и то, что бесплодная родила семерых (*см. 1 Цар. 2, 5*): имеется в виду, что множество сыновей получила от божественного Духа церковь народов, а "многая в чадах", т. е. иудейская синагога, обессилела (*там же*). Вместо одиночества настала божественная благодать.

Неужели же из того, что мы сказали, не становится совершенно ясно, что народ издревле был оставлен Богом по указанным нами причинам. Закон осужден на бездействие, а блага, данные народам посредством евангельской благодати, еще в древности были проповеданы всеми пророками? Однако же если бы я захотел собрать все по порядку ясно это представляющее, наш разговор затянулся бы слишком надолго. Что же ты думаешь о сказанном?

Ксен: Очевидно, царь, что все это из божественного Писания, с этим я спорить не стану. Но кто мне докажет, что все эти пророческие слова относятся не к

непотребствам большинства, а, как ты говоришь, к нечестию и неверию?

Император: Я думаю, что и умеренно процитированное ясно показывает нам причину разрушения вашего города и порабощения большинства населения, а из этого естественным образом следует перемена Закона. Поскольку же ты еще сомневаешься и не полностью убежден, я постараюсь далее сделать это более для тебя ясным. А теперь, полагаю, надо обдумать то, что ты заявил несколько раньше, — что мы, дескать, поклоняемся дереву и идолам, назвав так святые чтимые иконы.

И всяким другим грехом греша против Бога, человек вызывает гнев Божий против себя. Но ничто не делает этого в такой степени, как идолопоклонство, ибо оно полностью отсекает человека от Бога, потому что поклонение идолам — совершенно то же, что почитание демонов. Именно об этом сказал пророк Давид: "Сказал безумец в сердце своем: Нет Бога" (*Пс. 13, 1*). Поскольку примерно так и ты думаешь о нас, я считаю нужным теперь же разъяснить тебе все, что этого касается.

Немощное и ни на чем не утвержденное человеческое мышление, легко увлекаемое случайностями, очень скоро забывает божественные благодеяния, по каковой причине премудрый Соломон говорит: "Все помышления смертных жалки и ненадежны мысли их" (*Прем. Сол. 9, 14*). И чтобы понемногу не исчезла и не отлетела память о чудных делах Христа, моего Бога, которые Он совершил, облекшись поистине в нашу плоть и пострадав, как человек, отцы пришли к такой божественной и весьма плодотворной мысли: писать на стенах и на специальных досках образы, чтобы, глядя на них, мы вспоминали то великое благодеяние. Ради этого, стало быть, мы и пишем, и чтим, и любим иконы Христа, Его божественной приснодевственной Матери и других святых людей.

Поклоняемся же мы им не как божествам, а относительно, выказывая избыток жара любви к изображенным. Как Божеству мы поклоняемся только Христу, — где написан Его образ. А родившей Его приснодеве Марии и ее иконе, а также иконам иных святых и им самим мы поклоняемся не как божествам, как я сказал, но, выказывая почитание, мы пересылаем честь их прообразам — по той причине, что одни из них, претерпев за Христа различные тяготы, добродетелями изнурили свою плоть, а другие были подвергнуты многим видам смертных казней.

Ясный же пример того, что честь, воздаваемая образу, переходит к первообразу, — императорское повеление. Ты ведь знаешь, что когда что-либо такого рода кто-нибудь прочтёт вслух, все присутствующие тут же, если кто сидит, встают и начинают издавать громкие крики, на все голоса попеременно увенчивая императора похвалами и благодарностями; многие же прикладывают грамоту к своим головам. Это, я полагаю, и тебе хорошо известно?

Ксен: Конечно.

Император: Что же, кажется тебе, что они воздают честь хартии и чернилам, или красным буквам? Ни в коем случае. Поскольку каждое из этого само по себе ничто, они полагают, что переводят честь на царя и перед ним склоняют свои шеи, обременяемые грамотой, о которой мы сказали.

Ксен: Мне так кажется.

Император: Прекрасно. Еще понятней, что мы поклоняемся иконам не как божествам, тебе будет из следующего. О монетах ведь и сам ты, уж конечно, знаешь, — что на одних из них отчеканены образы Христа, на других — Его матери или кого-нибудь из святых. Но нас мало, а вернее сказать, никак не занимает их почитание. Ибо не для почитания прообразов было придумано делать их отпечатки на серебре или на золоте. Мы их наносим как своего рода знак достоинства монеты, а кроме того, чтобы показать, что монета принадлежит

христианам. Потому, и на землю их при случае бросая, предавая огню и переплавке, истирая, разламывая, а при сделках и торговых операциях передавая в руки нечестивых, мы не смущаемся. Да и у тебя самого в кошельке или дома, если поискать, может найтись немало таких христианских монет, данных тебе исключительно христианами, а не кем-то другим. Однако тех, кто их дает, это нисколько не заботит. Ибо мы настолько далеки от того, чтобы служить образам как божествам, что если образ, написанный, допустим, на доске или на стене, оказывается почему-либо стертый, то ничего другого в стене, кроме прежней стены, и в доске, кроме дерева, мы не видим и при случае предаем их и огню. Как видишь, поклонение иконам не есть идолослужение, как ты думаешь. И разумные люди придают значение не поклонению, но помышлению поклоняющихся. Если хочешь, я на примере ваших обычаев сделаю это более для тебя ясным.

Бог, видя неразумие и неблагодарность ваших предков, потому что они чрезвычайно быстро забыли Его благоденствия и различные милости и скоро изгнали из души память обо всем, чем они были облагодетельствованы в Египте, в пустыне и повсюду, повелел через Моисея подвешивать к рукам священников некие книжечки с записанными в них чудесами. Так что же, неужели хартии и чернилам воздавая почитание, прикрепляли к рукам написанное? Ни в коем случае. Но, глядя на них, думали о благоденствиях, потому что вид их пробуждал в них воспоминания и незаметно побуждал к благодарению. И что, не боговидец ли Моисей, сделав образы херувимов, установил их на крышке ковчега Завета (см. *Исх. 25, 18—20*)? Но он и не думал служить идолам. Что уж и говорить о ковчеге и находящемся в нем — я имею в виду скрижали Завета (см. *Втор. 10, 5*), сосуд с манной, божественный жезл Аарона и золотую кадильницу (см. *Евр. 9, 4*). Не из дерева ли он был сделан, а то не из золота ли — такой преходящей материи? Однако ничего такого не приходило в голову тем, кто поклонялся им; и столь велик был их благоговейный страх по отношению к святыне, что никому из них всех не было позволено ни приближаться, ни прикасаться к ней, кроме какого-нибудь священника из колена левитов. Ты ведь знаешь, я думаю, о том Озе — какую он понес кару за дерзость, хотя он из благочестивых, как ему казалось, побуждений прикоснулся к ковчегу: ведь он хотел его поддержать, чтобы тот, наклоненный быком, не упал (*1 Паралип. 13, 9—10*). Ничто ведь не препятствует материальному и быть, и считаться божественным. Ведь чем-то вполне божественным и очень высоко чтимым было и то, что в нем лежало, и сам ковчег. Невозможно, думаю, без трепета вспоминать множество совершавшихся ради него чудес, Сколь великим, например, было чудо с Иорданом, когда вода с одной стороны утекла до самого дна и влилась в море, а с другой, сгустившись, как лед стала, когда священники, носившие ковчег, стояли посреди речного дна, давая прочим возможность беспрепятственно посуху переправляться, а иноплеменники, видя это, чуть не умирали от страха, а затем Иордан вновь получил беспрепятственный путь, когда после всех перешли и священники (*Ис. Нав. 3, 14—17*). А каково то, когда после семидневного обхождения вокруг Иерихона священников с ковчегом пали его стены и все его жители вместе с правителями были поработаны (*там же 6, 12—23*)? Какая такая сила это делала: неужели же дерева и металла? Нет. Но ведь одно там было видимым, а другое умопостигаемым, и это совершала умопостигаемая сила.

Своевременно будет разъяснить тебе, что я понимаю под умопостигаемой силой. Ковчег ведь был образом и подобием родившей Сына и Слово Божие чистейшей приснодевы Марии, а его содержимое, хоть и было подобием вселившегося в Деву Христа, но и оно все было образом той же нескверной и пренепорочной Марии. То, что ковчег был, согласно Закону, изготовлен из дерева, указывало на ее тленность и на то, что она дочь Адама, кадильница же из золота — на ее все превосходящую чистоту и на то, что она примет в себя истребляющий всяческий порок огонь божественности, т. е. Сына Божия, настоящий умственный фимиам, для ангелов всех и людей благоухающий. Скрижали же и начертанные Богом слова яснейшим образом предзнаменовали: скрижали — ее как смертную по природе, слова же — бессемянно вселившееся в нее Божие Слово. И жезл тоже

был прообразом приснодевы Марии: как он, будучи сухим и лишенным влаги, внезапно процвел и оказался плодоносным, тогда как другие жезлы остались сухими, как и прежде, так и она, избранная из всех родов, без семени родила Цветок нетления, Христа, — подобно тому как жезл без земли и воды пророс. Содержащий же манну золотой сосуд означал чистоту и безупречность Богородицы, а манна, которую он содержал, — свыше в нее сошедшего Бога-Слово: ибо подобно тому как манна удивительным образом сходила, так и Сын Божий превосходящим всякое объяснение и всякую ангельскую и человеческую мысль образом сошел на Приснодеву, от ее пречистых и нескверных крови и плоти плоть Себе создав. И как был Он совершенным Богом, так Он стал по всему совершенным человеком, и — не по видимости, как некоторые нечестиво полагали.

Помысли же здесь и о том, как отцы ваши, питаясь той небесной богоданной пищей, о которой пророк Давид сказал: "Хлеб ангельский ел человек" (*Пс. 77, 25*), не удержались тогда от ропота, но поставили выше египетское мясо и прочую пищу, а также перепелов и, не устыдившись прысыщения ими, испытали за неблагодарность божественный гнев в тот самый момент, "когда пища была у них в устах" (*Чис. 11, 4—33*). Смотри же не подумай, что раз пророк называет манну ангельским хлебом, то ангелы нуждаются в какой-то материальной пище, поскольку манна была материальной, или наоборот, — что тела людей поддерживаются некоей ангельской умственной пищей. Ничего подобного: созданным из земли людям потребна земная пища, ангелы же, состоя из ума и будучи далеки от материи и телес, имеют соответствующую их природе пищу, каковой является Сам Бог, который для них — и пища неиссякаемая и неисчезающая, и радость непрестанная, и свет, превосходящий всяческое сияние, — каковой пищи себя лишив, дьявол претерпел самую худшую и жесточайшую смерть, хотя ему и кажется, что он жив. Ангелы же, питаясь такой пищей, живут вечно и живы будучи в неисчислимые и бесконечные веки.

Поскольку же мы полагаем, что Сам Бог — пища ангелов, получается, что манна была провозвестием сошествия с небес и воплощения от чистой Девы Бога и Владыки Иисуса Христа. И пророк удачно образно назвал манну хлебом ангелов, поскольку она была ярообразом хлеба, или пищи ангельской — Господа, имеющего насытить всякую душу неиссякаемой умственной и божественной пищей; так же точно она замещала иудеям всякую пищу. Потому ведь и сам Христос, воплотившись, говорил: "Я есмь хлеб, сшедший с небес" (*Ин. 6, 41*). Называя себя нематериальным, как мы сказали, хлебом, Он хотел образно показать, что точно так же, как самой необходимой пищей, восполняющей и воссоздающей то, что каждый день уходит из тел, является хлеб, так и Христос умирающие и как бы издыхающие души верующих в Него оживляет и согревает.

И не удивляйся тому, что пророк о будущем времени сказал в прошедшем: "ел" вместо "будет есть". В Писании ведь часто используется такой прием передачи мысли. Например, "На реках вавилонских, там сидели мы и плакали" (*Пс. 136, 1*) было написано до Вавилонского пленения, а "В реке пройдут ногами" (*Пс. 65, 6*) — после перехода через Иордан народа с ковчегом.

Все это я привел тебе, отводя от нас обвинение, связанное с воздаянием чести и поклонения святым образам, и всячески тебе показывая, что мы поклоняемся им не как богам, как некоторые думают, но, как я сказал, переводя честь первообразам. Убеждает ли тебя это, скажи.

Ксен: Многое заставляет согласиться с тем, что ты говоришь. И, думаю, никто не вправе укорить меня за то, что я присоединяюсь к истинному.

Император: Тогда уместно было бы воздать Богу молитву в качестве своего рода жертвы от первых плодов наших рассуждений:

Бог святой, в Троице воспеваемый, коснувшийся очей твоего ума и оные, совершенно смеженные, немного приоткрывший, да очистит их Сам от

приставшего к ним обмана, как от некоего гноя, и да дарует твоей душе веру Авраама, Исаака и Иакова, чтобы ты познал истинно сущее, т. е. точно известную истину о Боге, а не блуждал в неведении, как в глубоком мраке.

Ксен: Мне в высшей степени приятно было, Царь, слушать молитву, и в то же время в моей душе вспыхнуло сильное желание получить разъяснения о том, что ты назвал Троицей. Ибо, слыша о том, что вы, христиане, почитаете Троицу, я как-то никого об этом не расспросил. А теперь, когда ты своими словами доставил удобный случай и выказываешь усердие в том, чтобы я понял то, что мне хочется, я, право же, буду немало тебе благодарен, если ты объяснишь мне и это.

СЛОВО ТРЕТЬЕ

Император: Знай, Ксен, что ты вызываешь лидийца на равнину. Следует тебе, однако же, понять, что о природе Троицы никто не только из людей, но из херувимов и серафимов вообще ничего не знает. Как очень мудро сказал один человек, Бога трудно помыслить, выразить же в словах невозможно. Поскольку же я обещал тебе сказать, насколько это в моих силах, о вочеловечении Сына Божия, то, когда буду об этом говорить, тогда и о божественном Духе по возможности с тобой побеседую. Много здесь такого, о чем трудно вести речь, а еще больше вовсе невыразимого. Об Отце же излишне было бы рассуждать: хоть и неправильно понимая. Богом вы Его все же признаете.

Ксен: Здесь вновь, царь, возникает некое иное, почти нестерпимое недоумение, о котором я и раньше говорил: едва ли кто-нибудь скажет, что вы, живущие как язычники, или какие бы то ни было другие люди, почитаете Бога надлежащим образом, а не мы, дети Авраама, Исаака и Иакова, ученики Моисея и хранители Закона.

Император: И это, Ксен, наряду с прочим я хорошо разъясню тебе с Божьей помощью. А теперь хочу напомнить тебе, что вы с твердой уверенностью называете себя израилитами. Нас же ты обвинил в том, что мы гордимся чужими именами, ибо так называем себя. Я скажу тебе больше, чем того требует соперничество из-за имени.

"Израиль" означает "Ум, зрящий Бога", значит, с полным правом Израилем могут называться те, кто умственными очами благочестиво созерцает Бога. Мы якобы несправедливо называемся израилитами наравне с вами, детьми Иакова, который был назван также и Израилем (*Быт. 32, 28*), поскольку не от него выводим свой род, и тем более Израилем. Но я бы уверенно сказал, что вы утратили это имя с тех пор, как разгневали на себя Бога, отступили от Него и были Им оставлены из-за нечестия вашего и той великой дерзости с крестом против Сына Божия, всемирного Спасителя, на которую вы отважились. Ему, однако же, подобало пострадать плотью ради всеобщего спасения, и Он пострадал. Жалкие же и достойные слез, ибо будучи умом, зрящим Бога, вы затемнили и омрачили свой ум следом за первым тем отступником, дьяволом, израилитами вы, как я сказал, называться, пожалуй, можете, но никак не Израилем. Нам же, детям — в этом твой упрек — идолопоклонников, по справедливости можно сказать, подобает и быть им и называться, а также "уделом наследования" (*Втор. 32, 9*) Богу, святыми и наследниками царства Божия, потому что благодаря вере во Христа и омовению пакибытия (*Тит. 3, 5*), т. е. божественному крещению, мы стали умом, взирающим на Бога, стать каковым и тебя вновь молю и часто молил бы, чтобы открылись твои душевные очи и ты получил бы от Бога настоящее знание истины.

Поскольку же я обратился к тебе с мольбой возвратиться в прежнее достоинство, справедливо было бы, думаю, объяснить тебе и смысл мольбы. Ведь некие

большие и более совершенные блага, чем твои великие прародители, которыми ты хвалишься, придут тебе, если ты послушаешь меня и примешь омовение пакибытия. Те, хотя велики и были умом, зрящим Бога, еще не имели совершенного знания о Христе. Хотя, можно сказать, при жизни они Его проповедовали, хотя и не совершенно и не чисто, а умерев, благодаря Ему или, скорее, от Него надеялись получить для своих душ свободу от ада. Но, как я сказал, они были велики, будучи еще несовершенны, испытывая нужду в знании. Потому ведь и Христос говорил своим ученикам: "Многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали" [Лк. 10, 24]. И не только те были несовершенны, но и сами ученики Спасителя, ежедневно с Ним бывшие и непрерывным учением возводившиеся и изменявшиеся к лучшему, — даже они до страдания и смерти их учителя Христа не имели совершенного знания. А после этого, я имею в виду — страсти и воскресения, на них сошел божественный и пресвятой Дух и наставил их в сверхъестественном и совершенном знании. Каковым разумом обогатившись при жизни, если кто-нибудь захочет потянуться к тому, который люди воспримут при втором пришествии Христовом, с избытком получит его больше. А ведь сами получившие свободу в аду божественные отцы, даже они, видевшие низвержение дьявольской тирании, совершенного знания не получили.

Я это тебе рассказал, чтобы ты понял, что у тебя будут большие блага, нежели у тех, кто следует за отцами, если ты станешь последователем апостольского учения и знания, которому, как сказано, свойственно совершенство.

Ксен: Больше всего из того, что ты, царь, использовал в своем слове, затронуло меня сказанное о кресте. Кажется совершенной нелепостью, более других невероятной, что то, что было придумано, чтобы губить людей, для величайшего и, я бы сказал, постыднейшего из наказаний, оказалось для многих других людей и для самого Иисуса, которого вы именуете Христом-Мессией, некоей причиной жизни непрерывной, как вы говорите, а кое для кого и совершенного знания.

Император: Хотя и обещал я тебе, Ксен, в свое время ясными словами рассказать о вочеловечении Христа, но еще время мне не кажется подходящим. Когда же до этого дойдет речь, тогда-то, о том, о чем ты спрашиваешь, я обязательно поговорю.

А сейчас, думаю, хорошо будет немного разобраться с опресноками. Как ты помнишь, ты обвинил нас и в том, что вопреки преданию боговидца Моисея мы не едим их и не считаемся с этим так же, как с субботах и постами, совершенно ниспровергая тем самым данный Богом Закон. О постах неразумно будет искать что-либо, помимо Исаяи, он же сказал: "Так говорит Господь: взывай громко, не удерживайся; возвысь голос твой подобно трубе и укажи народу моему на грехи его, и дому Иаковлеву на беззакония его. Они день ото дня ищут меня и хотят знать пути мои, как бы народ, поступающий праведно и не оставляющий суда Бога своего; они вопрошают меня о суде праведном и желают приближения к Богу, говоря: Мы постились, а ты не видишь, смирили души свои, а ты не знаешь. Но ведь в дни постов ваших вы стараетесь исполнять желания ваши и всех подвластных вам уязвляете. Если вы поститесь во время ссор и распрей, бия кулаками смиренных, для чего вы поститесь: чтобы голос ваш был услышан сегодня в крике? Не такой пост я избрал, а день, в который томит человек душу свою. Если не преклонишь, как под ярмом, шею свою и не подстелешь под себя рубище и пепел, то не называйте это постом и днем, угодным Господу. Не такой пост я избрал, говорит Господь, но: разорви всякую неправедную связь, развяжи узлы хищнических сделок, отпусти угнетенных на свободу и всякий несправедливый документ разорви; раздели с голодным хлеб твой и скитающихся бедных введи в дом свой; когда увидишь нагого, одень его и единокровного твоего не презри. Тогда рано вспыхнет свет твой, и одежды твои скоро воссияют, и пойдет пред тобою правда твоя, и слава Божия покроет тебя. Тогда ты воззовешь, и Бог услышит тебя; ты еще будешь говорить, а Он скажет: Вот Я пришел. И если ты отвергнешь связь, рукоприкладство, слово ропота, дашь голодному хлеб от души твоей и наполнишь душу смирением, тогда

воссияет во тьме свет твой и тьма твоя будет, как полдень; и будет Бог с тобою всегда" (*Ис. 58. 1—11*).

Видишь, каков ответ Божий на твое обвинение против нас, что мы не соблюдаем ваши посты и что не просто, но с гневом отвергает Он их и гнушается ими и говорит, что любит другой вид поста — как раз тот, которому учит Евангелие, то есть любовь (*см. 1 Кор. 13. 1—8, 13*), милость (*см. Мф. 9, 13*), оставление долгов (*см. Мф. 18, 33—34*) и прочее, что он перечислил по порядку и назвал благой жертвой, угодной Богу? Таким постом научены поститься христиане и такие, приятные Богу, жертвы приносить, а не ваши, ненавистные Богу, как говорит Исая (*1. 11—14*), и Богом отверженные. Бог ведь не придает значения самому названию поста, но проверяет, правильно ли он выполняется. Ибо часто одно и то же происходит по разным причинам и судится Богом не одинаково. Скажем, например, три отрока в Вавилоне (*см. Дан. 1*), а если хочешь, и Маккавеи (*см. 2 Макк. 1*) были мучимы. Но ведь никого из многого множества человекоубийц и прочих злодеев мы не поносим и не принимаем за одно только то, что люди мучились. Только делаемый каждым человеком выбор мы либо порицаем, либо хвалим: за свойственное одним злонравие и за свойственные другим мужество и твердость в соблюдении отеческих законов. Соответственно этому, вашим постам не подобает называться божественными, поскольку Бог через пророка ясно сказал, что они Ему в высшей степени отвратительны и Он отворачивается от них. Кто же настолько наивен, чтобы любить то, от чего Бог отворачивается?

Я бы стал напрасно тратить время, говоря еще и о праздниках и субботах, потому что вместе с Другими вопросами, касающимися Закона, мы решили и эти. А ты утверждал, что нет иного пути быть благочестивым, как соблюдать их согласно преданию Моисея. Такое убеждение и превратное представление о вере христиан не от чего другого у вас происходит, как от нежелания возвыситься до смысла слов и дел и от приверженности голой букве. Ведь соблюдение заповеданной вам Законодателем, г. е. Богом, праздности не есть соблюдение веры. Если бы это было так, никогда никаких отступлений от нее не допускалось бы. Однако же отвязать от яслей вола и осла в день субботний и отвести напоить (*Лк. 13, 15*), наклониться и вытащить что-нибудь, упавшее в колодезь или в ров (*Лк. 14. 5*), да и обрезать (*Ин. 7, 22*), если на субботу придется восьмой от рождения день жизни новорожденного. Закон вам повелевает. Если бы в этом, как мы сказали, состояли догмат и соблюдение веры, как же бы это отчасти соблюдалось, отчасти же нарушалось? Сказать это невозможно. Праздность была вам заповедана Законом вот почему: во-первых, чтобы у ваших подъяремных животных и у рабов бывал некоторый отдых и перерыв в постоянных трудах и они окрепшими возвращались к работе; а во-вторых, чтобы каждый из вас вместе с женщинами и детьми по примеру Бога, который, как сказано, в седьмой день почил от дел своих (*Быт. 2, 2*), соблюдал покой в день субботний, обращался к гимнам в честь Бога и помышлял о страшном восьмом дне, дне грядущего суда. И еще одно есть соображение относительно субботы, такое: раз свету мира, Христу, предстояло в субботний день лежать в гробе мертвым, подобало и вам в этот день поневоле соблюдать полную праздность, А вы, ничего из этого не принимая в расчет, столь безрассудно и неразумно обожествовали субботний покой и гордитесь, что ни в чем, как вам кажется, не отступили от Моисеевых законоположений. Что и говорить о ваших праздниках, если только вообще можно назвать праздниками то, что установлено вами! Очень смешно, что, когда другие их не соблюдают, вы считаете, что они преступают Закон, больше всех имея опыт в этом сами.

Ксен: Не знаю как кого другого, царь, но меня тебе никак в этом не убедить; я лишь с большей силой возражу тебе, что это невозможно, чтобы люди, соблюдающие заповеданные Богом праздники, посты и прочее, оказались преступающими Закон, а те, кто об этом и не думает, плюет на это и смеется над теми, кто его чтит, поступали по Закону, были правыми и не отступающими от благочестия.

Император: Недавно я сказал, что, имея разум, надо смотреть на поступки людей не поверхностно, но принимая во внимание их намерения. При взгляде с

этой точки зрения ваши посты, праздники и субботы выглядят распущеннее и сквернее всякого пьянства. Взгляни и ты, и я удивлюсь, если тебе не откроется беззаконие происходящего.

Бог повелел приносить жертвы и прочее совершать в Иерусалиме и не иначе как в храме; потому-то отцы ваши и не поддались никаким убеждениям и не согласились воспеть песнь, когда вавилоняне вели их в плен, а отказавшись, сказали: "Как нам петь песнь Господню в земле чужой?" (*Пс. 136, 4*). В отличие от них вы не только не отказались от пения, но и совершаете незаконные праздники и посты. Самое непостижимое из этого то, что вы нас обвиняете в неблагочестии из-за того, что мы не восхваляем совершаемое вами, а особенно за то, что мы сами так не поступаем. Если хочешь знать, как Бог принимает ваши жертвы, послушай, что говорит о них Исая: "К чему мне множество жертв? — говорит Господь. — Я пресыщен всесожжениями овнов и туком ягнят и крови тельцов и козлов не хочу. Не приходите и не являйтесь предо Мной. Кому нужно это из рук ваших? Не продолжайте топтать двор Мой. Если приносите крупчатку, понапрасну. Курение отвратительно для Меня. Новомесечия ваши, и субботы, и Великий день не могу терпеть. Посты, праздность, новомесечия ваши и праздники ненавидит душа Моя, Я ими пресыщен. Больше не буду терпеть грехи ваши. Когда возденете руки ваши ко Мне, отвращу очи Мои от вас; и если умножите моление, не услышу вас, ибо руки ваши полны крови" (*ср.: Ис. 1, 11—15*). Вот что Бог говорит о ваших жертвах, субботах и праздниках и сколь определенно повелевает их ненавидеть и прекратить.

Ну, пора разобраться в том, каков смысл повеления об опресноках и какая в связанных с ними законоположениях заключена мысль, которой вы никакого значения никогда не придавали, сочтя достаточной для благочестия только букву.

Ты, конечно, знаешь, что в течение всего года вы едите хлеб, а во время пасхи на семь дней из всякого дома хлеб убирается, и все у вас едят опресноки, как то повелевает буква Закона. Когда же эти семь дней проходят, все снова едят квасной хлеб. На что же, можно сказать, указывает перемена употребляемого хлеба? При внимательном рассмотрении ясно, что не на что иное, как на упразднение Ветхого Завета и начало Новой Благодати, которую Бог через пророков обещал дать народам.

А что можно сказать о значении обрезания? Неужели это догмат веры? Нет ведь. Что же? Знак, своего рода отгиск чего-то, сделанный с неким смыслом. Будь это, как вы полагаете, догматом веры, не вызывали бы восхищения и не воспевались бы до сих пор жившие до потопа и угодившие Богу люди, и бывшие и почитающиеся святыми, как то засвидетельствованные Богом праведники Авель и Енох и многие другие, самый первый из которых Адам, а также после потопа — Ной, Иов, Мелхиседек и многие другие. И Авраам, когда уверовал и вменилась, как написано (*Быт. 15, 6*), вера его в праведность и он стал другом Божиим и получил по дружбе милость стать отцом многих народов и иметь в наследие подсолнечную, был ли он тогда обрезан или же необрезан?

Ксен: Известно, что необрезан.

Император: Значит, не в том заключается благочестие, чтобы обрезываться. Если бы, как сказано, в этом состоял самый смысл веры, не были бы люди, жившие до Авраама, и сам он до тех пор, пока не обрезал крайнюю плоть, святыми и друзьями Божиими. Так что нечто иное через это предусматривалось. Поскольку по известным Богу причинам — а ум Господень никто не знает (*Рим. 11, 34*) — потомкам Авраама предстояло четыреста лет рабствовать в Египте (*Исх. 12, 40*), а затем оттуда с главой высокой и великой силой выйти, избавившись от тяжелейшего рабства, Аврааму, а через него всем его потомкам было дано от Бога обрезание (*Быт. 17, 10—13*), чтобы во время пребывания на чужбине они отличались от египтян, как некие меченые овцы, а когда должны будут уйти, легко и как можно более безболезненно от необрезанных египтян отделились. Не будь у них тогда такого знака, ни другие их по прошествии чрезвычайно

большого времени от себя не отличали бы, ни, мне кажется, они себя от других. А потому им и нелегко было бы уйти, столь трудноотличимым.

Еще одно свидетельство тебе того, что обрезание — не догмат веры, тот факт, что женщины не обрезаются. Ты ведь не скажешь, что Бог хотел, чтобы мужчины были благочестивы, а женщины нет.

Самое же ясное доказательство моей правоты то, что, когда евреи вышли из Египта, в течение сорока лет их пути через пустыню ни один из них не был обрезан, А когда они собирались силой кивота, как я ранее сказал, перейти Иордан, Иисус Навин по Божьему повелению всех снова обрезал (*Ис. Нав. 5, 2—8*), чтобы обрезание было неким знаком этого народа и отличало его от иноплеменных народов, с которыми ему предстояло смешаться. Так что первой причиной повеления обрезать было пребывание ваших предков в Египте, а второй — смешение с иноплеменниками из близлежащих мест после перехода через Иордан.

Но есть еще некая причина сверх этих: поскольку предстояло Христу быть распятым ими по плоти, а им из-за крайней степени дерзости впасть в жестокие беды, городу их совершенно погибнуть, а оказавшемуся в изгнании народу стать всем подвластным и повсюду рассеянным, предусматривалось, что благодаря обрезанию они будут всем заметны и отовсюду как скверна гонимы, что и можно видеть, как ты хорошо знаешь.

А о том, что Богу мало нужно было такое обрезание, послушай слова Моисея, сказанные в те дни: "Итак, обрежьте крайнюю плоть сердца вашего и не будьте впредь жестоковейны; ибо Господь Бог ваш есть Бог богов и Владыка владык" (*Втор. 10, 16—17*). И Иеремия говорит: "Распахните себе целину и не сейте в тернии. Обрежьте себя для Господа и снимите крайнюю плоть с сердца вашего" (*Иер. 4, 3—4*). Не одни только Моисей и Иеремия, но и многие другие пророки думали, что истинное и угодное Богу обрезание — это оставление зол, отогнание от сердца злопамятства, зависти и тому подобного. Ведь изгнавший и отринувший от души таковое поистине обрезан (*см. Кол. 2. II*). Ибо Бог не создал в нашем теле ничего лишнего, бесполезного или скверного, отрезав что и отбросив, мы могли бы думать, что хорошо поступили, но все там "очень хорошо" (*Быт. 1, 31*), и одно соединено с Другим, и все доведено до взаимного соответствия с целью совершенства и красоты, и лишнего среди этого нет ничего. А вот сообщающиеся нашим душам извне от невнимательности прегрешения и устремления ко злу — их-то Бог через пророков и повелевает нам обрезать и говорит, что такое обрезание ему приятно. Если же кто-нибудь плотью обрежется, устремлений же души ко злу, всячески пресекая, не подавит, то такое обрезание, как ты слышал, пророки ясно называют тщетным. Послушайка, что Бог говорит в книге Левит: "Преступили и презрели меня, и ходили предомной с хитростью, и я ходил с ними с хитростью, и погублю их в земле врагов их; тогда покорится необрезанное сердце их" (*ср.: Лев. 26, 40—41*). Вот что говорится о том, в отсутствии чего ты неким образом обвиняешь нас, говоря, что мы необрезанные и не соблюдаем субботы, праздники и прочее.

А поскольку, как мне кажется, об этом сказано достаточно, пора уже, как обещано, коснуться и темы воплощения Христова. Тебе же следует не как-нибудь и между прочим, а усердно и серьезно и по возможности как бы очищенными мыслью и слухом воспринять речь на столь важную тему. И кстати было бы то, что знаешь, добавить к тому, чего не ведаешь, — для ясности смысла. Слушай же.

Бог, захотев все это — то есть всю умственную и чувственную тварь — создать из не-сущего, прежде всего сотворил ангельские чины, т. е. престолы, херувимов, серафимов, господства, силы, власти, начала, архангелов и ангелов, — то ли в виде огня невещественного и бестелесного, то ли в виде какой-то другой природы, но представлять себе их нужно как можно ближе к поименованному. Один же из главных среди этих чинов, увидев, как он красив, сколь он светел,

прекрасен и нематериально бестелесен, как то и подобает ангельскому естеству, не на добро воспользовался данными ему благами и свободой воли и неразумно восстал против создавшего его Бога и, надувшись суетной и легкомысленной гордыней, возвысил на небо язык свой и похулил сотворившего его Бога. "Поставлю, — сказал он, — престол мой на облаках и буду подобен Всевышнему" (*Ис. 14. 13—14*). И тут же святой денница, бывший единичным согражданином прочих ангелов, оказался чужд их неизреченной красоты и радостнейшего пребывания и стал тьмой вместо света, грешным вместо святого, умом заблуждающимся вместо ума ангельского.

Пропуская середину, т. е. сотворение неба, земли и того, что на них, ибо распространяться об этом нет никакого смысла, мы видим, что Моисей говорит, что Бог насадил на востоке рай (*Быт. 2, 8*), а человека, который возделывал бы его, не было. И потому, пожелав разом и завершить сотворение высшего мира, и создать возделывателя этого необычайного сада. Бог сказал: "Сотворим человека по образу Нашему и по подобию" (*Быт. 1, 26*). Так вот, посмотрим, кому Бог сказал "сотворим человека". Ведь это слово "сотворим" свидетельствует о наличии некоего единства воли, и Писание изображает дело так, что Бог с кем-то беседует. Будем ли говорить, что Бог сказал это ангелам? Но это невозможно: кому-то подобному Себе Бог сказал "сотворим человека"; ангел же, даже невозможно сказать, насколько ниже божественной высоты. Но, может, кто-нибудь станет говорить, что Бог Самому Себе сказал "сотворим"? Но и это весьма бессмысленно. Ведь слово "сотворим" свидетельствует о наличии не одного лица. Получается, что Бог сказал это Своему Сыну, единственному существующему не отличимому от него образу, обращаясь к которому Он и после падения Адама сказал, как будто иронизируя: "Вот, Адам стал как Один из Нас" (*Быт. 3, 22*), т. е. стал богом.

Слыша, что у Бога есть Сын, не опустишь до каких-нибудь телесных представлений, вообразив Его рождение по образцу телесных и плотских существ. Если ты дерзнешь так низменно и пошло рассуждать о Боге, ты можешь быстро счесть всех, кто с тобой об этом говорит, безбожниками и нечестивцами. Если это случится, то причиной твоего заблуждения непременно будет то, что, читая, ты не видишь глубинного смысла Писания.

Ксен: О каком Писании ты говоришь, что я, изучая его, не понимаю истинного его значения: о Моисеевом Пятикнижии, о книгах пророков, о песнях Давида или о ваших книгах, которые вы не боитесь называть и святыми?

Император: Сейчас я сказал о Ветхом Завете. Но и о Новом можно сказать то же, не уклонившись от истины. Ибо между ними нет никакого противоречия.

Ксен: Если ты скажешь, что я не знаю этих ваших новых книг, то я несколько не буду противоречить. Что же касается других, то есть Ветхих, наставником и учителем в которых является для нас Моисей, то далеко от истины говорить, что я их вовсе не знаю: хоть и не в совершенстве я их изучил и постиг, однако же и не вовсе в них несведущ и невежествен.

Император: Чуть раньше я сказал тебе, что, слыша о рождении у Бога, не надо смущаться никакими неподобающими телесными образами рождения, но то надо взять в ум, что Бог как человеческими представлениями непостижим, так и не человеческим путем рождает. В то, что Бог рождает, верят, а вот как — это непостижимо. И мы научены, что у него есть Сын, предвечный и со-безначальный Ему. А как Он Его родил, это не только существам смертной и материальной природы, но, как я сказал, и первейшим из ангелов совершенно недоступно. Одной лишь верой мы принимаем все это и исповедуем. Да и без всяких слов так или иначе ты знаешь, что средствами разума и естества невозможно разобраться в том, что превосходит естество и разум; неизреченное можно лишь почтить молчанием. Ну, помню ли я что-нибудь из этого, или тебе кажется, что забыл?

Ксен: Да, помнишь.

Император: Итак, раз мы согласны, что Бога трудно помыслить, в словах же выразить совсем невозможно, не будет ли сверхъестественным безрассудством много размышлять о Божьем рождении? Всякий согласится, что такое следует чтить молчанием. Только вера может такое почтить и убедиться, что это так, а не иначе. Ведь вера — это знание без доказательств. А раз это знание бездоказательно, то сверхъестественна и связь, которая неведомым образом, а не путем доказательства, соединяет нас с Богом превосходящим разум соединением. Поскольку же ни один из способов доказательства не соединяет нас с Богом, но только вера, как может быть чем-то познаваемым то, как Бог родил Своего Сына? Если же прибегать к языку образов, то можно сказать, что Бог родил Своего Сына, как ум рождает слово; имеется в виду — не произносимое и испускаемое в воздух слово, но соответствующее Его природе. Но и это уподобление дает довольно смутное представление, лишь отчасти, а не всецело разъясняя образ этого рождения.

Только такую помощь в рассуждениях о Боге способны дать образы, почерпнутые из мира твари. Вот мы и говорим так: Бог рождает Своего Сына, как ум слово и как солнце свое сияние, являющееся светом от света. Поскольку все рождаемое по необходимости подобно рождающему — человек ведь рождает единосущного себе человека, конь — коня, подобным же образом и маслина, а также и прочие растения и животные, — то и Бог также: без страданий, вневременно, прежде всех веков Он родил единосущного Себе Сына. Потому Он и Сын, что единосущен. Дальше я скажу об этом подробнее. Если же это тебе представляется тягостным — называть Сыном Божиим сошедшего с небес для спасения людей, называй его светом от света, единосущным Богу и сопредельным, Отцом веков, по Исайе (*ср.: Ис. 9, 6*), объектом поклонения ангелов. Сыном же Божиим если не хочешь его называть, мы уступим. Но вернемся к сказанному выше: раз Бог не Самому Себе сказал "сотворим человека" и не ангелам, по причине, которую мы назвали, значит, он сказал "сотворим человека по образу Нашему и по подобию" (*Быт. 1, 26*), обращаясь к Своему Сыну и Слову.

Тело человека Бог создал, взяв прах с земли, как написано, душу же вложил в него от Себя вдуновением. А после этого Он взял одно из его ребер, наполнил его, и возникла Ева — чтобы все происходили от одного начала, от Адама, а не от двух, от Адама и Евы. Затем Бог поселил их в раю и дал им закон, я имею в виду заповедь, позволяющую есть плоды всех деревьев в раю, кроме дерева познания добра и зла (*Быт. 2. 16—17*). Дьявол позавидовал таковой их чести, но к Адаму не приблизился как к более твердому, а подошел к Еве и дал ей пагубнейший из советов. По слабости прельстившись, поверив обману и прикоснувшись к запретной пище, она оказалась причиной того величайшего падения Адама. Съев же то, что было приказано не есть, они осознали свою наготу. И когда Бог вечером гулял по раю, Адам и Ева, говорит Моисей, поняв, что они наги, скрылись от Него. А Бог, чтобы напомнить Адаму его преступление и тем самым понемногу привести его к покаянию, обратился к нему: "Адам, где ты?" — показывая ему этим величие чести, которую тот потерял, а также подводя его тем самым, как мы сказали, к покаянию. Тот же, не умея путем смирения возвышать себя, объявил себя невиновным, а вину возложил, как следует из его слов, чуть ли не на Бога, указав на жену. И за то, что он оправдывался ее прельщением, он был изгнан вместе с нею из рая. Будучи же лишены божественной благодати и дара нетления, бессмертия и исполненности всяческими благами, они облеклись в одежды из кожи, в эту грубую и неподатливую смертную плоть (*Быт. 3. 1—21*).

Если же тебе кажется, что мы мало что тут узнали, обратим тогда внимание на слова Бога о сотворении человека по образу Своему, а также на слова Писания о том, что Бог вечером гулял по раю.

Все мы созданы по образу Божию и по подобию. Но, преступив божественную заповедь, мы утратили подобие, сохранив лишь второе, образ — все люди

вообще, и дурные и хорошие. Но подобие вновь воспринимается теми, кто усердно об этом заботится.

Образ же Божий в нас обнаруживается не в чем-то одном, но во многом: это и то, что человек является господином всех существ, живущих на земле, в воде и в воздухе; и то, что, будучи созданы нетленными бессмертными, мы вновь станем такими по воскресении. О сказанном Христом в Евангелиях, что если мы имеем совершенную веру и скажем горе в переиди", то она послушает (*Мф. 17, 20*), не стану тебе говорить, поскольку в таковое ты вовсе не посвящен. Но то, что делали Иисус Навин и Фесвитянин-пророк, каким тебе представляется? Один остановил по своей воле непрерывный бег солнца (*Ис. Нав. 10, 12—13*), & другой целых три года истощал засухой землю (*3 Цар. 17, 1*), так же легко держа замкнутым небо, как если бы кто накрыл крышкой и запечатал устье колодца. Это по силам ведь одному Богу и тому, кто создан по Его образу. Старательно поискав, помимо этих отражений в нас образа Божия, можно найти и многие другие, важнейшим из которых и первым среди прочих является, на мой взгляд, такое.

Мы знаем, что это наше тело, будучи создано Богом из земли, было бездыханным, безжизненным и неподвижным, а когда с ним соединилась данная ему Богом умная и словесная душа, оно оказалось одушевленным, живым и движущимся, знаем, что сошлись телесная и душевная природы, способ же, каким нематериальное и бестелесное соединяется с материальным и обретает плоть, бессмертное по природе со смертным по природе, — этого никто никогда еще не постиг, как и того, почему одно из них подвержено страданию, делению и рассечению, а другое этому неподвластно, пребывая бесстрастным, неделимым и нечленимым; и того, почему, выйдя из тела и отделившись от него, душа покидает его мертвым, а вернувшись и вновь его восприняв, делает его живым, как и прежде, в том числе прельщенного дьяволом Адама и всех происшедших из него и из-за него павших и лежащих мертвыми, хоть и надеялись они жить. Не может ведь душа, уклонившись к служению идолам и глухим истуканам, жить без помощи Божией, Во всем и выше всего пребывающий едиnorodный Сын Божий, преклонив, по благоволению Отца, небеса, сойдя и восприняв плоть, восстановил и самого Адама, и всех людей и возвысил нашу униженную природу. Соединившись с нашей плотью и став единой и неслиянной с ней ипостасью, причем ни божественность несколько пристрастием к материи не заразилась, но продолжала пребывать в своем величии, ни тварная природа в нетварную не обратилась, но все это, чем было, тем и осталось; — восстановив таким образом человеческую природу и утвердив ее в древнем достоинстве. Он низверг и победил дьявола. Однако же — не как Бог, ибо это было бы неувидительно, но как человек, — чтобы тот оставил того, кого он прежде обманул, будучи им низвержен, что более ясно будет показано в следующем слове.

Итак, как мы сказали, первым было создано тело, а затем душа, и подобно этому, когда Адам был обманут и стал мертв, неподвижен и бесплоден в отношении добра, Божье Слово, умиловившись, в последние времена восприняло плоть и с нами, "с людьми пожило" (*Вар. 3, 38*). На это и указывают слова божественного Писания о том, как Бог вечером гулял по раю, а Адам слышал голос его и скрылся, будучи наг (*см. Быт. 3, 10*): это предзнаменует божественное воплощение Божия Слова: поскольку последняя часть дня называется вечером, Писание называет вечером последнюю часть нынешнего века, говоря при этом о Боге как о плотоносце, гуляющем по раю, т. е. по земле, ибо на ней ведь рай.

Слышал, Ксен, почему образ Божий столь чудесен и несравнимо выше всего вышеназванного? Не удивляйся теперь тому, что я назвал соединение состоящего из праха тела Адама с умной душой образом соединения материальной и тленной природы с нематериальной и бессмертной божественностью. Это таинство предшествующего всем векам божественного замысла, недоступного всем ангелам и людям, начало в прообразах раскрываться начиная с создания Адама. А поскольку Сын и Слово Божие был, как уже сказано и как в дальнейшем будет

более ясно показано, прежде всех веков, значит, Он был прежде и Авраама, однако же не как человек — это ведь повергало тебя ранее в нашем разговоре в недоумение, представляясь невероятнейшей из небылиц, — но как Бог, чего ты не знал.

И тому еще не удивляйся, что я сказал, что от самого сотворения Адама мистерия вочеловечения Христа раскрывалась в прообразах праотцам, пророкам и многим другим: как солнце не внезапно ведь из глубокой тьмы предстает очам, но сначала, ближе к концу ночи, посылает слабый свет, затем сильнее освещает воздух, а спустя еще небольшое время, выйдя из-за горизонта, показывается всем уже ясно и бесспорно, так же и Божье Слово, зная немощь человеческого естества и его неспособность сразу ясно понять цель его замысла, понемногу через загадки и символы обнаруживало Свой замысел.

Ксен: Даже великий лжец, если такой отыщется, не признает, царь, что все, что ты сказал, не кстати и недостойно величайшего удивления. Но надо открыть тебе все, что вызывает сомнение. Остальное я воспринял хорошо и, зная это из Писания, верю тому. Что же касается образа, который ты оттуда выводил, то это мне кажется чем-то странным, во что трудно поверить.

Император: Ты совершенно верно назвал это чем-то странным, особенно же это странно для тех, кто причастен уму, ибо это лежит за пределами всякого человеческого слова и всякой природы.

Хочу тебя спросить: считаешь ли ты, что Бог нуждается в человеческом голосе, чтобы говорить, в ногах, чтобы ходить, и в руках, чтобы осязать, или скажешь, что это не так и что ты не воображаешь ничего подобного? Не кажется ли тебе, что под руками пророк понимает то созидательную силу, когда говорит "руки Твои сотворили меня и устроили меня" (*Пс. 118, 73*), то всеобъемлющий промысел, когда говорит "открываешь руку Твою и насыщаешь все живое благоволением" (*Пс. 144, 16*), а говоря "приклони. Господи, ухо Твое и услышь меня" (*Пс. 05, 1*), он умоляет Бога быть благопослушным и приклоняющимся к мольбам, вроде того как сам Бог побудил Исаяю сказать: "Пост и праздность, ново-месячия и праздники ненавидит душа Моя, Я пресыщен ими. Больше не оставлю грехи ваши. Когда протянете руки ваши ко Мне, отвращу очи Мои от вас; и если умножите мольбу, не услышу вас" (*ср.: Ис. 1, 13—15*). Припишешь ли ты какую-нибудь из этих материальных частей тела Богу или же нет?

Ксен: Кто же настолько безумен, чтобы и помыслить подобный вздор!

Император: Нет ли какой-нибудь мысли, стоящей над буквой?

Ксен: Конечно, есть.

Император: Ну, так хорошо будет и весьма благоразумно, если ты не станешь считать хитрой уловкой и вообще вымыслом также сказанное нами скорее аллегорически о том, что значит "по образу".

Ксен: Я же сказал, царь, что не буду вполне убежден, пока ты не сделаешь этого более для меня понятным и ясным с помощью других доказательств.

Император: Одно, Ксен, нуждается в логических и диалектических доказательствах, а другое мы воспринимаем только на веру и верим, что дело обстоит именно так. Есть и то, что не требует никакого доказательства, для чего достаточно представить одно лишь истинное чувство. Так вот, если кто-нибудь не примет то, что не одним из возможных способов, не двумя, но всеми ясно обнаруживается, каким тебе такой человек покажется: не бестолковым ли или, скорее, полностью неразумным?

Ксен: Я бы никогда не сказал иначе. Не прими я то, что ясно представляют и чувство, и логика, и практика, и истинная вера, ничего бы не оставалось, как

считать меня безумным. Так что не медли ясно представить мне, что хочешь.

СЛОВО ЧЕТВЕРТОЕ

Император: Ты, конечно, знаешь то, что немного раньше я сказал тебе о дьяволе: будучи святым, ангелом и умом, превосходящим небо, он не удержался в том чине, в каком был создан, но, помыслив утвердить свой престол на облаках и уподобиться Всевышнему, он следом за тем был низвержен и стал, как известно, вместо святого грешным, вместо светлого темным и вместо ума небесного и высокого умом заблудившимся. Подобным образом и Адам, созданный Божьей рукой и получивший от Бога власть над всем под небесами, — это Иисусом Навином и Илией Фесвитянином было впоследствии обнаружено: один удержал солнце (*см. Ис. Нав. 10, 12—13*), а другой, Илия, заключил небо (*см. 3 Цар. 17, 1*), — и, главное, наделенный сверх всего прочего нетлением и бессмертием, он не удовлетворился этой честью, но пожелал быть богом. Этого не произошло, он же оказался изгнан из того прекрасного райского обиталища и таким образом променял нетление на тление и осуждение (*см. Быт. 3, 17, 24*).

Как видишь, никто не может долго глумиться над истиной. Бог же никогда не бывает поруган.

Послушай и еще кое-что. Некогда Ирод, облекшись в драгоценную одежду, сел на высоком седалище, видимый всем, давая суд всем приходящим к нему из Тира и Сидона. И вот однажды стоявший вокруг него народ, приветствуя его, закричал: "Это божий, а не человеческий голос", — его голос, стало быть, так называя. Подобало бы схватить кощунствующих и наказать. Он же ничего такого не предпринял. И за то, что он так спокойно воспринял кощунство, ангел ранил его в бок божественной стрелой, и он поплатился за свое безумие и стал жалким кормом червей (*см. Деян. 12, 20—23*).

А что сказать об Озии? Не у него ли все тело покрылось проказой за то, что он дерзнул сам покадить (*см. 2 Паралип. 26. 16—23*), а дар пророчества не отступил ли сразу от народа? Еще более замечательно то, что — не на какое-то малое время, но на все время его жизни, по кончине же его вернулся и вновь был дан народу от Бога, о чем и Исаяя, отмечая это время, говорит: "В тот год, когда умер царь Озия, я видел Господа, сидящего на престоле высоком и превознесенном" (*Ис. 6. 1*). Не стану говорить о Дафане и Аврионе, об их дерзости и наказании (*см. Чис. 16*) и об осуждении Илия за нечестие и наглость его детей, евших мясо прежде времени жертвы (*см. 1 Цар. 2—4*).

Как видишь, не только людей, но и ангелов согрешивших Бог не пощадил. И если Иисус был богопротивным обманщиком и всем прочим, что твои предки и ты сейчас сказали хульного о моем Христе, как же тогда Бог в соответствии с вышесказанным не покарал вскоре тех, кого Тот обманул и кому Он ясно провозгласил, что Он — Сын Божий, равный Отцу и равную с ним имеющий власть на небе и на земле (*см. Мф. 28, 18*), и что видевший Его видел Отца (*см. Ин. 14, 9*), и что уверовавшие в Него не увидят смерти, имеется в виду смерти душевной? И если Он говорил это не сообразно с мнением Своего Бога и Отца, как же тогда Бог не воспрепятствовал творимым Им каждый день чудесам или по смерти Его никак не воспротивился проповедникам Его имени, хотя к ним отовсюду стекались опасности и беды, но получилось совершенно противоположное: к двенадцати простым людям, ибо они были рыбаками, сборщиками податей и сшивальщиками палаток, вся вселенная приступила и взяла на себя евангельское ярмо — по причине совершаемых ими знамений и чудес именем распятого по плоти Христа. И сам ведь Христос, посылая их на проповедь, сказал им: "Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков" (*Мф. 10, 16*).

Как же, пребывая среди таких и такого количества не то что волков, но более, чем те, свирепых львов и драконов, — я имею в виду вельмож, тиранов и царей, — они не были ни побеждены, ни съедены ими, скорее напротив: они таких неукротимых победили и сделали их более кроткими, чем овцы. Не делай из этого вывод, что проповедь шла гладко и никто не сопротивлялся тому, что они говорили, потому что вокруг них было столько людей, препятствовавших им и жестоко изгонявших проповедников, что страшно и подумать. В конце концов все они скончались от меча, за исключением немногих. Но даже это не смогло противостоять силе чудесного того и превосходящего ум апостольского учения. Всякий согласится, что не человеческой силой совершилось то, что все были побеждены их мнимой простотой, сами же они оказались выше всех, кто вопил на них и человеческими властями похвалялся, — но единственно силою Бога и его едиnorodного Бога-Сына. Ибо разве возможно сосчитать, сколько раз каждый день и сами апостолы, и от них воспринявшие веру во Христа схватывались со зверями за то, что они проповедовали, и скольким видам разных смертей со стороны какого количества гонителей они подвергались! Но и это не смогло заставить отступить от любви к Проповедуемому единожды в Него уверовавших — ни жестокость тиранов, ни изощренность бесчисленных и чудовищных наказаний, ни какие бы то ни было другие средства, но слаще всякого наслаждения и жизни для них были наказания и смерть за Него. И чем больше они страдали, тем больше всех к себе привлекали. Можно ведь насчитать десятки тысяч не только простых и незаметных людей, но и очень известных, можно даже и царей указать, воспринявших проповедь и добровольно подставивших свои шеи ярму Христову. Движение проповеди прекратилось ведь не прежде, чем вся вселенная наполнилась божественным знанием. И теперь ты можешь видеть, что вся вселенная охотнейшим образом подвергает себя всем опасностям и смерти ради Евангелия. Никто ведь не скажет, что людей заставили поверить сила и мощь, значит — премудрость и сила убеждения, заключенная в слове. Так что отвергнуть и низвергнуть простоту проповеди они могли бы, если бы захотели, — они-то, напротив, премудростью не изобиловали, — одной рукой. Если братья рассматривать все это в деталях, то можно найти десятки тысяч противников Евангелия, с неудержимой силой на него бросавшихся и поодиночке, и разом. Но и таким путем ложь над истиной не восторжествовала. Пропуская других, поскольку говорить о них сейчас не время и некстати, скажу вот что: кто из когда-либо безумствовавших против Христа может сравниться по бешенству с Максимианом и Диоклетианом, правившими многократно воспетым Римом и, пожалуй, почти всей вселенной? Сколько десятков тысяч мужчин и женщин мучениками из-за них оказались! А смогли ли они хоть сколько-нибудь поколебать крепость и неприступность истины? Нисколько. И вот, сначала отрехшись, они сложили с себя царскую власть, решив принять судьбу частных людей либо усвоив отношение к смерти, разделяемое верующими людьми.

Можешь ли ты указать другой случай, где самое большое, что есть у земных существ, — я имею в виду мудрость и силу, — ежедневно отличало бы и сопровождало шивальщиков палаток и рыбаков, числом разительно уступавших своим противникам, и законы, установленные царями, по уходе их нарушались бы, а иногда еще и при них; закон же рыбаков и шивальщиков палаток распространялся бы и процветал и продолжал бы расти, несмотря на то, что прошло столько и таких лет с тех пор, как проповедники скончались? Так не великое ли чудо, что малая искра проповеди не погасла в испытаниях такими вихрями и потрясениями, такими встречными ветрами и бурями сатанинскими?

Есть у тебя что возразить на мои слова, или ты считаешь, что я ими хорошо показал, что Христос есть Сын Божий и Бог, — то, что и сам Он хорошо показал своими делами и что прежде него было провозвещено всеми пророками и раньше них жившими святыми мужами, или ты считаешь, что для чистоты доказательства надо еще что-то сказать?

Ксен: Ясно, что это делалось божественной, а не человеческой силой. Но Богом Иисуса я назвать не могу. Пусть для вас, язычников, назвавших себя по его имени

христианами, он будет Богом и Господом, но мы, служители Бога, сотворившего и его, не имеем нужды исповедовать какого-то другого бога и тому вместо Него воздавать какое бы то ни было служение и поклонение. О каких, однако же, пророках и святых ты сказал, что они провозвестили о Боге как о распятом человеке?

Император: То, что я уже сказал, Ксен, о распятом Христе-Боге, для благожелательного человека было бы совершенно достаточно, чтобы убедить его считать Того Богом и в то же время ради нас человеком. Но ты полагаешь, что истине надо сопротивляться; я же все-таки думаю, что сами факты, по мере того как мы их будем рассматривать, способны будут убедить и очень неразумного и непреклонного человека.

Так вот что знай: мы почитаем Богом не иного кого, как Творца всего, и не считаем нашего Бога иным, нежели ваш, но имеем в виду именно того Бога, который "крепкой рукой и мышцей высокой" вывел ваших отцов из Египта (*Втор. 5. 15*), и надеемся мы именно на Бога Авраама, Исаака и Иакова (*см. Исх. 3. 6*). Но возымали мы надежду на Него не благодаря Моисею и не благодаря Закону: в таком случае мы ведь не многим бы отличались от вас, — но благодаря Иисусу Христу и Евангелию. Ваш Закон Ветхий, и он был дан в Хориве (*см. Исх. 3. 1 и ел.*), евангельская же Благодать вышла с Сиона, по слову пророка: "Ибо от Сиона, — сказал он, — выйдет Закон, и Слово Господне из Иерусалима" (*Ис. 2, 3*), — имеется в виду Новый Завет, обошедший вселенную. Закон занял место предшествовавшего ему закона, и Завет, появившись потом, подобным же образом упразднил его. Евангелие же было дано как вечный и совершенный закон, истинный Завет, каковой есть сам Христос, за которым уже не последуют ни закон, ни повеление, ни заповедь. Исайя сказал ведь: "Послушайте Меня, послушайте, люди Мои, и цари Мне внимайте: от Меня изойдет Закон и суд Мой во свет для народов. Приближается скоро правда Моя, и изойдет спасение Мое, и на мышцу Мою будут надеяться народы" (*Ис. 51, 4—5*).

Но хватит об этом. А раз тебе хочется узнать, какие святые и пророки провозвестили, что Христос, которого ты назвал распятым человеком, есть Бог, то прежде всего пойми, что, назвав Его распятым, ты сам в себя попал и невольно исповедал истину, ибо Он был распят не как Бог, — божество ведь не подвержено страданию, и Богу все повинуется, — но как человек: ради спасения всех и дабы освободить людей от проклятия (*см. Гал., 3, 13*).

Ксен: Если добровольно, как ты говоришь, а не будучи принужден, он умер, то, стало быть, его надо считать самоубийцей, чья душа заслуживает за это кары.

Император: Между одним и другим, Ксен, громадная разница, но ничуть не удивительно, что ты среди прочего не знаешь и этого.

Самоубийцей по справедливости называется тот, кто себя убил, а не тот, кто из-за любви к любимым им людям не пощадил себя и пошел на смерть. Не самоубийцей такого человека, а истинным другом подобает называть как жертвующего собой ради любимых, чтобы, если возможно, избавить их от угрожающей им смерти. И Христос как раз за такое человеколюбие заслуживает скорее благодарности, нежели подобных обвинений. Ибо будучи Богом и видя, что губитель мучит того, кто был наилучшим, превосходящим ангелов творением Его, — я имею в виду человека, — Он стал плотью (*см. Рим. 1, 3*) и, более того, предал ее на смерть, притом на смерть наихудшую, не сделав совершенно ничего, достойного смерти, дабы "лишить силы имеющего державу смерти, то есть дьявола" (*Евр. 2, 14*), а возлюбленную Им человеческую природу, изначально Им почтенную, но затем по причине пристрастия к идолам оказавшуюся отчужденной от почтившего и возлюбившего ее Бога, освободить от сатанинского ига.

Понял теперь, чем одно отличается от другого, то есть — бешенство, направленное на самого себя, от смерти ради любви к любимым? Если понял,

хорошо, если нет, то из дальнейших моих слов, когда я стану приводить тебе, как ты и просил, пророческие изречения о Христе, тебе это сделается яснее. Итак, слушай теперь, я как раз к этому перехожу.

Удивительный Соломон в книге "Иов" говорит как бы от лица Божия; "Препояшь как муж чресла твои, Я буду спрашивать тебя, а ты отвечай Мне: Где ты был, когда Я основал Землю? Ответь Мне, если знаешь, что такое разум" (*Иов. 38, 3—4*), "Когда появились звезды, восхвалили Меня громким голосом все ангелы Мои и воспели" (*Иов. 38, 7*); "Я заградил море воротами" (*Иов. 38, 8*), "положил ему пределы" (*Иов. 38, 10*) "И сказал ему: до сих пор дойдешь и не перейдешь, но в тебе сокрушатся волны твои" (*ср. Иов. 38, 11*); ответь мне: Ты ли, взяв прах с земли, создал животное и говорящим поставил его на Земле? (*Иов. 38, 14*); "По следам бездны ходил ли ты? Отверзаются ли тебе со страхом врата смерти, привратники же адские, увидев тебя, ужасаются ли?" (*Иов. 38, 16—17*). В ответ Господу Иов говорит: "Знаю, что Ты все можешь, нет для Тебя невозможного ничего" (*Иов. 42, 1—2*); "Слухом уха слышал я о Тебе прежде, ныне же око мое видело Тебя" (*Иов. 42, 5*). Обрати внимание на следующее: как Давид одним броском из пращи сокрушил голову неодолимого и непобедимого варвара того, Голиафа (*см. 1 Цар. 17, 40—50*), так и всю вашу твердыню одно это изречение разрушило. Все прочие слова, то есть: "Где ты был, когда Я основал Землю?", и "Когда появились звезды, восхвалили Меня громким голосом все ангелы Мои и воспели", и "Я заградил море воротами", и "Ты ли, взяв прах с земли, создал животное и говорящим поставил его на Земле?", — несомненно представляют все сотворившего Бога. А вот слова "Отверзаются ли тебе со страхом врата смерти, привратники же адские, увидев тебя, ужасаются ли?" к кому можно отнести, если не к распятому по плоти Богу, увидев которого, адские стражи, демоны, ужаснулись и, как воск при виде огня, по словам Давида, растаяли и, как дым, исчезли (*ср. Пс. 67, 3*)? Ведь Он имел как будто неодолимую для них власть, и Он повелевал, а они исчезали, а те, кем они владели, от уз освобождались. Также и хозяевам ада Он нанес тяжелую рану, властно схватив их, связав и сковав неразрешимыми оковами. С этими изречениями согласуются слова Давида, поющего: "Плоть моя найдет пристанище в надежде, что Ты не оставишь душу мою в аду и не дашь преподобному Твоему видеть исление" (*Пс. 15, 9—10*), — слова, предсказывающие посмертное схождение Христа в ад и последовавшее затем воскресение Его со властью. Ибо у кого, кроме Христа, из тех, кто умер за все века, не растлилось тело? Его же тело, претерпев гибель, то есть отделение от обитавшей в нем умной души, нисколько не подверглось разрушению или распаду. Ибо Он восстал на третий день, как из утробы морского зверя Иона, тоже прообразующий Его погребение и тридневное воскресение (*см. Мф. 12, 40*).

Еще Моисей говорит в книге "Бытие": "Вопль Содомский и Гоморрский умножился ко Мне; сойду и посмотрю. Авраам же был, стоя пред Господом. И, приблизившись, Авраам сказал: Не погубил бы Ты праведника с нечестивым, и будет праведник как нечестивый. Если окажется пятьдесят праведников в городе, не пощадишь ли его ради пятидесяти праведников? Ни в коем случае Ты не сделаешь этого, Судия всей земли. Господь же сказал: Если найду в Содоме пятьдесят праведников, пощажу все место ради них. И в ответ Авраам сказал: Я начал ныне говорить к Господу моему, а я есть земля и пепел. А если найдутся сорок пять? И сказал Господь: Если найдутся сорок пять, пощажу город. И так, убавляя понемногу число, Авраам дошел до десяти. Дальше сказано: "И пошел Господь, перестав говорить с Авраамом" (*ср. Быт. 18, 20—33*).

Ты видишь, как в том, что мы сказали об Адаме, и в том, что Бог говорил Иову, и через Авраама и Мелхиседека обнаруживалось божественное таинство Христова воплощения? Хоть и в виде раба предстал Сын Божий перед Авраамом, ибо Он явился как человек, но чистая душа праведника опознала в Нем Бога, каковым Он и был.

Кем же мы можем назвать того, кто явился Аврааму? Богом-Отцом он не был, ибо явился в виде человека, в каком Бог никогда не являлся пророкам. Не был он и ангелом, ибо когда, имея в виду ангела, Моисей или кто-либо из пророков

назвал бы его Господом и Судией? Что же остается? Выходит, что это был Сын и Слово Божие, являющийся разом Богом и человеком. Явление Его в виде человека перед Авраамом предзнаменовало Его будущее воплощение, о чем Сам Бог и сказал:

"Сойду и посмотрю". А то, что Авраам и Моисей назвали Его Господом, судящим всю Землю, милующим и воспитывающим, явно свидетельствует о Его божественности, ибо судить ее, милуя и воспитывая, никто не может, кроме Бога. А слова "Если найдется столько-то и столько-то, пощажу город" дают понять власть и величие собеседника.

И ведь не только он, но и сын Авраама Исаак был неким прообразом Христа. Ибо как Авраам возвел Исаака на гору, чтобы принести его в жертву (см. *Быт. 22, 2 сл.*), так и Бог своего Сына послал в мир, чтобы принести Его в жертву Богу-Отцу ради всеобщего спасения. И как Исаак не умер, вместо же него был заклан обнаружившийся баран, так и Сын и Слово, то есть божественность, не пострадала, подверглась же смерти Адамова плоть, будучи, как некий баран, принесена в непорочную и святую жертву.

Также и тот, кто повстречался Исааку и боролся с ним всю ночь (см. *Быт. 32, 24—26*), кем он был и что он ответил Исааку, когда тот спросил его: "Как тебя звать?" — "Для чего, — сказал он, — ты спрашиваешь об имени Моем? Оно чудесно" (*Быт. 32, 29*). Если бы он был ангелом, почему бы он сказал, что имя его неизреченно? Ведь имена немалого числа ангелов, и не последнего чина, но и из первого порядка их иерархии, известны. А коли так, почему же, если бы он был ангелом, он сказал бы, что его имя невыразимо и чудесно? На это нет ответа. Только Бог может иметь такое имя. Бог же не открыл его и позже — Моисею, хотя того спрашивали, кто его послал и каково имя пославшего; только "Сущий" сказал он, и больше ничего (см. *Исх. 3, 14*). Обрати внимание: как во времена Авраама Сын Божий являлся в человеческом виде, так и тут: как человек боролся Он с Иаковом — настолько задолго до времени своего воплощения,

Еще божественнейший пророк Моисей, предвещая Его воплощение, говорил: "Возвеселитесь, небеса, вместе с Ним, и да поклонятся Ему все ангелы Божий; возвеселитесь, народы, с людьми Его, и да укрепятся Им все сыновья Божий, ибо за кровь сыновей Своих Он мстит и отомстит, и воздаст месть врагам, и ненавидящим Его воздаст, и очистит Господь землю людей Своих" (*Втор. 32, 43*). Ведь слова "да поклонятся Ему все ангелы Божии" обнаруживают два лица: имеются в виду Божий лица, а также факт поклонения Ему ангелов Божиих. Ясно, что не кому-либо иному они будут поклоняться, как Сыну Божию, которому воздают такое благоговение и почесть ангелы Божий. Но не только это предсказал пророк такими словами, но также низвержение иудеев и призвание языков, ибо: "Возвеселитесь, — сказал он, — народы, с людьми Его, и да укрепятся Им все сыновья Божий, ибо за кровь сыновей Своих Он мстит и отомстит, и воздаст месть врагам, и ненавидящим Его воздаст, и очистит Господь землю людей Своих", то есть языков.

Еще сам Моисей, предвещая воплощение Сына и Слова Божия, сказал: "Восставит Господь Бог из братии наших пророка, как меня" (*Втор. 18, 15*), "и всякая душа, которая не послушает его, истребится" (ср. *Втор. 18, 19*). Слова "как меня" показывают не что иное, как то, что тот, о ком он предвещает, — человек, и придет от Бога, а не будет неким обманщиком или лжепророком. А слова "из братии наших" — что он будет из евреев, а не из какого-либо иного народа. А если кто-нибудь впоследствии скажет, что он такой же пророк, посланный от Бога, как многие лжепророки и обманщики, появляющиеся в Иудее, пусть ему не верят и не принимают его и пусть он будет изгнан отовсюду как обманщик и лжец. Смысл же изречения таков: как Я вас избавил от горького рабства египтянам и дал Закон для вашего спасения, так и предвещенный Мною пророк освободит весь мир от пагубнейшей власти и тирании дьявола и от незаконного наисквернейшего культа идолов и дарует всем Закон освобождения. И пророк Давид говорит: "Сказал Господь Господу моему: седи

по правую руку от Меня, пока я положу врагов Твоих в подножие ног Твоих" (*Пс. 109, 1*).

Ксен: Здесь, царь, я больше сдержать себя не могу: пусть все остальное вы стараетесь насильственно истолковать по-своему, но это никто не дерзнул бы связать с кем-то иным, кроме Иезекииля, о котором, как всем известно, это и сказано.

Император: Если бы в псалмах были какие-то темные места вроде многократно высказанных пророками иносказаний и загадок, то была бы и возможность у желающего как-то злоупотребить ими. Поскольку же мне хочется теперь, оставив в стороне множество трудно истолковываемых пророчеств о Христе, взять прежде всего и рассмотреть самые важные, против которых даже весьма невежественный человек не смог бы ничего возразить, я постараюсь по порядку разъяснить тебе все содержание псалма.

Прежде всего осознай, что говорит эти слова не кто иной, как царь. А раз это так, а не иначе, почему же он говорит в начале: "Сказал Господь Господу моему"? Кого он называет своим Господом? Неужели Иезекииля? Возможно ли допустить, что одному лишь Богу подвластный в своем царствовании и господстве, Давид называет своим господом Иезекииля? А если не Иезекииля, значит ли это, что можно найти какого-то другого господина для Давида? Некого совершенно. Остается считать, что он имеет в виду Господа, то есть Бога. О своем Господе, значит, Христе, он говорит, что тот сядет по правую руку от Бога и Отца. Какой мыслью Давид руководствовался, говоря это, тебе станет яснее из дальнейшего.

Почему он сказал: "Жезл силы пошлет тебе Господь с Сиона, и ты господствуй среди врагов твоих. С тобою власть в день силы твоей в сияниях святых твоих. Из чрева прежде денницы родил тебя. Поклялся Господь и не раскается: ты священник вовек по чину Мелхиседекову"? (*Пс. 109. 2—4*).

Слова "сиди по правую руку от меня" Бог говорит воспринятому его Сыном и Словом человеку, которого, начав существовать во времени во плоти, тот освятит от самого зачатия и прославил. Желая показать, что Бог-Отец безначален, человек же, которого его Сын-Слово воспринял, имеет начало во времени, пророческое слово говорит: "сиди", — являя таким образом свойственную плоти способность сидеть и пребывать, а с помощью образа седалища — величие чести. Воспринятая ведь Господом от нас плоть благодаря соединению с божеством и освятилась, и сидения по правую руку от Бога-Отца удостоилась. Божество же ни в коей мере не подверглось телесным страданиям.

Ведь как железо, соединившись с огнем, не передает ему свою черноту и холодность, а скорее, само воспринимает его блеск и сияние, равно как и жар, так и едиnorodный Божий Сын-Слово передал плоти величие своей божественности, не сделавшись сам причастником ее страданий. Он соединился с ней, никаким беспорядку или изменяемости не подвергнув свою божественность. Пребыв каким Он был и прежде соединения Богом, Он и освятит воспринятое, и прославил, и места по правую руку Отца удостоил.

О правой руке Бога говорится не в том смысле, что Он имеет ее или левую, нет, конечно, или что Он опирается, сидя или стоя, или вообще что-либо из того, что свойственно телам, делает или претерпевает, поскольку Он вне всего, что существует телесно, — Он ведь везде присутствует и все наполняет (*см. Ефес. 4, 10*), — но чтобы с помощью образа седалища и правой стороны показать сверхъестественность чести.

Враги же, о которых Он говорит, что положит под ноги Его, это — дьявол, смерть и почитающие идолов люди, неразумно на них уповающие. Хотя и теперь кажется иногда, что дьявол жив, но поистине он умер и погиб, поскольку были единожды ниспровергнуты его тирания и власть, когда Христос связал его и

заковал и всех, кого тому прежде удалось поглотить, решительным образом освободил из его утробы.

Это ведь предвидя, пел Давид: "Взойдя на высоту", имеется в виду на крест, "Ты пленил плен и раздал дары людям" (*Пс. 67, 19*), то есть находящимся под властью дьявола, а скорее, насильно им удерживаемым. Ты отпустил их, развязав, и дал людям все враждебные им силы его как дары, то есть дал им возможность попирать и поругать то, чем они были прежде порабощены, чтобы не оказывалось оболганным истинное имя человека. Ведь эллинские мудрецы определяют человека как животное разумное, смертное, восприимчивое к уму и наукам, как оно есть и на самом деле.

Но это не совершенное определение для настоящего в собственном смысле слова человека. Ибо человек в собственном смысле слова тот, кто сохраняет неоскверненным и целым то, что в нем "по образу и по подобию Божью" (*Быт. 1, 26*). Как мы говорили. Господь, разрушив владычество и царство ада, отдал его на поругание и унижение святым. Но кажется, что ад еще мечется, потому что он не полностью предан еще ждущему его огню, и в этом нет ничего странного. Когда, приступая к кому-нибудь, он осиливает и оказывается принят, он делает свое дело, всякими способами стараясь, чтобы такой человек оказался соучастником его осуждения и гибели. А если упомянутым мной людям случится быть поистине не зря носящими имя человека, то он оказывается далеко отогнанным и попираемым рабами Божиими. Разрушив подобным образом и смерть и тление, на каковые был осужден за послушание Адам, а из-за него и его потомки. Он даровал людям бессмертие и нетление. Да и не только это: Он совершенно уничтожил также служение и поклонение идолам.

Вот это и значат слова "доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих", — имеется в виду — врагов Его и Отца, ибо враг одного из них есть враг обоих. Произведя из своего нутра единственно истинные и справедливые разум и культ, Он дал их всем.

Ты не подумай только, что слова "доколе положу врагов Твоих" предполагают, что Отец споборствует Сыну как неспособному осилить: он хотел ими показать единство Своей и Сыновней силы. Как в Евангелиях Сын говорит: "Никто не приходит к Отцу, кроме как через Меня" (*Ин. 14, 6*), так и здесь говорит Отец: "От Меня враги Твои падут под ноги Твои. Жезл силы пошлет Тебе Бог Господь с Сиона, и господствуй среди врагов Твоих". Что за жезл Богом с Сиона и кому послан? Иезекиилю? Ни в коем случае. Человеку, которого воспринял Сын и Слово Божие. Говоря, что Он пошлет жезл силы с Сиона, Он имел в виду крест, водруженный на Сионе. "Ибо с Сиона, — сказал Исайя, — выйдет Закон, и Слово Господне из Иерусалима" (*Ис. 2, 3*). И как жезлу, находящемуся в руках пастыря, сообщается способность пасти стадо и отгонять от него зверей, так и крест и Евангелие для принимающих божественное крещение, пребывающих в нем и внимающих апостольским учениям и преданиям, являются своего рода жезлом, направляющим их на божественные нетленные райские пажити, а для слушающих и противящихся — жезлом силы, одних возвращающим — заблуждающихся и отбегающих в сторону, а других и совсем отгоняющим, ведь крестом был побежден дьявол. Силою креста и имени к нему Пригвожденного были совершены очень многие удивительные чудеса. Надо ли много говорить? Силою креста и Евангелия целая вселенная вняла божественной проповеди и люди стали рабами Христа, а по обетованию, через Христа, сыновьями Авраама, так как сам Христос происходил от семени Авраама. Тогда-то Он и стал господствовать среди врагов Своих.

Обрати внимание на точность пророческих слов: почему он не сказал "побеждай" врагов своих, но "господствуй" среди них? Побеждать ведь не значит господствовать среди врагов: когда кто-либо одолеет часть вражеской силы, полностью своих врагов он еще не поработит. Господствовать же — значит раз и навсегда подчинить себе своих врагов. Он и сказал "господствуй", показывая тем самым свою превосходящую силу (*см. Ефес. 1, 19*) и окончательное низвержение

Его врагов. Так же точно и "среди" указывает на мощь его владычества. Ведь проповедь, совершавшаяся в среде столь сильных врагов, превозмогла их всех, одних посрамив и, как зверей, отогнав, а других присоединив к себе. Подумай, среди какого количества и сколь великих стран и городов, бесновавшихся от вакханалий идолопоклонников, и сами апостолы, и те, кто воспринял от них их проповедь, учреждали жертвенники и создавали храмы и делали это, как я уже сказал, подвергаясь многим мукам и невыносимым карам.

Слова "с тобою власть в день силы твоей" имеют в виду власть, свойственную по природе, а не извне пришедшую, как у многих. На это указывают слова "с тобою", приличествующие одному только Богу и никому другому. Об этом же сам Давид сказал в другом псалме: "Царство Твое — царство всех веков, и владычество Твое во всяком роде и роде" (*Пс. 144, 13*). То же самое и здесь он говорит словами "с тобою власть в день силы твоей" (*Пс. 109, 3*). А в какой день? В тот день, когда крест будет иметь дерзновение, когда все народы уразумеют Твою непобедимую силу и Твое безмерное снисхождение, что и произошло. Предвидя это обращение народов, тот же Давид сказал: "Веселитесь, народы, с людьми Его" (*ср. Пс. 66, 4—5*) и "Хвалите Господа, все народы, хвалите Его, все люди" (*Пс. 116, 1*). И Исайя сказал: "Будет корень Иессеев, и восстающий обладать народами, на Него будут уповать народы в сиянии святых Твоих" (*ср. Ис. 11, 10*). Каких же святых? Пророков, апостолов, мучеников, преподобных, которые "в глазах безумных казались умершими" (*Прем. Сол. 3, 2*), каковые мирно пребывают "в руке Божией" (*Прем. Сол. 3, 1*), как сказал Соломон, и каковые, по словам Евангелия, ярче солнца воссияют во второе Христово пришествие (*ср. Мф. 13, 43*).

"Из чрева прежде денницы родил Тебя" (*Пс. 109, 3*). О ком из когда бы то ни было родившихся можно сказать, как о родившемся прежде солнца? Воистину ни о ком. Уж не об Иезекииле, о котором вы лживо говорите. Это сказано настолько точно, что не может быть применено даже к ангелам, так что никто пусть не думает, что это сказано о ком-то из них. Слова "из чрева" указывают на единосущие рожденного с родившим.

Видишь, как ясно и точно пророк, говоря это, показывает Его Богом и человеком, имеющим ту же сущность, что и родивший Его Отец. Ведь словами "сказал Господь" он явил Отца, а дальнейшими словами: "Господу моему", "сиди по правую руку от Меня, пока не положу врагов Твоих в подножие ногам Твоим", "жезл силы пошлет тебе Господь с Сиона" и "господствуй среди врагов твоих" — он указал на человека, которого воспринял Сын и Слово Божие; словами же "из чрева прежде денницы родил тебя" засвидетельствовал истинность сыновства и тождество по существу. Если, как где-то сказано, каждое животное и растение по необходимости рождает себе подобное (*ср. Быт. 1, 11—12*), то тем более так обстоит дело, думаю, и с превосходящим все Богом, рождающим единосущного себе Сына. Выражение же "из чрева" — разъясняющее уподобление; во всяком случае думать о чреве в прямом смысле применительно к Богу не подобает.

"Поклялся Господь и не раскается: ты священник вовек по чину Мелхиседека" (*Пс. 109, 4*). Ведь как Мелхиседек был священником Бога всевышнего, а при этом царем Салима, то есть мирной жизни, встретившим возвращавшегося после битвы с царями патриарха Авраама, имевшего обетования, благословившим его и взявшим от него десятину (*см. Быт. 14, 20*), так и Христос ведь священник, поскольку принес себя в жертву ради всеобщего спасения, отличаясь от Мелхиседека лишь тем, что тот, будучи человеком, как человеку и подобает, умер, а Христос есть священник вовек, так как будучи единожды принесен в жертву и заклан. Он пребывает вовеки. И как тот благословил Авраама, по плоти — отца иудеев, а по обетованию — отца всех народов, и обрезанных и необрезанных, и меньшее благословляется большим, и десятину от него принял, так и сделавшийся священником по чину Мелхиседека Христос стал Господом всех народов, и необрезанных и обрезанных. Ведь немалое число и обрезанных поверило в имя Его, хотя гораздо больше осталось не уверовавших.

Слова же "Поклялся Господь и не раскается" должны явить то, что поскольку всякий, кто клянется, клянется, либо себя считая недостойным того, чтобы ему поверили, полагая, что благодаря клятве его словам поверят, либо зная, что слушающий малодушен и неспособен ему поверить, если он к своим словам не присовокупит клятву. "Поклялся" Бог говорит не из-за себя самого — какая в этом нужда? — но из-за непослушания, упрямства и жестокости ваших отцов по отношению к тому обетованию, что Христос будет священником вовек по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона. Но ничего не помогло, даже клятвы оказались недостаточно, чтобы вас убедить и неразумное ваше сердце привести к разумению, и то, что божественный пророк сказал о Христе, вы не побоялись в высшей степени неразумно отнести к Иезекиилю.

А слова "из потока на пути выпьет, и потому вознесет главу" (*Пс. 109, 7*) указывают на простоту и незатейливость образа и мест жизни Его, почти буквально предсказывая, что Он настолько смирит Себя и так скромно будет жить, что негде Ему будет голову преклонить (*см. Лк. 9, 58*) и даже жажду придется утолять из каких попало случайных потоков и вод. А то, что Он вознесет главу, означает, что Он вознесет воспринятую Им человеческую природу на небеса и посадит по правую руку от Отца. Разве это имеет в виду Иезекииля, а не Христа? Кто столь далеко ушел от ума, чтобы такое хотя бы только и помыслить? Вот каково содержание этого псалма, и все в нем ясно проповедует Христа.

Давай посмотрим теперь, что сказано тем же пророком о Христе в семьдесят первом псалме: "Боже, — говорит он, — суд Твой царю дай, и правду Твою сыну цареву" (*Пс. 71, 1*).

К с е н: Неужели же и здесь вам без извращения не обойтись, и вы, и на эти слова нападаая, на Иисуса их перетолковываете? Но всем ведь ясно, что они сказаны Давидом о его сыне Соломоне, который был и царем, и сыном царевым.

Император: Вот, Ксен, справедливость того, о чем я много раз раньше говорил, — что во многой лжи вы повинны, — становится теперь явной. Я опускаю вопрос о том, в омонимии ли дело, то есть в том ли, что Соломон — и царь, и сын царев, причина этого вашего заблуждения, или же в бездеятельности, если не сказать лживости ума и общем враждебном отношении ко Христу, заставляющих вас полагать, что другие воспринимают заблуждения вместо сущего. Сами вы при этом считаете истиной призрак, постоянно из поколения в поколение принимая от своих предков как некое наследие ложь и делаясь ее учителями для следующих поколений. Совершенно неизбежно, как я уже сказал, где-нибудь вы, слепотствующие, следующие за такими же, как вы, предшественниками, упадете и разобьетесь (*ср. Мф. 15, 14*). Ибо предки ваши сильно против истины погрешили, а вы ничем их не лучше, разве только еще больше от нее уклонились. Но оставим эту тему. И ты эти ваши надуманные искусственные предположения оставь, если хочешь вернуться к нашему разговору.

Подумай, согласен ли ты с бесспорностью того, что я тебе говорю. Все в этом псалме имеет великий и чудесный скрытый смысл, значение же первого стиха совершенно исключительно. Хотя ты и раздражаешься и готов сопротивляться истине, я все-таки попробую, насколько это в моих силах, сделать для тебя все более доступным и ясным, как и раньше старался.

"Боже, — говорит *Давид*, — суд Твой...", — значит, решение свое — "даруй царю". Какому царю? Да тому, о котором сам же Давид говорит в сорок четвертом псалме: "Престол Твой, Боже, вовек века, жезл правоты — жезл царства Твоего, Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал Тебя, Бог, Бог Твой елеем радости более причастников Твоих" (*Пс. 44, 7—8*). Рассмотрим все по порядку. Словами "Престол Твой, Боже, вовек века" он указал на величие божественности Сына Своего и непреходящий характер, вечность и бесконечность Его царства, а словами "жезл правоты — жезл царства Твоего, Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие" — на человека, которого воспринял

Сын, имеющего все, что свойственно плоти, кроме греха (*см. 1 Ин. 3, 5*). Именно на это он указал словами "возлюбил правду и возненавидел беззаконие". Добавив же "посему помазал Тебя, Бог, Бог Твой елеем радости более причастников Твоих", он сказал и то и другое, одновременно указал и на Бога и на человека в одной и той же ипостаси. Ведь слово "помазал" обнаруживает плоть — она ведь была помазана, слово же "Бог" — вместо слов "о, Боже" — что помазан Сын, а слова "Бог Твой", обращенные к воспринятому, — Отца, ибо для него он Бог, а не для Сына. Именительный падеж слова "Бог" предпочтен здесь звательному потому, что переводчики — семьдесят толковников божественного Писания — больше, чем с другими эллинскими диалектами, были знакомы с говором афинян. Ведь у тех по большей части можно найти такие выражения, как "Друг" вместо "о, друже". Подобным образом и здесь сказано "Бог" вместо "о, Боже". Слова же "Бог Твой" имеют в виду Отца, будучи, как мы сказали, обращены к воспринятому, ибо для воспринятого Отец есть Бог, а не для Сына.

Слыша о двух природах, человеческой и божественной, и о двух сыновьях, о Сыне Божиим и Сыне человеческом, ты не подумай только, что речь идет о двух ипостасях или о двух разных сыновьях, но припомни тот образ, который я тебе привел немного раньше, — образ железа и огня. Ведь как железо и огонь, соединившись друг с другом, становятся единой ипостасью, каждый имея при этом совершенно отличную от другого природу, так и мой Христос, будучи по природе единосущным Отцу Богом, соединившись невыразимым и выходящим за пределы всякого объяснения образом с плотью, стал единой с ней ипостасью. Словами невозможно объяснить происшедшее чудо — как две чуждые друг Другу и на человеческий взгляд совершенно несоединимые природы стали единой ипостасью, полностью соединившись и при этом сохранив свои собственные свойства, так что слияния и смешения их совершенно никакого не последовало, далее такого, как у железа и огня: железо делается ипостасью огня, а у Христа наоборот — ипостась Сына Божия сделалась ипостасью и плоти,

Итак, поскольку, как сказано, слова "Бог Твой" обращены к воспринятому и относятся к нему, сказав "жезл царства Твоего, Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие", Давид добавляет, как если бы тому за такую добродетель было дано воздаяние: "...посему помазал Тебя, Бог, Бог Твой елеем радости больше причастников Твоих". Каких причастников? Был обычай, когда избирали священников и царей, изливать им на головы из рога масло помазания; таким образом некогда был помазан и сам божественный пророк Давид (*см. 1 Цар. 16, 13*) — когда извергся на него забивший ключом елей, а также Саул (*см. 1 Цар. 11, 15*) — руками Самуила, помазавшего и Давида, а прежде них Аарона помазал в священники его брат пророк Моисей (*сл. Лев. 8, 12*).

Обрати внимание, что Давид сказал не просто "помазал Тебя Бог елеем", но — "елеем радости". Всех прежде Христа помазанных священников и царей помазывали ведь приготовленным маслом, а человека, которого воспринял Сын Божий, помазал Дух божественным и всесвятым елеем радости. Он ведь всесвятую Христову плоть и помазал, и освятил ее, вознесшуюся. Тем отчасти давалась благодать Духа, а по чину Мелхиседекову царю и священнику Христу все дарования, все дары были даны, сама полнота божества вселилась (*см. Кол. 1, 19*) в Его тело. Этого ни о ком из всех когда бы то ни было живших людей невозможно сказать, за исключением человека, сверхъестественным, недоступным для всех ангелов и людей образом появившегося от пресвятой Приснодевы Марии.

СЛОВО ПЯТОЕ

Ксен: Извини, царь, если тебе еще что-нибудь хочется привлечь и добавить к уже сказанному: я вторгнусь в твою речь, вновь чувствуя желание спросить о том, что

мне трудно постичь. Ибо некоторая необходимость настоятельно меня на это толкает.

Император: Говори, не сомневаясь, что хочешь. Не в первый ведь раз, ты знаешь, я тебе это предлагаю: еще где-то в начале беседы тебе была дана полная свобода говорить о Христе все, что хочешь, даже самое непозволительное. Ведь об огне если кто-нибудь возьмется доказывать, что он тяжел, холоден и делим, то это будет свидетельствовать лишь о неразумии и несерьезности говорящего.

Ксен: Ты, царь, знаешь, что незадолго до этого У меня возникло сильное желание послушать разъяснения относительно Троицы, и ты охотно пообещал это мне разъяснить. Обещанное и ныне за тобой, однако же из того, что ты уже сказал и говоришь, ясно следует, что ты представляешь Дух Богом. Хоть ты и не назвал его прямо Богом, но из твоих слов вытекает именно это. Что же еще можно подумать, слыша, что никакая человеческая природа не может вместить всю благодать, все дары Святого Духа, но только родившийся от Девы Марии странный сверхъестественный человек, как не то, что и Дух является Богом; и получается, что речь идет о трех богах, а ведь Моисей с обнаженной головой взывал: "Слушай, Израиль: Господь Бог твой Господь един есть" (*Втор. 6. 4*). Вместо того, чтобы поклоняться одному, вы, как ты сам показываешь, поклоняетесь уже трем богам, а тех, кто думает иначе, чем вы, вы называете нечестивцами и безбожниками.

Император: Я еще помню, Ксен, что обещал, и не забываю. Но мне кажется, что лучше было бы сначала закончить рассмотрение занимающего нас псалма и лишь потом коснуться этой темы. Итак, вернемся туда.

Что пророк имел в виду, говоря "Боже, суд Твой дай царю" (*Пс. 71, 1*), хорошо, мне кажется, рассмотрено нами в предыдущем слове. Следом пророк добавляет: "И правду Твою сыну царя" (*там же*). Давид сказал это о себе или о своем сыне Соломоне? Нет, конечно: ни к нему, ни к Соломону сказанное не подходит, но все ясно указывает на Христа, ибо Он — Сын истинного, настоящего Царя. Это же следует из слов того же Давида во втором псалме, который у евреев истолкован неправильно, потому что он явно обращен ко Христу как бы от лица человека, воспринятого едиnorodным Сыном и Словом Божиим: "Я же поставлен царем от Него", т. е. от Бога, "над Сионом, горою святою Его", т. е. над Иудеей и церковью (ибо Сионом и она называется), "чтобы возвещать", т. е. проповедовать, "повеление Господне" (*Пс. 2. 6—7*), т. е. божественное учение. Далее пророк говорит: "Господь сказал мне: ты сын Мой, Я ныне родил тебя. Проси у Меня, и Я дам тебе народы, твое наследие, и владение твое, концы земли" (*Пс. 2. 7—8*). Кто, будучи в здравом уме, скажет, что хоть что-то из этого приложимо к Соломону? Когда он был господином вселенной и владел ее концами? Все хорошо знают, что он господствовал над одним народом и малой частью вселенной. Христос же был и есть начало всей вселенной, и имя Его, как всем известно, дошло до концов земли.

Но вновь обратим речь, если ты не возражаешь, к прежнему псалму: "Судить народ Твой по справедливости и нищих Твоих в суде" (*Пс. 71, 2*), т. е. рассудить между верующими в Тебя и дьяволом. Выражая затем радость и веселие по причине всеобщего спасения, пророк говорит: "Да восприимут горы", — имеются в виду, конечно, люди высокой добродетели, — "мир народу и холмы справедливость" (*Пс. 71, 3*). Почему? Потому что "Он будет судить нищих народа, и спасет сыновей людей убогих, и смирит клеветника" (*77с. 71, 4*). А кто худший и бесстыднейший клеветник, чем дьявол, который сначала сказал самому себе: "Поставлю престол мой на облаках" (*ср. Ис. 14, 13—14*), а затем и на Бога стал клеветать, сказав Адаму: "Это для того, чтобы ваши глаза не открылись и вы не узнали бы добро и зло, заповедал вам Бог не вкушать от древа" (*ср. Быт. 3, 5—6*)⁷ Он же позже, напав на несчастный человеческий род, заставил его отступить от своего Создателя и Творца, а глухим и бездушным идолам воздать подобающее Богу служение. Так вот, рассудив между таковым клеветником и нищими верой людьми, Христос оправдал их и сделал богатыми уже только за то,

что они не повредили истинного знания о Боге, а бесчеловечного, дикого и беспощадного клеветника и мучителя, дьявола, Он совершенно смирил, все ухищрения его сокрушив и уничтожив.

"И сопребывает с солнцем, и прежде рода родов луны" (*Пс. 71, 5*). Разве это не способно убедить и весьма неразумного человека? Ибо кто из людей всех веков способен сопребывать с солнцем? Воистину никто, за исключением безначального и вечносушщего Сына Божия. Обрати внимание на то, что этими словами пророк лишил предлога тех, кто хотел бы злоречить и вопреки истине утверждать, что это сказано о Соломоне, — дескать, хотя он и умер, но душа его живет и сопребывает с солнцем, — пророк добавил: "прежде рода родов луны" — сочетанием этим двух выражений он показал безначальность и бесконечность Сына Божия, что не кажется подходящим ни к кому из людей.

Затем пророк говорит: "Сойдет, как дождь на руно и как капли, каплющие на землю" (*Пс. 71, 6*). Это предсказывает первое пришествие Сына Божия, кроткое, смиренное, чуждое всякого шума. Ведь будущее второе пришествие потрясет, как мы сказали, небо и землю, т. е. весь ангельский порядок и всякий род человеческий. Подобно тому как при Гедеоне, где-то говорится, ты знаешь, бесшумно сошел дождь на руно и упали на гумно капли (*ср. Суд. 6, 37—40*), таким же образом и Богочеловек-Слово сошел, утаившись от всех сил, небесных и земных.

"Воссияет в дни Его справедливость и обилие мира до тех пор, пока не отнимется луна, и Он будет обладать землей от моря и до моря и от рек до краев вселенной" (*Пс. 71, 7—8*). В какие дни, сказал он, воссияет справедливость и глубокий мир? Когда будет явлен крест, когда все народы обратятся и от мерзкого служения и поклонения идолам придут к познанию Бога живого, что и произошло. А чтобы показать бесконечность и несокрушимость веры во Христа, пророк говорит: "пока не отнимется луна", ибо как она никогда не отнимется, так никогда не расллится и истинная и непорочная вера в Него.

"Перед Ним припадут к земле эфиопы, и враги Его будут лизать прах" (*Пс. 71, 9*). О каких врагах Христа сказал пророк? Не ясно ли, что о дьяволе, обратившем с самого начала ваши воззрения против Него, и о вас самих, добившихся осуждения Его, ни в чем не виновного, на крестную смерть, — каковые враги и подпадут, сказал он, Его власти и окажутся у Него в повиновении, т. е. вовеки будут рабствовать уверовавшим в Него. Не это ли и произошло въяве, и не донныне ли с тех пор люди вашего рода прах, на который верующие во Христа наступают, языками лижут? Это всем известно. И никогда не прекратится это ваше рабство, сказали Даниил и Давид.

Ксен: Коль скоро люди нашего рода были, как ты говоришь, врагами Иисуса, а он обладал такой силой, что, по вашим словам, легко мог поработать и освобождать (*см. Рим. 6, 22*), спасти и губить (*см. Иак. 4, 12*), почему же он тогда, когда его связанного вели обреченным на смерть, не предал их истреблению и полной гибели, но дал возможность жить тем, кто будет противиться вашим Учениям и догматам?

Император: Не могу вообразить себе большей гибели, нежели та, которой подвержены вы. Поистине я считаю, что, победив и схватив своего врага, связать и заключить его во мраке значит наказать его больше, чем сразу лишить жизни. И смешно было бы, если бы оказавшийся в столь бедственном положении человек стал бы бранить того, кто его связал, говоря: "Если бы у связавшего меня была сила, он отрубил бы мне голову". А ты возражаешь мне как раз таким нелепым образом. Ты мог бы понять, что все, что ты сказал, имел мой Иисус возможность на них навлечь, ибо знаешь, что Иерусалим, ваш город, вместе с тем знаменитым храмом был разрушен и что другие ваши города представляют собой ныне развалины. Ясно, что способный сделать это в силах был сделать и то, но не захотел, ожидая вашего обращения к нему и покаяния. Тебе известно, сколько с той поры донныне уверовало и приступило ко Христу людей, просиявших

добродетелью. А если бы, как ты помыслил, все полностью были бы погублены, какая, подумай, напрасная кара произошла бы. А ведь сам Христос сказал, что одной святой души не достоин весь мир (*ср. Мф. 16, 26*), т. е. небо и земля, все, что между ними, и все неверующие в Него, ибо Он это называет здесь миром. И о том подумай, как были бы прославлены по всей земле наравне с чудесами сверхчеловеческая крепость души и сверхъестественное терпение в несчастьях и в страданиях несокрушимого и непоколебимого столпа, Иова, если бы Исав, его предок, которого еще до рождения возненавидел Бог (*см. Мал. 1, 3*), был бы предан тлению как недостойный жить? И Исайино пророчество о том, что "если будет число сынов Израиля, как песок морской, остаток Израиля спасется" (*ср. Ис. 10, 22*), как могло бы исполниться? Да и каким образом спасся бы святой остаток Израиля, если бы нечестивые и грешные предки этих людей не были сохраняемы, — чтобы, как розы из шипов, явились их потомки?

Видишь, что ты впадаешь из одного выкопанного вашими отцами рва в другой? Ведь это превышает всякую слепоту и глухоту — считать промысел и долготерпение Божий Его немощью, не беря в ум даже того, что сказал Давид: "Бог судия праведный, сильный и долготерпеливый, не дает волю гневу Своему каждый день; если не обратитесь, Он обнажит Свое оружие; лук Свой Он натянул и приготовился стрелять, и в нем приготовил сосуды смерти" (*Пс. 7, 12—13*).

Ну, теперь о том, в чем ты безрассудно увидел немощь Христа моего и Бога, сказано, мне кажется, достаточно. Опять вернемся к рассмотрению занимающего нас псалма.

"Цари Фарса и острова дары принесут, цари арабов и Савва дары приведут, и поклонятся ему все цари земные, все народы будут рабствовать ему" (*Пс. 71, 10—11*). Разве и слепому не ясно, что все, им здесь сказанное, указывает на Христа, которому все цари земные поклонились, которому все народы рабствовали и будут рабствовать? О Соломоне же, которого тебе хотелось бы связать со словами Давида, невозможно сказать, когда все народы стали его рабами или цари земные ему поклонились. Всем ведь известно, что он имел власть только над двенадцатью коленами.

"Ибо избавил нищего от имеющего силу, убогого, у которого не было помощника" (*Пс. 71, 12*). Имеется в виду освобождение от дьявольской власти Адама со всем его родом, на долю которого пришлось столько страдания и убожества, что и надежды у него не осталось когда-либо освободиться от уз, вернуть свободу и восстать после ужасного падения. Так кого же нам следует считать способным поднять его, так согрешившего и низверженного, — а ведь павший нуждается в том, кто бы поднял его и поставил на ноги, — неужели же Соломона? Кто столь неразумен, чтобы такое помыслить! Стоит подумать и вот о чем: Ветхий Завет показывает падение Адама, но говорит ли он где-нибудь о его возвышении? Совершенно нигде. Однако все пророки предсказывали грядущий Христов промысел и пророчествовали об освобождении всей человеческой природы, т. е. Адама и его потомков. Как раз об этом и говорит Давид словами: "Ибо избавил нищего от имеющего силу, убогого, у которого не было помощника; пощадит нищего и убогого и души убогих спасет" (*Пс. 71, 12—13*).

Ксен: Хочу спросить тебя, царь: природа и плоть, которые воспринял Иисус, те же ли были, что у Адама?

Император: Природа у всех одна, да и плоть одна и та же, поскольку у всех она из земной материи, но по индивидуальным особенностям она неодинакова: ведь у тебя как индивидуума одна плоть, у твоего отца другая. Так что Христос воспринял ту же, что у Адама, в равной мере общую всем людям природу, плоть же не его индивидуальную, но созданную из земли для него и для его потомства, для всех нас. Коротко говоря, Христос воспринял Адама во всей его природе, по душе и по телу.

Ксен: Адамову по природе плоть Иисус воспринял не от Марии ли, тоже дочери Адама по природе, а по близнему родству — Иоакима и Анны?

Император: Ясно, что от нее, а не от другой.

Ксен: Тогда подумай, не противоречите ли вы сами себе. Если, как ты сейчас признал, Иисус воспринял плоть от Марии, а она по природе дочь Адама — причастница его падшей природы и плоти, то, стало быть, и рожденный Марией Иисус воспринял ту же самую плоть — плоть своей матери и ее праотца, значит, падшую. А из этого со всей необходимостью следует одно из двух: либо Иисус не стал причастником падшей природы Адама, и все ваши ухищрения доказать, что он воспринял и восстановил его падшую природу, тщетны, либо — в противном случае — и он стал причастником падшей природы, а значит, пал, и он стада нуждаться в другом, кто бы поставил его на ноги.

Император: Я все тебе, Ксен, постараюсь ясно Представить пред очи, однако же нехорошо было бы, не дойдя до конца, оставив рассматриваемый нами псалом примерно на середине, перескочить на другую тему. Если не возражаешь, давай вернемся на прежний путь. А по ходу дела это само к нам в руки придет, не избегнет.

Рассмотрим же: "И будут молиться о нем постоянно, весь день будут благословлять его, он будет твердыней на земле, на вершинах гор, превознесется выше Ливана плод его, и процветут жители города, как трава земная" (*Пс. 71. 15—16*). Укажи мне, какому из всех существ, кроме единого Бога, люди постоянно молятся. Именно об этом он походя и сказал словами "весь день будут благословлять его": ясно, что — Бога. То же самое он говорит и в тридцать третьем псалме: "Благословлю Господа во всякое время, постоянно песнь Его во устах моих?" (*Пс. 33. 1-2*).

Слова "Он будет твердыней на земле, на вершинах гор" означают, что Бог, сотворивший землю в начале времен, будет обладать ею и содержать живущих на ней. А выражение в превознесется выше Ливана плод его, и процветут жители города, как трава земная" указывает на плодоносность пришествия на землю Сына Царева, т. е. Христа, и означает, что вера и множество уверовавших будут высоки и велики. Это-то он и хотел показать, говоря, что выше Ливана вознесется и процветут, как трава земная: Ливан — это символ высоты, трава же — множество уверовавших.

Приближаясь к концу псалма, Давид говорит: "Будет имя Его благословенно вовеки, прежде солнца пребывает имя Его, и благословятся в Нем все колена земные, все народы будут признавать Его блаженным" (*Пс. 71, 17*). Разве возможно целиком возвести к человеку слова "прежде солнца пребывает имя Его"? Никак нельзя, но только — к Богу. Слова же "благословятся в Нем все колена земные" и "все народы будут признавать Его блаженным" предсказывают веру во Христа всей земли. После всего этого, как бы удивленный, Давид возопил: "Благословен Господь Бог Израилев, единственный творящий чудеса, и благословенно славное имя Его вовек и во веки веков" (*Пс. 71, 18—19*).

Итак, всеми этими словами неужели же пророк не показал ясным образом Христа одновременно как Бога и как человека? Всякий это скажет, кроме разве имеющих желание придирчиво противоречить.

Затем, как бы молясь о сказанном выше, пророк говорит: "Исполнится вся земля славой Его, да будет, да будет!" (*Пс. 71, 19*).

СЛОВО ШЕСТОЕ

Император: Вот тебе малое из великого множества свидетельств о божественном вочеловечении Христа. И пусть не все мы еще сказали, на время мне хочется эту тему оставить и поговорить о Троице, как ты недавно и попросил. Имея много средств для явления истины и богат будучи доказательствами, каковые мне во множестве представляет Новый Завет, я не воспользуюсь ни одним из них, так как нет в этом крайней необходимости. Ведь сердце твое по отношению к ним жестко и необрезано, по словам пророка (*ср.: Лев. 26, 41; Ис. 46, 12; Иер. 9, 26; Иез. 2. 4; 3. 7; 44, 7*), так что все они будут бездейственны и окажутся приведенными понапрасну. Потому что, если говорящие не согласны друг с другом в предпосылках, как вообще они могут о чем-либо договориться? Мог ли бы, например, Эпикур воспринять, что Бог — Троица, совершенно не веруя, что Бог вообще существует? Так что не имеет смысла браться убеждать себя свидетельствами оттуда, то есть из Нового Завета, какового ты вовсе не приемлешь, несмотря на то, что он сам по себе является истиной и ярче солнца сияет, но будем черпать их из Ветхого, вашего Завета, и нами чтимого и принимаемого как святой и справедливый.

Ксен: Много да прибудет тебе, царь, благ от Бога, ибо как раз это я очень хочу послушать.

Император: Ты еще помнишь, какой ты сделал против нас выпад, заявив, что мы поклоняемся трем богам, подкрепив обвинение цитатой из Моисея: "Слушай, Израиль: Господь Бог твой Господь един есть" (*Втор. 6, 4*)?

Ксен: Прекрасно, царь, помню и десятки тысяч раз, если бы было возможно, принял бы за это смерть.

Император: Отлично ты сказал, что умер бы за эту веру. А я, как ты можешь видеть, настолько далек от того, чтобы порицать тебя за это или отвергнуть Моисеево изречение, что и сам, да и все мы, называющиеся по имени Христа, многократно, как ты сказал, пошли бы на смерть за поклонение единому Богу.

Ксен: Похоже, ты противоречишь, царь, сам себе, и то, что ты намерен сказать, сильно отличается от того, что ты говорил.

Император: Тебе так кажется, но это не так. Если потрудишься послушать, увидишь, что я в полном согласии и с собой, и со всеми святыми и пророками.

Ксен: Ну, так говори и докажи это.

Император: Прежде всего я хочу тебе напомнить те слова, которые мы положили как бы неким основанием рассуждений, а именно: не стараться средствами природы и рассудка уразуметь то, что выше природы и рассудка, что следует одной верой воспринимать и почитать. Если ты намерен этого держаться и впредь, все у вас влезет в ум; если же нет, то мы понапрасну будем трудиться,

Ксен: Совершенно необходимо держаться принятого, ибо это справедливо.

Император: Итак, да будет началом наших разысканий то, что более другого необходимо: никоим образом не разузнавать, чем по природе является Бог. Ибо это совершенно недопустимо не только для людей, но и для высочайших чиновачалий. Ведь Он в равной степени непостижим для всякой рожденной природы и совершенно никем ни полностью, ни отчасти познан быть не может.

Однако же, будучи таковым по природе, Он не оставил нас жить, блуждая, словно в глубочайшей тьме, в абсолютном о Нем неведении, чтобы мы не пострадали вместе с упомянутым Давидом безумным, неразумно предположившим, что Бога нет (*см. Пс. 13. 1*), или, если хочешь, вместе с безумным Эпикуром, который тоже верил в самостоятельность бытия и никак не соглашался с существованием стоящего над всем Бога-Промыслителя; и Он

вложил в ангелов непосредственное знание о Себе в понятиях, которые знает их научивший, для человеческого же постижения недоступных; нам же, людям. Он дал знамения, с помощью которых наш разум способен возвышаться к мыслям о Нем. Знамениями и как бы некими символами я назвал бы небо и землю и все, что на них, — чтобы, видя их красоту и сплоченность и неслиянность, свойственные их устройству, мы были способны восходить умом к приведшему их в бытие и в нем содержащему и устрояющему и познавать в нем всесильного Бога — не существо Его, конечно, но сверхъестественность и божественность Его силы — и веровать в Него. Поскольку же для совершенного богоразумия этого недостаточно — путем мысли приходить от творения к единому Богу (мудрецы называют это путем к богопознанию), да и этого мало, чтобы путешествующий достиг цели — в частности, и иудеи ведь, и те, кто позднее впали в Магометово безумие, считают Бога творцом всего и подателем, — Бог послал сначала святых людей, затем пророков и учителей, которые, открывая более совершенные Божьи таинства, стали учить всех людей. Поскольку же Адам, будучи прельщен, как мы раньше говорили, лишился Бога, Его присмотра и помощи и был отвержен — хоть и не совершенно, но ведь отвержен, — и его потомки после него, захваченные многим другим неподобающим, в конце концов докатились до служения идолам, как могли бы они, бесящиеся от столь великого безумия, "друг воспринять слова о сущем Боге и зараз быть наученными чистоте богоразумия? Так что свет начал светить и таинство Троицы *стало* обнажаться издали — иногда в загадках, иногда в образах, словно в зеркале. Сначала — через Моисея. А об отцах, живших прежде Закона, я не буду говорить; я имею в виду Иова, Мелхиседека, Авраама, Исаака и Иакова, познавших Бога-Отца, Его Сына и Дух Святой.

Выведа с помощью Моисея ваш народ мышцею высокою из земли Египетской, Бог через него на-учил вас чтить Себя как творца неба и земли, понемногу отучая от скверной службы идолам и влагая в вас Свой разум, при этом смутно показывая и Сына в сказанных о Нем словах. Нами было уже раньше упомянуто, что Давид словами "И да поклонятся Ему все ангелы Божии" (*ср. Пс. 102. 20; 148. 2*) указывал на Сына, и Моисей тоже и теми же словами: "Да поклонятся Ему, — сказал он, — все ангелы Божии" (*Втор. 32, 43*). И еще он же, говоря, что Бог воздвигнет из братии ваших пророка (*Втор. 18, 15*), Его имел в виду. Да и тобою чуть раньше приведенное одно из Моисеевых повелений: "Слушай, Израиль: Господь Бог твой Господь един есть" (*Втор. 6, 4*), — и оно явно указывает на Троицу. Ведь словами "Господь Бог твой Господь" он явил Отца, Сына и Святой Дух, а словами "един есть" представил единую для трех божественность — единую простую и нераздельную природу. Саддукеи ведь не верят ни в Духа, ни в ангела, ни в воскресение мертвых, вы же, фарисеи, во все это, мне кажется, веруете (*ср. Деян. 23. 8*). Впрочем, так ли это или иначе?

Ксен: Так это, не иначе.

Император: В книге "Исход" Моисей говорит, что Бог повелел ему избрать семьдесят мужей из сыновей Израилевых, чтобы, взяв от того Духа, который на нем, возложить на них, чтобы они стали пророками (в книге "Исход". 24, 1. упоминаются семьдесят старейшин Израилевых, но пересказывает император здесь книгу "Числа". 11, 16—17, 25). Духом ведь и душа называется, но означает ли это, что речь идет о том, что Бог возьмет часть Моисеевой души и возложит ее на семьдесят человек? Нет, конечно; бессмысленно ведь и даже очень неразумно и помыслить это. Но — от бывшей на нем силы и благодати Пресвятого Духа, благодаря которой он и пророчествовал, и иное совершал. Ты-то как об этом думаешь?

Ксен: Мне кажется, ты правильно это рассматриваешь, царь. И я не взялся бы говорить что-либо иное, как то, что Моисей пророчествовал божественным духом и именно от него Бог хотел взять и возложить на семидесяти.

Император: Еще: когда Илия трижды облил жертвенник водой (*3 Цар. 18, 34*) и перебил скверных жрецов (*там же 18, 40*), — чего это было знамением, как не

Троицы и таинства крещения? А когда великогласный Исайя видел Господа сидящим на высоко превознесенном престоле и серафимов, летающих вокруг этого страшного престола и троекратно возглашающих "свят, свят, свят", что иное созерцал он тогда, как не отражение таинства Троицы? Троекратное возглашение святости являло одновременно с Отцом Сына и Дух Святой, а однократно произносимое "Господь" (*Ис. 6, 3*) — единство сущности, — то же, что и Моисей показывал словами "Слушай, Израиль: Господь Бог твой Господь един есть", и Давид в тридцать пятом псалме, говоря: "Во свете Твоем мы узрим свет" (*Пс. 35, 10*), — то есть в Сыне Твоем — Дух Твой Святой; ибо как Сын, так и Дух Святой являются и именуется светом.

Также и то, что сказал Исайя: "Дух Господа на мне, ради Которого Он помазал меня, благовество-вать нищим послал меня" (*Ис. 61, 1*), — он сказал будто от лица Христа, Которого Бог помазал, по словам Давида, "елеем радости более соучастников твоих" (*Пс. 44, 8*), как мы прежде говорили, и Который — явно странный и сверхъестественный человек, принявший все дарования Духа, воспринять каковые не способна природа ни одного, кроме Него, человека.

Еще тот же Исайя сказал: "Произойдет отрасль из корня Иессеева, и цвет от него поднимется" (*Ис. 11, 7*). Отраслью он назвал Пресвятую Богородицу, цветом же — родившегося от нее Иисуса Христа, как нами сказано при истолковании ковчега.

Далее он говорит: "Почивает на нем" — то есть на Христе, явно, — "Дух Божий" (*ср. Ис. 11, 2*). Какой другой дух почил на Христе — может ли кто-нибудь сказать — кроме единосущного Отцу и Сыну Духа Святого, каковой Давид и духом уст Господних именуется, когда говорит, в образе уст представляя единосущность: "Словом Господа небеса утвердились" — то есть были созданы — "и духом уст Его — вся сила их" (*Пс. 32, 6*)⁷ Что другое может удержать и содержать небеса, кроме Бога? В соответствии с тем, как Давид здесь сказал "Словом Господа небеса утвердились и духом уст Его — вся сила их", и боговидец Моисей в книге "Бытие" говорит сначала "Сказал Бог: да будет твердь" (*Быт. 1, 6*), и она появилась, затем, чуть ниже: "И сотворил, — говорит, — Бог твердь" (*там же 1, 7*), — вторичным упоминанием тверди являя Сына. Ведь словами "Сказал Бог: да будет твердь" он указал на Отца, а прибавлением "И сотворил Бог твердь" он указал на Сына, такого же создателя и творца всего, как и Отец.

И опять же, как Давид, говоря, что Дух утвердил небеса, ясно проповедал, что Дух есть Бог, так и Захария словами "Дух пребывает среди вас" (*ср. Аг. 2, 5*), и Соломон, говоря "Дух Господа исполнил вселенную" (*Прем. Сол. 1, 7*), и Исайя, сказав "Раздражили Духа Святого, и Он обратился в неприятеля их" (*Ис. 63, 10*) — и дом Иакова раздражил Дух Господа, — также и Моисей, сказав "Сказал Бог: да будет твердь", "И сотворил Бог твердь", представил подателем и содержателем всего и Сына и Отца.

Не удивляйся тому, что Моисей одной фразой "И сотворил Бог твердь" указал, как я сказал, на творческую способность Сына: ведь сказать, что Он творец тверди, это то же, что назвать Его творцом всего мира. То, что Давид сказал о Духе, Моисей сказал о Сыне, — одной фразой каждый о каждом свидетельствует, что тот есть Бог. Ибо как Христос и является, и называется Словом Божиим, Словом Отца, — имя "Слово" хорошо показывает их единосущность, — так и божественный Дух Божий и называется, и является Духом, единосущным Отцу и Сыну. И когда слышишь, что Писание говорит о Духе Божиим или о Духе Господа, не думай, что речь идет о каком-то ином духе, кроме Пресвятого, который от Бога исходит — как Сын рождается от того же Бога-Отца. Хоть и ангелы духами Божьими называются, но их много, и они равны друг другу в каждом чине, и они созданы и состоят при службе. А так, особым образом, везде в Писании только Дух Божий называется. Подобным же образом богами называются ангелы и лучшие из людей, по-божески жившие, но когда говорят о Боге особым образом, дают возможность понять, что разумеют Бога — Творца неба и земли. И сыновьями Божиими называются ведь святые, но когда мы

говорим "Сын Божий", мы имеем в виду едиnorodного и единосущного Отцу, неизъяснимо и неизреченно от Него родившегося. Так, и когда мы слышим "Дух Святой", мы понимаем, что речь идет о Духе, неизъяснимым, превосходящим наше понимание образом исходящем от Бога-Отца, а естеством Своим извечно с Ним пребывающем, как и Сын.

Выше мы сказали, что о человеке — что он создан по образу Божию — говорится неоднозначно, а теперь мы вспомнили нечто связанное с тем, о чем тогда говорили, так что ты послушай и теперь о некоем образе образа Божия в человеке.

Всякий человек имеет слово и дух, естественные и соответствующие ему. Ибо, если бы он их не имел, он был бы бессловесен и мертв. Но мы не говорим на этом основании о трех людях в одном, разделяя человека на три части: ведь у его слова и духа не иная сущность, нежели у него, но они единосущны и единоприродны ему. Подобно этому обстоит дело и применительно к Богу, создавшему человека по Своему образу и подобию (*ср. Быт. 1, 26*). И Он имеет единосущное Себе слово, от Него рожденное, и Дух, естественным образом от Него происходящий. В противном случае и Он был бы поистине бессловесен и несовершенен, а стало быть, не имея их. Он не был бы Богом. Поскольку же Бог совершенен, Он должен рождать Свое Слово совершенным и производить из Себя единый с Ним по природе и совечный Ему Дух. И если об одном человеке нельзя сказать как о трех потому, что он имеет слово и дух, то в гораздо большей мере от Бога простейшего всякая сложность далека. Хоть

Он и имеет Слово и Дух, но как нет трех человек в одном, так нет и трех Богов.

Знай, что неправильное понимание простоты Божией оказалось причиной великой гибели не только вас, эллинов и последователей Магометовой лжи, но также многих, называющих себя христианами. Ибо немалое число таких людей по этой причине впало в противные христианству ереси, как, скажем, последователи Ария и Евномия, а прежде них — причастившиеся безумия Савеллия, а с ними и многие другие. Они пострадали за то, что уверовали в собственные мысли и сами по себе захотели быть премудрыми, а от Бога переданных слов не послушали, ни воспринять из них ничего, ни уразуметь не могли, а верить не хотели. А где нет веры, невозможно быть разуму, как и Исайя где-то сказал: "Если не уверуете, и не поймете" (*Ис. 7, 9*).

Есть и много другого, что показывает Духа Святого Богом, как, например, слова Елиуя Вузитянина, одного из друзей Иова: "Дух божественный, сотворивший меня, и дыхание Вседержителя, учащее меня" (*ср. Нов 32, 8*). Ведь и здесь Дух Святой называется Творцом и Вседержителем. Но достаточно, я думаю, чтобы убедить, уже сказанного. Если же это тебя не убеждает, то, скажи кто-нибудь и больше, уверить тебя вряд ли когда-либо сможет. Однако же вот еще что наряду с прочим скажу тебе о Святом Духе.

Ты согласился чуть раньше с тем, что Дух, о котором Бог сказал, что возьмет от Моисея и возложит на семидесяти (*см. Чис. 11, 24—25*), не был ни ангельским, ни человеческим, но — Божиим. А ведь та же самая благодать Пресвятого Духа, что была дарована тогда Моисею, семидесяти и последующим пророкам, — она же впоследствии была дана и уверовавшим во Христа через Евангелие. Ибо невозможно сказать, что одна благодать была дана первым пророкам, а другая последующим, поскольку один есть Дух Святой, исходящий от Отца, и одна и та же благодать Его, точнее же — одна и та же божественность, благодать и сила у Трех, то есть у Отца и Сына и Святого Духа.

Как если мы представим себе свечу, связанную из трех свечей и зажженную, причем каждая из связанных дает яркий и обильный свет, но по причине соединения свечей свет у них общий, и при этом не происходит ни слияния трех воедино, ни разделения их — по причине соединенности и слияния света, ибо он нераздельным приближается к освещаемым предметам и освещает окружающий

воздух, так что никому и весьма премудрому не разделить свет и не различить его составляющие, чтобы сказать, что это — от этой из связанных свечей, а это — от этой, но — един и целостен свет у трех, и у каждой целостен; так же каждое из лиц Святой Троицы представляет собой совершенного Бога, но и Троица тоже есть тот же совершенный Бог.

Как мы уже говорили, та же самая благодать и сила, которая прежде время от времени была посылаема малому числу людей, ныне даруется бесчисленному множеству. А свидетельствует об этом Иоиль: "Излию, — говорит он, — от Духа Моего на всякую плоть, и будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши, и старцы ваши сны увидят, и юноши ваши видения узрят. Да и на рабов Моих и на рабынь Моих во дни те излию от Духа Моего" (*Иоиль 2, 28—29*), и будут пророчествовать, "И явлю чудеса на небе и на земле: кровь и огонь и курение дыма. Солнце превратится во тьму, и луна — в кровь, прежде нежели придет день Господень, великий и светлый. И будет: всякий, кто призовет имя Господне, спасется" (*там же 30—32*).

Вдумайся, какой смысл имеет сказанное пророком и на кого он этими словами указывает: во-первых, силой Духа свидетельствуя, он говорит, что невозможно иначе пророчествовать, как только если на желающего пророчествовать снизойдет Дух. Тем самым он дает понять, что это невозможно ни для кого, кроме Бога. Далее он провозвестил будущее Христово пришествие, назвав это великим и светлым днем. При этом он сказал и то, что Он будет спасителем всех призывающих, ибо "всякий, — говорит он, — кто призовет имя Господне" — ясно, что Христово, — "спасется".

Итак, Ксен, поскольку о Боге, которого мы называем Отцом Сына, а вы просто так Богом, ни у тех, ни у других нет никаких сомнений в том, что Он есть Бог и Творец всего, речь у нас шла о Сыне и Пресвятом Духе — чтобы показать, что и каждый из них Бог и имеет те же, что Отец, божественность, силу и царство. Что касается Духа, то мне кажется, что открытое нам божественным Писанием достаточно, чтобы представить Его Богом, единоприродным Тому и нераздельным от Того, от Кого Он происходит — от Бога-Отца. О Духе Божиим ведь и вы говорите, а как достоин о Нем думать, совершенно не знаете.

О Сыне же тоже, полагаю, достаточно для благоразумных уже сказанного, чтобы показать, что Он есть Бог, воспринявший в последние времена плоть. Хорошо указывают на Его божественное вочеловечение и слова Иезекииля. Рассказав о видении, которое он видел во время пленения на реке Ховар — нет сейчас времени все пересказывать, — он говорит: "Тогда — звучание слова, словно шум полка; и когда останавливались животные, опускались крылья их. И вот — голос превыше тверди, которая над их головой" (*ср. Иез. 1, 24—25*). Когда они останавливались, расслаблялись крылья их. "А превыше тверди, которая над их головой, — как бы видение камня сапфира, на нем — подобие престола, а на подобии престола — подобие как бы облика человеческого, сверху" (*там же 26*).

О каких животных говорит здесь Иезекииль и кого хочет обнаружить в как бы человеке, на подобии престола сидящем? Разве не ясно, что животные, о которых он говорит, это херувимы и серафимы, а Тот, Кто на них сидит, — это Тот, о Ком Моисей сказал: "Да поклонятся Ему все ангелы Божии" (*Втор. 32, 43*), Бог и человек. Но мы еще будем об этом говорить, и тогда это яснее будет показано тем, что мы еще намерены сказать, и это станет более понятным и обнаженным. Ты же поступишь правильно, если скажешь мне, как душа твоя восприняла слова о Троице. То есть безмолвствует ли твой ум в ответ на сказанное или возмущается какими-то мыслями и к возражениям устремляется и требует большего числа и более основательных доказательств?

К с е н: Он еще неуверенно колеблется, царь, между тем и другим и ни склониться перед сказанным не готов, ни решительно воспротивиться и открыто занять другую сторону. Но ты, если хочешь, говори дальше, а я по ходу дела уясню свое мнение.

Император: Хорошо. Стало быть, я молюсь, чтобы мы вновь вывели твой ум к здравому выбору и чтобы он пожелал выбрать наилучшее. Да даст тебе Господь, как сказал Соломон, разум во всем (*ср. Прит. 1. 7*).

Итак, примемся вновь за высказывания о промысле Христова воплощения. Великий в речах Исайя сказал: "Вот, Дева во чреве зачнет и родит сына, и нарекут имя ему Эммануил" (*Ис. 7, 14*).

К с е н: Скольких бед причиной постоянно бывает ложь! Ведь пророк сказал не "дева", а "отроковица" во чреве зачнет, подразумевается — сошедшись с мужчиной. Вы же, чтобы утвердить свою ложь, читаете "дева" вместо "отроковица". И сказать невозможно, сколько отсюда происходит помрачения, и это одно лишь слово творит, и великое неверие изливает в слышащих. Кто когда-либо слышал, чтобы дева рожала? Если мне хоть одну кто-нибудь покажет, я ничего больше не скажу против.

Император: Хорошо говоришь. Покажи мне ты другого Бога, сошедшего с неба и в плоть облекшегося, а я тебе покажу, как ты просишь, деву, Его родившую. Но раз ты обещаешь в это поверить, если тебе кто-нибудь укажет аа другое подобное бывшее, то пусть воспринято будет тобой и это первое и единственно настоящее, поскольку за ним никакого другого не последовало. Коль скоро же оно было первым, то твои слова, что ложь — причина многих бед, не лишены, мне кажется, смысла.

Однако же как может ложь причинить вред человеку, имеющему ум, будучи сама по себе немощна и несостоятельна? Ведь она не есть что-то, и ее нет среди сущего. Как же, будучи таковой, она может себя реализовать? Если бы ее не составляла истина, было бы поистине ложью говорить о ней как о чем-то, совершенно не существовало бы даже имени для нее. Что сказал, то и есть.

Вообразим себе двух человек, из которых один говорит: ложь, что ложь ничто собой не представляет, — а другой: истинно, что ложь нечто собой представляет. Из первого утверждения совершенно ничего не следует, а из второго, поскольку второй сказал "истинно", мы узнаем, что ложь воистину есть нечто. Видишь, даже когда ложь кажется чем-то, она состоится благодаря истине, сама же по себе она ничто, и ее в сущем нет. Ей ведь свойственна такая немощь, что, хоть и кажется иногда, что она является чем-то, под истину она подделывается и тогда. Ибо если она не станет подделываться под истину, никакой пакости сотворить она не сможет, что у вас и возможно видеть: цепляясь за тьму, вы полагаете ведь, что пребываете в свете, ничем в этом не отличаясь от глухих и слепых.

Кроме того, ты должен помнить наш уговор не стараться объяснить законами природы то, что выше природы, и логикой — то, что выше ее. Если же, допустим, это будет оставлено, объясни мне тогда ты, как Моисей сделал, что ваши отцы перешли Чермное море; как он источил из камня столько воды, что все люди напились (*см. Исх. 17, 6*); как кивот, носимый священниками, был переправлен через реку Иордан посуху (*см. Ис. Нав. 3, 16*); отчего сотряслись стены Иерихона (*см. там же 6, 16*); как Елисей милотью рассек Иордан, так что разделились воды, отступив туда и сюда, и он посуху его перешел (*см. 4 Цар. 2, 14*). Исходя из законов природы, как сказать, что это такое? Никак. Если это превыше естества, то и то не по законам природы.

Ваше же непослушание хорошо обличил великий в речах Исайя, говоря: "Весь день простирал я руки мои к людям непокорным и прекословящим" (*ср. Ис. 65, 2*). Вы ведь ко всем явным и истинным пророчествам о Христе безумным образом относитесь, уклоняясь от путей выровненных и с обрыва многократно себя низвергая более, чем другие, к настоящему времени. Однако же вернемся немного назад и постараемся понять смысл изречений пророка и о ком в них идет речь.

"Продолжал, — говорит он, — Господь говорить к Ахазу, и сказал: проси себе знамения у Господа Бога своего в глубине или в высоте. И сказал Ахаз: не буду просить и искушать Господа. Тогда сказал Исая: потому Сам Господь даст вам знамение: вот, Дева во чреве зачнет и родит сына, и нарекут имя ему Эммануил. Коровье масло и мед съест, прежде чем начнет разуметь или изберет злое, изберет доброе; потому что прежде, нежели Ребенок сможет отличать добро от зла, он отвергнет злое и изберет доброе" (*ср. Ис. 7. 10—16*). Еще раз, сначала понемногу прочтя, подумаем: "Продолжал Господь говорить к Ахазу и сказал: проси себе знамение от Господа Бога своего в глубине или в высоте. И сказал Ахаз: не буду просить и искушать Господа". Итак, прежде всего надо разобраться, какова причина послушания Ахаза, ведь он не захотел выполнить Божье повеление.

Мы уже говорили, что человек, пожив в суете и безумии, доверившись лжепророкам, прорицателям и подобным им обманщикам, не устранился пренебречь божественными заповедями. Понося его пренебрежительность, равно как и бесстыдство, Исая сказал: "Потому Сам Господь даст знамение", — то есть Господь, пославший меня к тебе, скверному и злочестивому, надругавшемуся над божественными заповедями. Да не возомнишь ты, что я послан к тебе как к достойному, ибо ты далек от того, чтобы быть таким, так что не тебя ради я послан, но ради дома Иуды и всех сыновей Израиля. "Потому Сам Господь даст вам знамение: вот, дева во чреве примет и родит сына, и нарекут имя ему Эммануил".

Если бы, как говоришь ты, об отроковице пророк предсказывал, что она во чреве примет, пожив с мужем, явно понапрасну и вовсе бессмысленно было бы называть это знамением. Кроме того, слово "отроковица", а не "дева", избрано и использовано — ты найдешь — во "Второзаконии". Ибо там сказано:

"Если кто-то совершит насилие над девой-отроковицей" и "Если кто-нибудь встретит где-нибудь отроковицу обрученную и, принудив, спит с ней, убейте только мужчину, а отроковице не делайте ничего" (*ср. Втор. 22, 25—26*). И Ездра называет отроковицей деву, спавшую с состарившимся царем-пророком Давидом, который не мог в старости согреться, — а не по какой-либо иной причине (*см. 3 Цар. 1, 1—4*). Поскольку в зачатии спящей с мужем женщины никакого чуда нет и знамением это пророк не называл бы никак, остается думать, что знамение, о котором он сказал, что оно будет от Бога, это — то, что дева родит без мужа, что и произошло, хоть вы и пытаетесь некими воистину гнилыми и несуразными, точнее же сказать, безумными словами это опровергнуть. Проходить мимо этого не следует, ибо если это знамение исполнилось не в Деве Марии, то как же Рожденный ею — не от похоти плотской, не от похоти мужской, но от Духа Святого — был бы, по пророческому слову, наименован Эммануилом, что значит "С нами Бог" (*Мф. 1, 23*)? А что это значит — "С нами Бог"? Ясно — то, что Бог будет с нами, людьми, то есть будет подобным нам человеком, пребывая при этом Богом. Равным образом и словом "нарекут" он предсказал — что наречет множество людей, что и произошло.

С этим полностью согласуются слова Иеремии в книге "Варух": "Это, — он говорит, — Бог наш, не сравнится с Ним другой. Он изобрел всякий путь художества" (*Вар. 3, 26—37*). Как он сказал, Тот знает все художества, будучи самой Премудростью, и весь разум их, будучи Сам их Творцом. "И даровал его Иакову, отроку Своему" — то есть рабу Своему — "и Израилю, возлюбленному Своему" (*там же 37*) — здесь он вновь имеет в виду того же Иакова и говорит, что ему дал Бог всякий путь художества, то есть всякий смысл. Почему же он не сказал "всякое художество", но — "всякий путь художества"? — Потому что это явно больше и совершеннее — знать смысл художеств, нежели сами художества. Словами "Дал его Иакову, отроку своему" он указал только на личность Иакова, то есть на самого и только Иакова; говоря же "и Израилю, возлюбленному Им", он указал опять же на того же Иакова, но при этом и на уверовавших в Евангелие. Ведь "Израиль" означает "Ум, зрящий Бога". Потому-то совершенно ясно, что тот, кто путем благих деяний соделал себя умом, зрящим Бога, смысл и

основание всякого художества воспринял от пожившего с людьми и благодаря плоти видимого ими Бога. Кроме того, словами "Дал Иакову, отроку Своему, и Израилю, возлюбленному Им" Он указал на Него как на подателя Ветхого и Нового Заветов. А поскольку пророк сказал, что никто не сравнится с Ним, он показал, что Тот несравнимо превосходит так называемых богов, то есть ангелов и людей.

Тут же далее он говорит: "На земле явился и с людьми пожил" (*там же 3, 38*), — самым ясным образом предсказывая Его пришествие на землю и жизнь с нами, землянами- А затем — и то, что Он поставлен истолкователем и учителем Божиих повелений: "Это, — говорит он, — книга повелений Божиих и закон, пребывающий вовеки. Все, держащиеся ее", — имеется в виду книга Божиих повелений — "пойдут в жизнь, оставившие же ее умрут. Обратись, Иаков, и возьми ее", — то есть книгу повелений, — "иди к сиянию при свете ее", — то есть при свете содержащегося в книге богопознания. Затем, как будто повелевая иудейскому народу, он говорит: "Не отдай другому славы твоей и полезного тебе — народу чуждому" (*там же 4, 1—3*), что значит: если даже уверует любой народ в Бога ~ творца неба и земли, никто не будет почтен и возлюблен более тебя, поскольку ты был наименован первородным сыном возлюбленным, — если только ты сам не отдашь дарованную тебе Богом честь и не отдашь свою славу и принадлежащие тебе блага; если же ты восстанешь на Бога, Который тебя почтил, то потеряешь свои славу и первенство, как Исав, и более, чем тот, будешь возненавиден и отринут; а затем люди идущих следом народов, дойдя, возьмут твои блага, славу и честь, которые ты, владея ими, сам неразумно выпустил из рук. Предсказывая затем таковую славу и обращение народов, пророк говорит:

"Блаженны мы, Израиль", — несомненно, называя Израилем народы, ставшие путем веры и благих деяний "Умом, зрящим Бога", — "ибо угодное Богу вам понятно" (*там же 4, 4*).

Итак, уразумел ли ты, насколько ясно пророк сказал, что это будет совершенный и при этом вечный закон, который даст, живя с людьми, Бог, и что именно о нем он сказал как о книге повелений Божиих, а не о данном вам в древности, каковой Бог обещал со временем оставить бездейственным?

Но вернемся, если не возражаешь, вновь к Исайе. Тот сказал: "Проси знамение у Господа Бога своего в глубине или в высоте" (*ср. Ис. 7, 6*). Глубиной пророк называет здесь ведь сошествие с небес на землю, а с нее в ад Сына и Слова Божия, высотой же — воскресение Его из мертвых и восшествие с земли на небеса, откуда Он и сошел, о чем в дальнейшем будет сказано ясно.

Мне кажется правильным, немного отойдя от пророческих изречений, остановиться на словах о Приснодеве Марии, а оттуда в свое время возвратиться к пророчествам о ней и о Том, Кто у нее родился.

СЛОВО СЕДЬМОЕ

Император: Некий потомок царя Давида, из колена Иуды, по имени Иоаким, живя с законной женой, принадлежавшей к тому же, что он, колону, до преклонных лет оставался бездетным из-за бесплодия Анны — таково ее имя. Пообещав, если они станут родителями, посвятить новорожденное Богу, они проводили жизнь в молитвах Богу, оживляясь надеждой. Спустя небольшое время Бог преклонился к их молитвам: у них родилась девочка, — и они привели ее, как обещали, к Давшему ее им, когда ей было три года.

А первосвященник Захария, принимая отроковицу, по ее прелести постигая умом красоту ее души и понимая, что она будет жилищем добродетелей, ввел ее внутрь недоступной части храма, называемой Святая Святых, куда совершенно никому

нельзя было входить, за исключением первосвященника. да и тому не всегда, а лишь раз в год, да и то не без крови.

И никто ведь не возразил и не воспрепятствовал тому, чтобы девочка вошла в Святая Святых, но все радостно восприняли ее водворение и пребывание в недоступных покоях, ибо, конечно же, некая божественная сила сначала подвигла первосвященника на это дело, а затем направила общее мнение так, что не только никто не осмелился этому помешать, но и радовались все происшедшему.

Так девочка и пребывала безысходно внутри Святая Святых, а когда пришло время выходить ей замуж, она была обручена, по совету первосвященников, некоему человеку по имени Иосиф, единоплеменному ей и целомудренному, каковой ее как невесту и привел из храма к себе домой.

Немного времени спустя к ней был послан Божий ангел Гавриил в Галилейский город, называемый Назарет. И он, войдя к ней, воскликнул: "Радуйся, Благодатная: Господь с тобою! Благословенна ты среди жен". Она же, увидев его, смутилась от его слов и задумалась над смыслом такого приветствия, Ангел же сказал ей: "Не бойся, Мария: ты ведь обрела благодать у Бога. И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь имя Ему: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его, и будет царствовать над домом Иакова вовеки, и царству Его не будет конца". Мария же сказала Ангелу: "Как будет это, когда я мужа не знаю?" Ангел сказал ей в ответ: "Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя, посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим. Ибо у Бога не останется бессильным никакое слово" (см. Лк. 1. 26-37).

Итак, обрати внимание на то, что ангел и ясно проповедал Троицу, и недвусмысленно показал, что Дева зачнет. Ведь он сказал: "Дух Святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя, посему и рождаемое Святое наречется Сыном Божиим". Тем самым он предельно ясно указал на Святую Троицу — Отца, Сына и Святого Духа — и на силу, укрепляющую Деву для этого великого и превосходящего разум таинства, чтобы она могла носить спасительный плод. Так что бессмысленно недоумевать, как она смогла без мужа зачать и родить. Не каким-то человеческим возможностям надо все это приписывать, но осенению Святым Духом и силе Всевышнего, у которого "не остается бессильным никакое слово", ибо, если Бог хочет, побеждается естества чин.

Предвидя это великое таинство, Давид и сказал: "Речь, непонятную мне, услышал" (Пс. 80, 6), т. е. речь ангела; и в другом псалме: "Услыши, дочь, — сказал, — и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего" (Пс. 44, 11), — обращая это к Деве Марии. Смысл этих слов такой: поскольку отныне Бог призывает тебя к некоему необычному, непривычному, совершенно своеобразному образу жизни — по сравнению с тем, который был в доме отца твоего, приготовься к нему, приклони ухо твое к тому, к чему теперь тебя призывают, а то, что было дома, уже позабудь.

Также и слова: "С благоговением отнесся Ты, Господи, к земле Твоей, возвратил плен Иакова, отпустил беззакония народу Твоему" (Пс. 84, 1-2) — и дальнейшее, что в этом псалме сказал божественный пророк, может показаться человеку, воспринимающему лишь поверхность мысли и не способному увидеть прикровенное и глубинное, сказанным только о вашем народе и его земле и городах, Но в не меньшей мере это относится к богоносным и божественным мужам.

Раз уж это приходится к слову и к нашей теме, скажу теперь, что и здесь, как в большинстве других псалмов, пророк указывает и предсказывает неизреченное и исполняющее трепета вочеловечение Бога Слова и говорит о зачавшей и родившей Его Матери, пресвятой Марии. Так, от первого стиха псалма до слов: "Яви нам, Господи, милость Твою, и спасение Твое даруй нам" (Пс. 84, 8) — пророк поет, как мне кажется, ни о ком другом, как о Христе, ибо Христос —

спасение всего мира, а также о совершенном разорении и пленении дьявола и ада, поскольку, низвергнув там того и связав, Он ад расхитил, т. е. — поет об освобождении связанных нерасторжимыми узами душ.

Далее, как бы немного отдохнув и ожидая указаний свыше: "Послушаю, — говорит он, — что скажет во мне Господь Бог", — и затем, исполнившись Святого Духа, восклицает: "Он скажет мир людям Своим, и праведным Своим, и обращающим сердце к Нему. Так, близко к боящимся Его Спасение Его" (*Пс. 84, 9—10*). О каком, можно спросить, мире говорил Господь, как не о том, который при Его божественном Рождестве воспевали божественные ангелы, поя: "Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение" (*Лк. 2, 14*)! Можно ли какой-то иной мир назвать более важным и лучше этому соответствующим, нежели тот, который принес Христос Бог, всеобщий Примиритель, разрушивший преграду, разделявшую подсолнечную и Бога Отца, и их примиривший (*см. Ефес. 2, 14—16*)

А что близок Бог к боящимся Его, он сказал не потому, что от прочих Тот далек: но подобно тому, как о всеобщем Боге говорится преимущественно как о Боге Авраама, Исаака и Иакова — из-за их превосходной веры и сверхъестественной любви, так же говорит он, и что ближе Бог к боящимся Его.

Наподобие того, как это видимое солнце, равно дающее всем возможность воспринимать свой свет, вид и тепло, воспринимается всеми не одинаково, но в зависимости от слабости или силы зрения каждого, так же и мысленное солнце правды, Христос, "скажет мир людям Своим, и праведным Своим, и обращающим сердце к Нему". А "спасение Его" — очевидно, что благодать, — Он даст всем, но боящимся Его дарует больше других, ибо в другом месте пророк сказал: "Работайте Богу со страхом и радуйтесь Ему с трепетом" (*Пс. 2, 11*), а также: "Страх Господень чист, пребывающий во веки веков" (*Пс. 18, 10*), "чтобы поселиться славе в земле нашей" (*Пс. 84, 10*).

Давай разберемся. В начале псалма он сказал: "С благоволением отнесся Ты, Господи, к земле Твоей" — и остальное, о чем было сказано немного выше, т. е. о сокрушении сатанинского насилия и об освобождении душ, а здесь он говорит: "чтобы поселиться славе в земле нашей". В первом стихе, сообщая о благоволении Господа к Своей земле, он имеет в виду Богородицу Марию, ибо, будучи святой и благой землей, она без семени сверхъестественно вырастила божественный колос, чувственным и умственным образом питающий души всех и тела, — Подателя бессмертной жизни. Здесь же говорит: "чтобы поселилась слава в земле нашей". Так что там он назвал ее только землей, а здесь наименовал и обителью Божией. "Освятит, — сказал ведь он, — обитель Свою Всевышний" (*Пс. 45, 5*), и в другом псалме: "Свят храм Его, удивителен в правде" (*Пс. 64, 5*), — ее же называя храмом, как и землей, и обителью.

"Милость и истина встретились" (*Пс. 84, 11*). Милостью он назвал Спасителя Христа как по человеколюбию только помиловавшего человеческую природу и призвавшего ее, ничего достойного милости и сочувствия от себя не привнесшую, а истиной — опять-таки Пресвятую Богородицу Марию. Означает же это следующее. По природе ни одна из тварей не является истиной, помимо Бога, хотя по мере причастности к Истине в собственном смысле слова они тоже и называются, и являются истинными — имеются в виду ангелы и возвысившиеся над земным люди. А Богородицу Марию этот божественный пророк называет истиной как неизмеримо лучшую всякого произведения человеческой природы, как истинного и совершенного человека, больше всех причастившегося Сущей Истине, т. е. Богу.

Эллины определяли человека по-разному, лучше же всех те, кто называли его словесным, смертным, уму и художествам причастным животным. Но и это определение человека не кажется мне совершенным. Поистине совершенным называется ведь то, что ни недостаточествует, ни избыточествует. А для Пречистой это определение мне кажется недостаточным. Но поскольку Бог,

создавая все, сказал: "Сотворим человека по образу Нашему и по подобию" (*Быт. 1, 26*), — люди нашего образа мыслей называют совершенным такого человека, который сохранил, насколько возможно, целым то, что у него "по образу" и "по подобию"; и как больше всех людей от века это сохранившую и больше всех ангелов, как говорится, и людей причастившуюся Самой-по-себе-истины, истиной и называется, и является Богородица Мария. Потому пророк и использовал ведь эти слова: "Милость и истина встретились", — значит, сошлись, соединились.

То же самое пророк выражает и далее, говоря: "Правда и мир облобызались" (*Пс. 84, 11*), называя правдой опять же Христа как самую ею по природе единственно и являющегося, о чем уже было сказано, когда речь шла об истине, миром же — Богородицу. Ведь единственная она стала ходатаицей за нас о немятежном и прочнейшем мире, единственная родив Упразднившего вражду и тем самым разрушив существовавшую между людьми и Богом преграду — посредством родившегося у нее Бога-Слова (*ср. Ефес. 2, 14—16*). "Облобызались" же он сказал по причине избытка любви ее и Бога друг к другу.

Смотри же, как удивительно согласуется одно с другим все, сказанное ранее и следующее далее, ибо он продолжает: "Истина от земли воссияла, и правдас неба выглянула" (*Пс. 84, 12*). "От земли" — значит, от людей, от Иоакима и Анны, — произросла, говорит он, как цветок. Богородица, писательница нашей жизни, т. е. Христа; "правдой" же он называет Бога-Слово, по несказанной милости преклонившего небеса и нисколько не погнушавшегося снизойти до наших пределов, совершенно соединившегося с родившейся у Иоакима и Анны Богородицей Марией неизреченным и сверхъестественным соединением и ставшего плотью от ее святой и пречистой крови и сделавшегося совершенным человеком, не переставая быть совершенным Богом, как об этом и провозвестили все от века говорившие с Божьей помощью пророки и как засвидетельствовал Сам Бог-Отец.

"Господь, — говорит он далее, — даст благо", что означает: Отец Господа даст ради нашего спасения Своего Сына, каковой и именуется и "Благо", и "Правда", и "Святыня", и "Избавление", — "и земля наша даст плод свой" (*Пс. 84, 13*), т. е. от Иоакима и Анны возросшая "земля" даст свой бессемейный плод — родившегося от нее Бога-Слова, истинного, как говорится, и так и так — и в своем божественном качестве, и в человеческом.

Обрати внимание и на то, как он завершает псалом. Побогословствовав и миновав тему неизреченного воплощения Бога-Слова, он затем показывает, источником и причиной скольких и каковых благ оно явилось для нас. В маленьком изречении "Правда пойдет перед Ним" (*Пс. 84, 14*) он все добро собрал, ничего свойственного Божьей правде вовне не оставив.

"..и поставит на путь стопы Свои" (*там же*). Поскольку Христос назвал Себя "путем", не менее является "путем" и Евангелие, ни истиной и жизнью" (*Ин. 14, 6*). ибо этим путем мы приходим к Богу-Отцу, а не с помощью ангела или какого-либо человека. Поэтому он сказал "поставит на путь стопы Свои". Ведь если кто-нибудь, путешествуя, заблудится, то, конечно же, не придет туда, куда шел; шествующий же этим путем спасается; а кто, заблуждаясь, отпадает вовне, погибает.

Еще и на то обрати внимание, насколько в этом славном Рождестве все было чудесным и божественным. Обращение ангела к Деве со словами: "Радуйся, Благодатная: Господь с тобою" и "Благословенна ты среди жен" — открыло, что она будет рожать не как ее праматерь Ева в печали, но в радости и веселии, и показало, что Тот, Кто родится, уничтожит проклятие, ибо благословиению и проклятию сочетаться в одном невозможно, равно как и свету с тьмою. Услышав слова, исполненные радости и веселия, и помолвившись в себе, Дева сказала: "Се, раба Господня; да будет мне по слову твоему. И отошел от нее ангел" (*Лк. 1, 38*).

Ксен: Если, по твоим, царь, словам, она оказалась несправедливой от упомянутой тобой силы прежде, чем с ней сошелся Иосиф, тогда уж лучше было бы, если бы эта радостная весть о Рождестве случилась прежде обручения, нежели после него, пока она была еще в храме.

Император: Не вовсе бессмысленным кажется мне это непонимание, но имеющим некоторый смысл. Ведь и ее названный муж Иосиф прежде тебя затруднялся это понять. Видя, что она забеременела, и зная, что он совершенно не прикасался к ней, осознавая и то, что она преизобилует скромностью и достоинством и что все домашние относятся к ней с подобающей почтительностью, исключаяющей всякие сомнения в ее добродетелях, он был со всех сторон раним недоумением и не знал, что делать, и словно погружался в некую бездонную пучину от такой беспомощности. И если бы божественный ангел, явившись, не разогнал этот душевный мрак и волнение словами: "Не бойся, Иосиф, ибо родившееся в ней есть от Святого Духа. Родит же Сына, и наречешь имя Ему: Иисус; ибо Он спасет людей Своих от грехов их" (*ср. Мф. 1, 20—21*). — он дошел бы и до более опасного состояния. Отсюда ясно, что у Иосифа были те же мысли, что у тебя.

Причина же того, что она зачала в доме Иосифа, а не в храме, такова. Если даже живя у Иосифа и пребывая, значит, с его домашними — я имею в виду его сыновей, дочерей и слуг — и таким количеством глаз наблюдаемая, она была им подозреваема, то чего бы только не выдумали про нее желающие ее оболгать, как не побили бы ее камнями, обвинив в грехе блуда, если бы она забеременела в храме, где жила в полном уединении, где не было людей? А так, видя ее забеременевшей, родившей и кормящей, никто не оказывался во власти неподобающих мыслей, считая Младенца сыном Иосифа, как и ты чуть раньше сказал, ибо только Дева и Иосиф знали тайну.

Обрати внимание и на некоторую другую странность, каких в жизни Девы Марии, в отличие от всех других, было в избытке. В храме было отведено для дев место, на котором не подобало стоять никому из обрученных, потому что для тех было определено другое место, но первосвященник, движимый божественным Духом, взял после обручения Деву Марию и поставил ее с девами, хотя из-за этого необузданность ваших отцов, каждый раз противящихся божественному Духу, и их всегдашняя склонность к убийствам сделали Захарию жертвой убийства (*ср. Мф. 23, 35*).

Так все промыслительно содействовало лучшему совершению этого таинства — мы ведь знаем, что так это надо называть, — т. е. промыслу воплощения. Справедливо потому рассмотреть теперь и на много лет ранее увиденное пророками в символах и так или иначе таинственно, языком загадок о ней сказанное.

Так, боговидец Моисей видел на Синайской горе купину, всю объятую огнем, казалось, горевшую, но никакого ущерба от огня не претерпевавшую (*Исх. 3, 2*). Находясь поблизости и старательно разглядывая видение, Моисей услышал божественный голос, звучащий в воздухе, "Сними, — говорящий, — обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, есть земля святая" (*ср. Исх. 3, 5*). Почему же земля, по которой все ступают, могла оказаться святой? И как огонь, все пожирающий, не разрушил столь слабую и легко загорающуюся вещь, как купина? Что об этом можно сказать? И то и другое достойно немалого изумления, если только, конечно, кто-нибудь не скажет, что земля была свята по причине того невероятного, что на ней произошло, а купина была прообразом чистой Девы, принявшей огонь божества и оставшейся им несожженной.

А что из-за чуда и место бывает и называется святым, ясно из того, что архистратиг Михаил позже сказал Иисусу Навину в Иерихоне, Точно ведь то же самое сказал ему тогда ангел, что и Моисею на Синае, т. е.: "Сними обувь твою, ибо земля, на которой ты стоишь, свята есть" (*ср. Ис. Нав. 5, 15*). Поскольку же земля принадлежала иноплеменникам, можно и удивиться: справедливо ли им

принадлежащей так называться? Но дело в том, что кивот, бывший прообразом Пречистой Марии, будучи свят, передавал это качество и тому месту. Вот то, что касается божественного Моисея.

Рассмотрим же и сказанное Аввакумом. "Бог, — говорит он, — из Фемана придет, и Святой из горы тенистой чащи. Покрыла небеса добродетель Его, и разума Его исполнилась земля" (*Авв. 3, 3*). "Бог от Фемана придет" — значит придет со светом своей божественности. "И Святой" указывает на человека, которого воспринял Христос. "Из горы тенистой чащи" — так он называет Приснодеву Марию: она "гора" как возвышающаяся над всеми, несравненно превосходящая всех причастных рождающей природе, за исключением у нее неизреченно родившегося во плоти; и потому что от этой горы был камень — Христос (*ср. Кор. 10, 4*), прообразом которого был камень, напоивший ваших отцов в пустыне (*ср. Ис. 77. 15—16*): как тот досыта всем дал напиться, так и этот мысленный камень всем щедро и изобильно сообщил божественное слово. "Тенистая же роща" сказано, чтобы дать почувствовать прикровенность и плохую различимость, т. е. указать на трудную постижимость нового образа рождения. "Покрыла небеса добродетель Его" — пророк сказал здесь не о чувствами воспринимаемых небесах, но небом назвал небесные силы, чтобы тем самым показать, что Тот, Кого родит Дева, несравненно превзойдет ангелов и всех всяческой добродетелью.

Не плотской природой, имеется в виду, превзойдет Он ангелов, ибо в этом отношении Он уступает им. На это и Давид намекает словами: "Умалил Его малым чем перед ангелами", т. е. плотской природой; но за добродетель вславою и честью, — говорит, — увенчал Ты Его" (*Пс. 8, 6*) — за претерпение смерти. Ведь после Его смерти и воскресения Отец увенчал Его честью и славой как некоей наградой за низвержение губителя всех, дьявола. После этого он добавляет: "Все покорил Ты под ноги Его" (*Пс. 8, 7*). Сказав "все", он ничего из сущего не оставил за пределами подчиненности Ему — и имею в виду ангелов, людей и всякую тварь. С этим согласуются ведь и слова божественного Моисея: "Да поклонятся Ему все ангелы Божий" (*Евр. 1, 6: ср. Пс. 96, 7*)

А почему Сын Девы не только превзошел, но и "покрыл" добродетелью ангельскую природу, ясно из того, о чем мы, если ты помнишь, говорили. Надеюсь, ты помнишь наш разговор о том, что ни один человек от века не способен воспринять все дарования Святого Духа, за исключением Господнего человека. Ибо один человек получает одно из дарований, другой другое, превзошедший же природу и пределы объяснимого Человек, воспринятый Сыном Божиим, получил все дары Святого Духа, все благодати.

Ведь как железо, по природе холодное и черное, встречаясь с огнем, разогревается и делается светящимся и горячим настолько, что к нему нельзя прикоснуться, так и сверхприродный Человек, объединившись с божественностью, получил от нее ее качества. Так что справедливо и Давид сказал, что все будет положено покорным под ноги Его, и Аввакум, что добродетель Его покроет небеса и разума Его исполнится земля. Разум ни одного из существ, причастных рождающей природе, не наполнил вселенную, за исключением Христова. Одними и теми же словами Аввакум проповедал то, что Он будет одновременно Богом и человеком, и предсказал совершенную святость той, которая родит Его во плоти, и необъяснимость и непостижимость происшедшего с ней таинства, называя ее "горой тенистой чащи".

Обратимся, если хочешь, еще к одному пророку, Даниилу, "мужу желаний" (*Дан. 9, 23*). Вот что он говорит в третьем из своих видений, разъясняя сон царя Навуходоносора: "Ты, царь, видел: и вот, истукан какой-то, большой это истукан, и вид его подавляющ, он стоял пред лицом твоим, и видение его было страшно, — истукан, голова которого была из чистого золота" (*Дан. 2, 31—32*). Описав дальше и другие особенности его облика, он продолжает:

"Ты видел его, пока не оторвался без содействия руки камень, и не ударил истукана в железные и глиняные ноги его, и не разбил их до конца. Тогда сразу разбились глина, железо, медь, серебро и золото и стали подобными мякине на летнем гумне, и сильный ветер унес их, и следа от них не осталось. А камень, разбивший истукана, сделался великой горой и наполнил собою всю землю. Это сон. Скажем же царю и значение его" (*Дан. 2. 34—36*).

Растолковав далее, символом чего была каждая из частей истукана, что она означала и какому из царств соответствовало серебро, какому золото, какому медь, железо и прочее, он говорит: "Бог небесный воздвигнет царство, которое веки не разрушится, и царство Его не достанется другим людям. и оно разрушит и развеет все царства, само же будет стоять веки. Тем, что ты видел, как без содействия рук от горы оторвался камень и разрушил глину, железо, медь, серебро и золото, Бог великий дал царю знать, что должно быть после сего. И истинен сон, и верно истолкование его" (*Дан. 2, 44—45*).

Я думаю, ничто не нуждается здесь в растолковании И разъяснении, да и никто не сделал бы это более ясным, ибо смысл высказывания достаточно ясен и неприкрыт сам по себе. Ведь словами: "Бог небесный воздвигнет царство, которое веки не разрушится" — ясным образом показывается, и что начало получит такое царство, каким является царство Христово, и что оно будет бесконечным. Начало оно получило, когда Он родился, а еще более, когда, будучи распят, воскрес и прославленным взошел на небеса; конца же у него никогда не будет как у сверхмирного и божественного. Это ведь, как мы сказали, и означают у пророка слова "воздвигнет" и "веки не разрушится". А словами "разрушит и развеет все царства, само же будет стоять веки" он указал на его силу и непобедимость, ибо гордые и чванливые мирские царства Он покорил игу Своего бесконечного царствия.

Последующие слова еще яснее предшествующих, ибо яснейшим образом указывают на рождение Христа Девой: "Тем же образом, каким, ты видел, — говорит он, — без содействия рук от горы оторвался камень и разрушил глину, железо, золото, медь, серебро", и оторвавшийся без содействия рук от горы камень сделался великой горой и поразил всю землю. Этим он прямо говорит, что, как без содействия рук оторвавшийся от горы камень это сделал, так и родившийся от Девы без семени — это ведь означают слова в без содействия рук" — подчинит Себе всю вселенную, что и можно легко увидеть по самой действительности, поскольку весь подсолнечный мир, взяв божественный крест, шествует путем божественных заповедей и поучений.

Обрати внимание на то, как часто пророки, провидя создание Церкви и проповедь Слова Божия, называют Христа "камнем". Так, Аввакум сказал, что Он придет с горы. Даниил более определенно говорит о камне, оторвавшемся от горы без содействия рук, А еще яснее Исайя, говорящий: "Вот, я кладу в основание Сиона камень многоценный, избранный, краеугольный, драгоценный, в основание его, и верующий в Него не постыдится" (*Ис. 28, 36*).

То, на что Аввакум указывает словом "придет", а Даниил словом "воздвигнет", а именно, что со временем начнется Его царство, Даниил представляет указательным словом "вот". А говоря "кладу камень в основание Сиона", он хочет сказать, что, поскольку ни одно здание не может без основания стоять твердо и непоколебимо, и Снон — т. е. Церковь — не устоит, если в его основание не будет положен все превосходящий ценою камень, Христос. А что камень означает у пророка Христа, а не какой-то из валяющихся на земле камней, ибо это неразумно, ясно из самого дальнейшего, ибо он сказал: "верующий в Него не постыдится".

Если верующий не постыдится, не ясно ли, что претерпит неверующий? Известно что — что и отцы ваши претерпели, не только встать на этот камень и утвердиться на нем не захотевшие, но и всячески его отвергнувшие и

возненавидевшие. Потому-то и посрамялись они. И еще больше будут посрамялены,

когда, по пророку, познают высокую мышцу Господню (*ср. Ис. 26, 11*).

Об этом же камне говорит и Давид: "Камень, которым пренебрегли строители, тот оказался во главе угла, и это удивительно в глазах ваших" (*Пс. 117, 22—23*). Говоря это, он имел в виду, что, как угол связывает две стены, так и камень, признанный жиждущими церковь иудеями недостойным, т. е. Христос, будучи положен Богом в основание Сиона, сочетал Ветхий и Новый заветы (*ср. Ефес. 2, 14*) и прекратил неистовую враждебность верхнего и нижнего миров — враждебность со стороны вышних сил к людям из-за того, что вместо нетленного и бессмертного Бога они восславили глухие идолы, гадов и четвероногих, и сотворил единый Град, небесный и земной, что и кажется удивительным непокорившимся иудеям, за что они и будут, сказал он, посрамялены (*ср. Пс. 96, 7*). Перейдем к Иезекиилю.

"Обратил меня, — говорит он, — Господь на дуть к воротам святых внешним, глядящим на восток, и они были заперты. И сказал мне Господь: ворота эти заперты будут, не откроются, и никто не пройдет ими, потому что Господь Бог Израилев войдет ими, и будут заперты, потому что Старейшина этот сядет в них есть хлеб. По пути Элама в ворота Он войдет и по пути его выйдет. И ввел меня по пути к воротам святых, что к северу, напротив дома, и я глядел; и вот, наполнился славой дом Господень" (*Иез. 44, 1—4*).

Обрати, Ксен, внимание, что все эти изречения, хоть и различны, по смыслу весьма друг с другом согласуются. Полагаю, что изречения получились разными не без божественного участия. Ведь если бы они совпадали и смыслом и словами, это вводило бы в немалый соблазн сомневающимся: им казалось бы, что пророки писали, сговорившись. Рассмотрим, однако же, что говорит Иезекииль.

"Обратил меня Господь на путь к воротам святых внешним, глядящим на восток, и они были заперты. И сказал мне Господь: ворота эти заперты будут, не откроются, и никто не пройдет ими". По поверхностному, наружному смыслу слов кажется, что пророк говорит о воротах храма. Но найдется ли кто-нибудь столь невежественный и необразованный, чтобы подумать, что действительно о них он говорит? Я думаю, не найдется, потому что ворота эти каждый день открывались и закрывались, и не только ими, но всеми все входили и выходили. О каких воротах он говорит, ясно из его дальнейших слов: "Потому что Господь Бог Израилев войдет ими, и будут заперты". Так что он сказал это о неизреченном входе в Святую Деву и выходе Сына Божия. Потому-то он и выразился: "будут заперты" и "Старейшина этот сядет в них есть хлеб", — как о "Старейшине" говоря о Том, Кого выше назвал Господом и Богом Израилевым. Выражение "есть хлеб" он употребил вместо слов "будет истинным человеком" потому, что это человеческое дело есть хлеб. А "по пути Элама в ворота Он войдет и по пути его выйдет" означает, что, как зачат Он будет в сущей Деве, так и рожден будет пребывающей Девой.

Затем он говорит: "Ввел меня Господь по пути ворот, что к северу, и я глядел; и вот, наполнился славой дом Господень". Почему он говорит об одном и том же пути, но о разных воротах? Это ясно: потому что одна и та же. Девой будучи, зачала и, Девой будучи, родила. А различие объясняется тем, что вход в нее был без плоти, выходец же из нее отличался — был с плотью. Если кому-то захочется заняться неуместными разысканиями, каким образом это могло произойти, то пусть тот знает, что это превосходит разумение всех вообще ангелов и людей.

Существует и много других ясных предсказаний воплощения и неизреченного рождения Богочеловека-Слова от Девы, но, уклоняясь от труда все подробно излагать, я не стану все разыскивать и собирать, а вспомню лишь то, что уместно.

Иаков, уйдя от клятвенного колодца и идя в Харрар, улегшись спать, увидел во сне лестницу, опирающуюся на землю, "вершина же ее достигала до неба, и ангелы Божий восходили и нисходили по ней. Господь же стоял на ней и сказал: Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака, не бойся" (*Быт. 28, 12—13*) — и прочее. Затем "встал, — говорится, — Иаков от сна и сказал: есть Господь на этом месте, а я и не звал. И убоился, и сказал: как страшно место это; и не место это, а дом Божий и сами ворота небесные" (*Быт. 28. 16—17*).

Обрати внимание, что то, как Иаков сказал здесь о лестнице, на которой стоял Господь, согласуется со словами Иезекииля. Ведь что тот, имея в виду Деву, назвал воротами храма, Иаков назвал воротами небесными. Воспользовавшись этой названной воротами лестницей. Сын и Слово Божие соединился с человеческой природой.

Однако же одно за одним, отвлекая наше внимание, увело нас далеко от слов Исаяи. Так что пора нам вновь к ним возвратиться. Слова: "Вот, Дева во чреве зачнет и родит сына, и нарекут имя ему Эммануил" (*Ис. 7, 14*), что значит "С нами Бог", сколько было возможно, мы разъяснили. Посмотрим, что он говорит дальше.

"Коровье масло и мед съест; прежде чем начнет разуметь или изберет злое, изберет доброе; потому что прежде, нежели Ребенок сможет отличать добро от зла, он отвергнет злое и изберет доброе" (*Ис. 7, 15—16*). Сказанное ранее указывает, как можно понять, на истинного Бога, который должен родиться у Девы, а эти слова представляют Его истинным человеком, а не кажущимся, как безумно полагают некоторые из еретиков. Ведь слова "коровье масло и мед съест" свидетельствуют, что поистине Он воспримет плоть, ибо в такой пище ни Бог, ни кто-либо, только кажущийся человеком, не нуждается, и доказывают, что Он поистине был причастником нашей материальной плоти. Таким образом ясно, что Исаяя предсказывает рождение у Девы в равной степени Бога и человека.

"Прежде чем начнет разуметь или изберет злое, изберет доброе; потому что прежде, нежели ребенок сможет отличать добро от зла, он отвергнет злое и изберет доброе". Вдумайся, Ксен, в смысл этих слов. Все потомки Адама имеют ведь то, чем он был наделен от Бога, — свободу воли, свойство одного из Божьих образов в человеке. Обладая ею, они имеют возможность выбора. Это предполагает, что, имея перед собой несколько возможностей — их может быть много или, на худой конец, две, человек способен избрать из них какую-то одну. Скажем, во власти кого-то выбрать целомудрие или блуд, и по необходимости должно быть избрано что-то одно, а другое отвергнуто, ибо разом то и то невозможно. Если, допустим, он изберет целомудрие, ясно, что он изберет доброе, если же блуд — злое. что по падении, т. е. согрешении, Адама и передалось его потомкам. Бог же сотворил его без греха. А Христос, восприняв Адамову природу такой, какую она была до греха, по необходимости воспринял ее без греха.

Ксен: Похоже, ты решил говорить со мною загадками, царь. Как это возможно, сначала говорить об одной и той же природе, свойственной Адаму и воспринятой Христом, и стараться доказать, что у обоих она была одна, а затем, как бы деля ее пополам, утверждать, что у Адама она была грешной, а у другого безгрешной, — конечно же, у Христа?

Император: Ты верно заметил, что это парадоксально и необыкновенно. Однако же это не полные небылиц выдумки, как ты подозреваешь, но нечто высокое и божественное. Ты легко поймешь, что ничто не мешает единой у Адама и у Христа природе у одного быть грешной, а у другого безгрешной, и сомнений у тебя не останется.

Вообрази, что существуют два человека: один больной, а другой здоровый, и притом искусный врач, способный вернуть больному здоровье. Можно ли

сказать, что у них разные природы оттого, что один прикован к постели, а другой здравствует, ходит и должен исцелить одержимого недугом? Это никак невозможно. Одна ведь и та же у обоих природа, хотя по своим свойствам она сделалась у них весьма различной. Так что, вые сомнений, той же должна была бы быть. Адамовой, природа, которую воспринял Христос. И этому ничуть не противоречит то, что один склонился к злему, а другой пребыл совершенно несклонным и непреклонным ко греху. Не природой ведь согрешил Адам, а своим выбором. Соответственно не природа его подверглась осуждению, а тело и согрешившая способность выбора. Прикоснувшееся к запретному дереву и оттого заболевшее тело было осуждено на распад и смерть, а бессмертная природа таковой и осталась, хотя тело сделалось подверженным тлению.

Потому-то мой Бог Христос и умилился, не стерпев, глядя, как Его творение мучается, и воспринял природу лежавшего мертвым Адама, — не грех его ни в коем случае! — как бы наклонившись по доброй воле к падшему, как то делает всякий, кто, стоя на ногах, желает помочь встать кому-то лежащему, и поднял его, лежавшего после того ужаснейшего падения, и освободил от смерти и тления. Так что не согрешившую, как сказано, но по причине преступления падшую природу Адама воспринял Христос, причастившись не связанному с ослушанием греху, а в высшей степени человеколюбиво — осуждению за него. в чем оче-виднейшим образом сбылось сказанное Давидом:

"Тогда отдал, чего не похищал" (*Пс. 68. 5*).

Ясно, что согрешивший Адам был осужден не беспричинно. Я же, не прикоснувшись ни к какому греху, получил такое же осуждение, т. е. смерть и тление. Тому, однако же, смерть была дана для пресечения греха, чтобы зло не стало бессмертным. А Христос, сойдя по причине смерти в ад, не только не был там, как иные, удержан, но и божественной державной рукой ниспроверг все его твердыни. опустошил все его владения, освободил узников из жестоких уз, предоставил им возможность ходить и дал власть связать прежде их связавшего. Это как раз и есть то, о чем в книге Иова говорится: "Увидев тебя, устрашились привратники ада" (*Иов 38, 17*), т. е. бесы, и у Давида: "Сойдя, Ты взял в плен пленных" (*Пс. 68, 19*), т. е. удерживаемые адской рукой святые души.

Так что Христос, как выясняется, не был подвержен последствиям праотеческого греха, почему и стал причастником его безгрешной природы. "Будучи поносим", сказано ведь, "Он не отвечал поношением", "и не было лукавства", т. е. греха, "в устах Его" (*Ис. 53. 9*).

Я полагаю, будет хорошо, если я стану иллюстрировать тебе каждую мысль каким-нибудь образом.

Давай представим себе царя, который превзошел всех мудростью и могуществом и доверил одному из своих любимых слуг город с многочисленным населением, изобилующий множеством благ, и точно определил приказами, словно некими границами, поведение слуги, и предоставил ему право доступа без помех ко всему, и дал возможность свободно распоряжаться и пользоваться всем, за исключением одного только дома, который сам господин тщательнейшим образом оградил, чтобы никак нельзя было его открыть и обнаружить находящееся там. Вообрази себе и некоего врага, наделенного какою-то честью. — человека, подобного многим, злоумышляющим против благоденствия других, из зависти задумывающим все самое враждебное и, надев маску друга, исполняющим, — каковой, явившись к слуге, сказал: "Почему это все находится в твоей власти, и только в этот домишко нет тебе входа? Разве ты не знаешь, что царь из зависти запретил тебе туда входить? Потому что стоит тебе сломать замки и войти туда, как ты уже не сможешь считать себя благополучным: такие найдешь ты там сокровища". Тот же, по неразумию ему доверившись, последовал пагубному совету, что и оказалось причиной десятков тысяч бед, ибо из замечательного города он был изгнан и столкнулся затем с десятком тысяч трудностей, первую и тяжелейшую из которых он испытал от того, кто подал ему

пагубный совет, ибо тот, увидев его лишенным попечения и благорасположения владыки, заковал в цепи его тело и вверх его в темную и мрачную тюрьму со всем его родом.

Но не окончательно кротчайший владыка разгневался и, дав согрешившему немного помучиться, чтобы впредь был умней, изобретательно постарался потом выручить его из беды. Для этого он сошел со своих царских высот, надел на себя одежду заключенного в тюрьму раба и, уподобившись тому по облику, пришел туда, где обитал тот злой мучитель. А тот, решив, что перед ним человек одного с заключенным рода, будучи обманут убожеством его вида, не узнал скрывающегося под этими убогими одеждami царя и все привел в движение, все хитрости пустил в ход, чтобы и его заточить в этом темном и мрачном месте, чего и добился. Таким образом, по своей доброй воле царь подвергся заточению, промышляя о свободе своего слуги, но не в качестве арестованного за нарушение приказа.

Он был заточен, как говорится, да не связан, ибо никак злодей его не осилил, даже пустив в ход все свое войско. Вошедший же все сокрушил — и ворота, и стражников, и, расторгнув согрешившему слуге оковы, тут же освободил его со всем его домом от этого бесчеловечного и жесточайшего мучения. Он проявил такое человеколюбие, что не только даровал этому неразумно поступившему человеку прежнее положение и связанные с ним блага, но и предоставил ему место рядом с собой, так что все подданные, кланяясь одному, вынуждены были кланяться и другому.

Нечто подобное разумеи и применительно к Спасу нашему Иисусу Христу. Ведь когда наш праотец Адам, как повествует божественный Моисей, преступил божественную заповедь и невоздержанием погубил божественные дары — я имею в виду бессмертие и нетление — и, будучи подвергнут божественному проклятию, возвратился в землю, из которой был взят (*см. Быт. 3, 19*), Создатель не дал ему окончательно уничтожиться, по, некоторое небольшое время попустив ему потерпеть наказание за согрешение, почувствовал жалость и затем спас его, преклонив — о чудо! — небеса и приняв плоть, одушевленную Пресвятым Духом и истинной Приснодевой Марией, облекшись во всю Адамову природу, оставаясь при этом "непреложно" и "неизменно" Богом, каким Он и был.

То, однако же, ради чего я не поленился снова это тебе напомнить, это — что страстная часть души Адама была двоякой: с одной стороны, по причине греха, порочной, а с другой, имеющей отношение к телу, безупречной. Так что свобода его воли и возможность выбора послужили ошибке, ио никак не природа. А Христос, восприняв все свойственное Адаму, за исключением страстей и греха — потому что где свет, там нет тьмы, — безукоризненно причастившись нашей плоти, свято и праведно использовал возможность выбора и свободу воли, о чем и было сказано всеми божественными пророками, в том числе и Исайей богопроповедником: "Коровье масло, — сказал ведь он, — и мед съест; прежде чем начнет разуметь или избрет злое, избрет доброе; потому что прежде, нежели Ребенок сможет отличать добро от зла, он отвергнет злое и избрет доброе" (*Ис. 7, 15—16*).

Видишь, что все пророки единогласно воспевают божественное пришествие Спасителя? Как бы мог свободный от греха — ведь не было", как сказал божественный пророк, "лукавства в устах Его" (*Ис. 53, 9*), — быть виновным в грехе преступника? Будучи, стадо быть, совершенным человеком. Сын и Слово Божие по необходимости стал участником сопутствующих плоти непорочных страстей, как то потребность есть, пить и, конечно же, спать и прочего, что требуется нашему телу для поддержания существования, по человеколюбию же принял на себя и Адамово осуждение, т. е. смерть и тление, о чем и Давид, как мы незадолго до этого сказали, провозвестил: "Тогда отдал, чего не похищал" (*Пс. 68, 5*). Будучи в совершенстве человеком, всему этому Он был подвержен.

А как Бог Он многое делал подобающее Его божественности по праву господина — не как прежде святые чужой, Божьей, силой: ведь Он собственной силой отпускал приходившим к Нему людям грехи, чего никто прежде Него делать не мог, глядя на что, ваши отпы не только не понимали Его, но и зубы на Него точили (*см. Деян. 7, 54*), будучи охвачены яростью, неизмеримо превзойдя неразумием даже дьявола. Ведь тот, будучи изгоняем Истиной, Богом Его признал, воззав: "Что мне и Тебе, Иисусе, Сыне Божий? Ты пришел прежде времени мучить нас" (*ср. Мф. 8, 29; Мр. 5, 7*), — а они Благодетеля и Спасителя мира и Освободителя их душ не признали и предали смерти. Однако же Сын Божий, пожелав спасти согрешившего, упразднить наказание и отпустить должников, стал человеком и Сам Себя предал на смерть исключительно добровольно, о чем Он Сам говорил: "Имею власть положить душу Мою и власть имею опять ее принять" (*ср. Ин. 10, 18*)', и о том же свидетельствовал и Давид, говоря: *Как человек беспомощный, среди мертвых свободный" (*7с. 87. 5—6*), разумея под "свободным" безгрешного; а безгрешному разве справедливо быть причисленным к мертвым?

И бесстрашный по божественности, Он добровольно пострадал плотью, и Податель жизни и Царь славы (*ср. Пс. 23, 7*), Он умер бесчестной смертью как человек. А сойдя в ад, Он изгнал тамошних привратников, охваченных страхом и ужасом, о чем и Иов сказал: "Привратники адские, увидев Тебя, убоялись" (*Иов 38. 17*), оковы адские сокрушил, покончил с многолетней тиранией ада и отдал ад для поругания и забав потомкам Адама, в чем сбылось и то, о чем Давид говорил словами: "Взошел Ты на высоту — на крест, это ясно — "и пленил пленных" (*Пс. 67, 19*), т. е. освободил удерживавшиеся рукою ада души.

Самого же прародителя нашего Адама Он восстановил в прежнем благоденствии и блаженстве, т. е. в раю, а природу его вместе с пресвятым и божественным облачением, воспринятым Им от пречистой и божественной крови Приснодевы Марии, Он посадил по правую руку от Отческого престола, сделав ее равнопрестольной и сопоклоняемой разом со Святой Троицей при поклонении ей ангелов и людей, украсив ее всеми достоинствами божественности, в чем сбылись слова Моисея и Давида: "Да поклонятся Ему все ангелы Божии" (*ср. Пс. 96, 7*).

Если же ты хочешь совсем хорошо это увидеть, вспомни пример с земным царем, о котором мы говорили чуть раньше, и ты найдешь, что во всем совершенно схож с этим промысел Сына Божия и Слова. Дальше в ходе разговора ты поймешь это лучше.

Что же касается пресвятой Его Матери, то надо Принять во внимание, что как дочь Адама она была подвержена последствиям его греха, ибо раз навсегда уничтоживший их Христос еще не был распят; однако сама она не грешила, наподобие человека, по природе способного заболеть, благодаря же равенству в нем соков не заболевшему. А возможность грешить она имела, ибо "в беззакониях", сказано, "я зачат, и во грехах родила меня мать моя" (*Пс. 50. 7*), но на деле никогда ни душой, ни телом она не грешила по избыливающей в ней добродетели. Ведь она была избрана из всех родов, от создания мира сущих, и после нее бывших, и имеющих быть, как сосуд, предназначенный принять мысленное божественное миро, благоухающий всем ангелам и людям, поэтому ни одна из враждебных сил напасть на нее не смела. Как Вавилонская печь тех, кто был внутри нее, орошала и освежала, стоявших же вокруг врагов пожигала, так и осенившая ее свыше божественная сила укрепляла и освящала ее и делала способной выносить во чреве, когда придет время, Спасителя, всякую враждебную силу отгоняя и до зачатия, и после зачатия, и будет пребывать на ней во веки веков. Так что Христос безгрешен по природе, а она — по благодати.

Тем самым разрешается и то недоумение, которое у тебя возникло в нашем разговоре ранее, а именно, отчего Христос, став благодаря Своей Матери причастником падшей природы Адама, не оказался и Сам по необходимости

падшим, но стоит и способен ставить на ноги падших. Если тебе еще что-то кажется сомнительным, скажи.

Ксен: Ты очень хорошо, в высшей степени ясно мне это растолковал.

Император: Тогда давай опять вернемся к Исайте. Сказав сначала: "Галилея языческих народов, люди, ходящие во тьме, увидели свет великий; живущие в стране и тени смерти, свет воссияет на вас" (*Ис. 9, 1—2*), он затем, чтобы показать виновника света, который должен воссиять народам, говорит: "Потому что Ребенок родился вам. Сын, и был дан вам, власть Которого на плече Его. И называется имя Его Великого Совета Ангел, Советник Дивный, Бог Сильный, Властелин, Князь Покоя, Отец Будущего Века. Ниспощлю мир на князей и здоровье Ему. И велика власть Его, и миру Его нет предела" (*Ис. 9, 6—7*).

Смотри-ка, на какое количество и каких указал он этими словами боговдохновенных и исполненных чудесами событий. Ведь довольно ясно объявляет он об имеющей прийти для народов радости и указывает и на ее виновника, и на образ Его пришествия, — что Он с истинной, а не с призрачной придет плотью. "Ребенок, — сказал ведь он, — родился вам. Сын, и был дан вам". Обрати внимание и на то, какими именами он Его прославляет, что он не оставил при этом ни одной гиперболы, какими характеризуется исключительно Бог.

"Галилея, — говорит он, — языческих народов, люди, ходящие во тьме, увидели свет великий" и "живущие в стране и тени смерти, свет воссияет на вас" (*Ис. 9, 1—2*), т. е. люди, пребывающие в Галилее, сидящие в темной и мрачной стране неразумия, т. е. скованные и словно спящие и от безумия устремленности к добру не имеющие — это означает ведь "сидящие", знайте, что великий свет богопознания просияет на вас, потому что к вам придет и научит вас Слово Божие. Делая далее более ясной причину радости, он говорит; "Потому что Ребенок родился вам. Сын, и был дан вам", — тем самым показывая, как мы сказали, что Податель света и Проповедник радости и воскресения должен прийти в настоящей плоти, а не в воображаемой, как безрассудные манихеи болтают. То же самое он показал немного раньше словами, что он съест масло и мед (*Ис. 7, 15*).

Говоря "власть Которого родилась на плече Его", пророк нам указывает на две вещи: что власть для Него естественна, не перешла к Нему от другого, как это бывает у людей, но предвечна и вечна; и что класть Его и слава, т. е. крест, — на плече Его-Ведь когда распявшие Его осудили Его вместе с многими другими на смерть, изобретенную и применявшуюся для поругания тогдашних грешников, то крест, к которому Он должен был быть пригвожден, Его заставили взять на плечо и идти с ним к Лобному месту (*Ин. 19, 17*). Заговорив об этом, рассмотрим нечто малое из многого и о божественном кресте.

Знай, что сила этого божественного дерева подействовала и просияла не лишь после распятия Христова, но и задолго до того проявлялась она многократно, равно как и другие таинства прово-ображались. Так патриарх Иаков, чтобы благословить детей своего сына Иосифа, т. е. Ефрема и Манассию, возложил на них руки, скрестив их (*ср. Быт. 48, 14*), что было прямым преобразованием божественной силы креста. И когда присутствовавший при этом знамении Иосиф попробовал переложить его руки, он не захотел и сказал: "Знаю, дитя, знаю" (*Быт. 48, 19*). т. е.: "Ты думаешь, я ошибаюсь и делаю это не так, как надо, но это неверно, ибо я отдаю себе отчет в том, как Я это делаю". Так вот.

А что можно сказать о Моисее, который, убегая со множеством евреев от египтян, сначала простер руку вперед и разделил Чермное море, и они его перешли, а затем, обернувшись, простер руку в обратную сторону и его соединил, тем самым потопив фараона (*ср. Исх. 14, 21—27*)? А превращение жезла (*см. Исх. 4, 2—4, 9—12*) разве не было тоже ясным преобразованием креста? А то, что даже колесницы и кони полностью погрузились, и противники,

их преследовавшие, утонули, не было ли прообразом победы креста над мысленным фараоном, дьяволом, и его совершенного низвержения? А Моисеем же брошенное в Мерру дерево, сделавшее горькую воду сладкой и пригодной для питья (ср. *Исх. 15. 25*), не было ли явным знаменем сладости, доставленной миру крестным древом? А то затем, что, простирая руки, Моисей побеждал Амалика, разве не было яснейшим предначертанием образа божественного креста и его силы? Ведь когда он поднимал руки, простирая их к Богу, Амалик, побеждаемый, бежал, а когда от усталости иногда опускал их, происходило обратное, и евреи начинали терпеть поражение, преследователи обращались в бегство, и бежавшие от них, вдруг обретая силу, возвращались. Уразумев, насколько помогает то, что он, воздев, простирает руки, Моисей поставил по сторонам двух человек поддерживать их — и одержал при помощи этого божественного знака креста полную победу над Амаликом (ср. *Исх. 17, 11—16*).

Если надо еще говорить об этом, то давай рассмотрим и кое-что из того, что у вас издавна и доныне практикуется. О приносимом вами каждый год в жертву ягненку, которого вы подвешиваете за голову к одному дереву, а на другом обрубе растягиваете в стороны его ноги, что можно сказать, как не то, что обрубки дерева — это образ креста, а ягненок — Христа?

А кроме того, Моисей повелел вам во время одного из праздников, который вы называете праздником кущей (ср. *Втор. 16, 16; 31, 10*), брать ветви трех вечнозеленых деревьев, связывать их крестообразно червленой шерстью и начертывать с четырех сторон некие знаки — что же это такое, как не прообраз и прототип божественного креста? Не без смысла ведь даны установления Закона, но каждое из них имеет свою причину и является прообразом другого, большего, что и в данном случае можно, рассмотрев, понять. Соединение ветвей трех вечнозеленых деревьев было ведь преобразованием креста, составленного как раз из таких трех деревьев; а их багрового цвета связь была прообразом крови богочеловеческого Слова.

Смотри же, до чего ясно соответствуют этому слова Исаяи: "Сосной, кедром и кипарисом прослаблю место святое Мое. {*Ис. 60. 13*}. Из этих ведь деревьев бы сделан крест: одно было поставлено вертикально, другое служило поперечиной, к которой были прибиты растянутые руки Христа, а третье, внизу, — своего рода подставкой для ног, дававшей возможность прибить их гвоздями, почему божественный Давид и сказал: "Вознесите Господа Бога нашего и поклоняйтесь подножию ног Его, потому что оно славно" (*Ис. 98. 5*). Никто ведь не скажет, что пророк Божий назвал подножием ног Его землю, раз в другом месте Писания говорится: "Небо — престол Мой, а земля — подножие ног Моих" (*Ис. 66, 1*), ибо какой может быть найден смысл в том, чтобы пророк повелевал поклоняться земле? Конечно же, он сказал не о ней, а о Дереве, к которому были пригвождены ноги Христа.

Ну вот, я выбрал малое из очень многого, ибо пересказывать теперь и делать предметом рассмотрения все было бы слишком долго. Одно только тебе скажу, все прочее миновав: велика сила божественного креста и постоянно благодаря ему происходят удивительные, вызывающие трепет вещи.

И поразительнее всего то, что орудие мучительнейшей, тяжелейшей и бесчестнейшей из смертей, о чем как-то ты и сам сказал, стало теперь причиной и подателем непрестающей лучшей жизни и всяческой иной благодати — из-за пригвожденной к нему плоти Божьего Слова. Именно это и являло обращение в Мерре горького ручья в сладкий. Что ты об этом думаешь?

Ксен: Поистине все это нечто странное и такого рода, что без чуда ничего из того, о чем я слышу, не объяснить.

Император: Это ты правильно сказал, потому что здесь немало чудесного, сверхъестественного, человеческий ум совершенно превосходящего. Но об этом довольно. Возвратимся туда, откуда ушли. Что означают слова "власть Которого

на плече Его"? Выяснилось, что они указывают на крест, о котором мы говорили. Посмотрим, что следует далее.

"Называется имя его Великого Совета Ангел". Он зовется так потому, что возвестил людям предвечный "совет" Бога Отца. Какой совет? О таинстве Своего божественного воплощения и неизреченного сверхъестественного воскресения, о чем Он ясно возвестил и растолковал всем сущим под небом. И не только Вестником был Он для людей, но также Советником Дивным, Обрати внимание, что пророк сказал не просто "Советник", но присовокупил "Дивный"; потому что всякий человек, советуя, Порой оказывается прекрасным советником, а порой невольно выходит за пределы правильного; дивно же советовать означает никогда не ошибаться относительно наилучшего, во всем достигать истины, а притом и сообщать ее другим, и чтобы ни добавить к тому, что советуется, ни убавить у этого не требовалось.

Если же Иов, добрый человек, когда говорил, то вельможи, т. е. именитые и славные люди, палец прикладывали к своим устам (ср. *Иов 29, 3*), полагая неподобающим ни добавить что-нибудь, ни убавить, удивляясь точности и уместности слов, то насколько, скорее же, неизмеримо лучшим советником должен быть Тот, кто создал этого Иова. А что может быть лучше такого совета, который учит всех уклоняться от худшего и склоняться к лучшему, готовить себя здесь к вечному царству, намного славнейшему мирских царств и пребывающему вечно, и себя на путь к нему направлять?

Обрати внимание также на то, что он не сказал неопределенно "Бог", но — "Бог Сильный", тем самым отличая Его от так называемых и занимающих положение богов. Бывают ведь и из людей благие боги, но ни сильные, ни власти такой, как Он, не имеющие. Чтобы не подумал кто, что речь идет о вроде них рожденном ребенке, но чтобы мыслили о Нем как о Боге истинном, сказав "Бог", он добавил "Сильный", затем присовокупил и "Властелин", чтобы показать Его всесилие и над всею тварью господство и власть.

"Князь Покоя". Разве кто-нибудь из людей был когда-нибудь способен убить в людях всяческую враждебность и установить вместо этого мир, склонить всех заключить друг с другом мирные договоры и убедить их подавлять в себе все зверское и дикое, отдавая предпочтение дружелюбию и человеколюбию? Воистину никто. А родившийся от Девы Бог-Слово уничтожил завесу вражды, будучи Сам соединителем всего небесного и мирского и властелином прочного мира. Об этом при Его божественном Рождестве и силы небесные возглашали как о чем-то сверхъестественном, доставляемом нам как награда от Бога: "Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!" (*Лк. 2, 14*).

"Отец Будущего Века". Кто может быть отцом будущего века, кроме Бога? Никто. Все ведь люди и ангелы появились после возникновения времени. Потому-то мы и не говорим, что Бог был ранее ангелов, чтобы кто-нибудь не подумал, что Он был Прежде них равным образом во времени, поскольку Он существовал ведь до всех веков.

Обрати внимание на то, что пророк своими словами представляет Его и человеком истинным, и Богом истинным. Говоря "Ребенок родился вам, Сын, и был дан вам" (*Ис. 9, 6*) и "масло коровье и мед съест" (*Ис. 7, 15*), он показывает, что Тот будет истинным человеком, а называя Его "Богом Сильным, Властелином, Князем Покоя и Отцом Будущего Века", он являет Его истинным Богом. Потому-то и не сказал он просто "Века", но добавил "Будущего": Отцом Века он назвал Его как Виновника и Творца, "Будущего" же сказал, не имея в виду какой-то определенный будущий век, но чтобы Показать, что наш мир временен, а Его вневременен И надвечен. "Будущего Века" он сказал для нас, людей.

Ведь само время существует и всегда будет для нас существовать как прошедшее, настоящее и будущее — благодаря нашему движению. Ибо мы движемся, т. е.

идет наша жизнь, а век всегда стоит и неподвижен, А поскольку отрезки времени измеряются круговым движением солнца, то период, за который солнце, двигаясь от какой-то точки, вновь в нее возвращается, тоже называется "веком" и "временем": "временем" — по причине упомянутого кругового движения солнца, а "веком" потому, что и это объемлется вечностью. Вечность ведь временна и время вечно, так что о них говорят как о нераздельных и неразлучных. Однако же вечность, говорят, началась раньше солнца. Именно, чтобы представить родившееся от Девы богочеловеческое Слово Творцом и Создателем всего, пророк и называет Его "Отцом Будущего Века".

"Ниспошлю мир на князей и здоровье Ему. Велика власть его, и миру Его нет предела". Он имеет в виду земных царей и могущественных владык, а миром называет единомыслие и согласие в одной вере людей, ранее исповедовавших большое количество верований и заблуждений. Ведь не малым было обладавшее тогда людьми мракобесие, и они настолько разделялись в своих представлениях о Боге, что одни называли Его Солнцем-Аполлоном, другие Луной-Артемидой, третьи еще что-то из тварей обожествляли, выдумывая и рассказывая о них всякие невероятные и довольно скверные истории. А менее образованные чтили и почитали и волов, и овец, и некоторых пресмыкающихся, и птиц, безумно воздавая твари большую, нежели Творцу, честь и принося в жертву демонам детей (см. Пс. 105, 37). Пока богочеловеческое Слово от Девы Марии не родилось, это безумное и в высшей степени бессмысленное явление какое-то место имело, но оно стало неуместным и исчезло благодаря Его страданию, смерти и воскресению из мертвых, поскольку обман и всякая морока были изгнаны, и над всем восторжествовало истинное богоразумие, и до самых окраин земли посеянное поклонение распятому во плоти Богу принесло зрелый плод веры в единого истинного Бога и согласия. И что же может быть больше и божественнее того, что вся вселенная как бы некими единым языком и устами выражает свое благоговение единой всеильной Троице в Отце, Сыне и Святом Духе? Хоть некоторые из земных владык и воюют друг с другом, это нисколько сказанному не противоречит, ибо их толкают на это любовь к богатствам и пагуба лихоимства. А вера в Святую Троицу пребывает совершенно непоколебимой, вечной и твердой; и это и есть смысл слов "ниспошлю мир на князей и здоровье Ему". Имеется в виду, значит, не такой мир, который то есть, то его нет, подобно тому как тело иногда бывает здоровым, а иногда болеет, но такой, который неуклонно вовеки пребывает, и более сильного, чем Он, ничего не будет.

Что именно это он хочет сказать, ясно из того, что обы к этому добавляет: "Велика власть Его, и миру Его нет предела", — что невозможно сказать ни о ком из людей, за исключением родившегося у Приснодевы Ребенка, — что бесконечен мир Его; я говорю о Богочеловеке-Слове.

Заметь также, что пророк не только провозвестил необыкновенное рождение Сына и Слова Божия, но и место Рождества сделал по многим признакам узнаваемым. Опять-таки говорил Давид: "Помяни, Господи, Давида и всю кротость его, ибо он кланялся Господу, обещая Богу Иакова: не войду я в жилище дома моего, не взойду на одр постели моей, не дам сна очам моим и веждам моим дремания, и покой вискам моим, пока не обрету место Господу, жилище Богу Иакова" (Пс. 131, 1—5). После этого он говорит: "Вот, слышали мы, что Он в Ефрафе, нашли Его в полях дубравных, вошли в жилища Его, поклонились на месте, где стояли ноги Его" (Пс. 131. 6—7).

Видишь: у пророка возникло настолько сильное желание узнать и место Рождества, что он всем пренебрег и клятвенно обещал не входить в свой дом, не давать покоя своим очам и никаким покоем вовсе не наслаждаться, пока он не узнает и место Рождества Христова, и жилище Бога Иакова. И это трояко понимается прилежными людьми. Во-первых, жилищем Божиим называется плоть, которую Он воспринял от девической крови Матери, полностью соединив ее со Своей ипостасью и сделав ее местом Своего вечного пребывания, от которого Он не отлучается.

Также святым Его жилищем называется Его Пресвятая Мать, в утробу которой Он ипостасно вселился на девять месяцев, которую и по Рождестве не оставила благодать божественного Пресвятого Духа, осенившая ее прежде зачатия и вложившая в нее силу, давшую ей способность выносить ипостась Бога-Слова, но также всегда с ней пребывающая и имеющая пребывать вовеки. Потому-то тот же Давид в другом псалме говорит: "Свят храм Твой, дивен в правде" (Пс. 64. 5—6).

Согласно еще одному толкованию, жилищем Бо-жиим называется дом Ефрафов и город Давидов Вифлеем, где Он родился, о котором тот же Давид говорит: "Поклонимся на месте, где стояли ноги Его" (Пс. 131, 7), — то самое этим показывая, о чем мы сказали, а также — пригвождение ног Господних ко кресту. Вот что говорит об этом Давид.

Посмотрим, как согласуются с этим слова Михея, проповедующего, словно сговорившись, то же самое: "И ты, Вифлеем, дом Ефрафов, разве наименьший ты в тысячах Иудовых? Из тебя ведь произойдет Мне Тот, Кто должен быть Владыкой в Израиле, и исходы Его из начала, из дней вечных" (*Мих.* 5. 1—2). Так что этими словами и он указывает, что в Вифлееме-Ефрафе родится Христос и что благодаря Рождеству это место будет достойно чести. Ведь сказав "разве наименьший ты в тысячах Иудовых?", он показывает и причину, почему тот не будет наименьшим, говоря: "Из тебя ведь произойдет Мне Тот, Кто должен быть Владыкой в Израиле".

Таким образом, что-то разыскав у многих пророков, можно понять, что все это сбылось во Христе, Каковой и стал Владыкой Нового Израиля, в соответствии с обетованием Авраамову сыну, получившему имя "Ум, Зрящий Бога".

"Исходы Его из начала, из дней вечных", — он сказал, указывая на предвечность Его существования.

Так Давид и Михей, научаемые божественным Духом, пропобедали воплощение Бога-Слова и назвали место, где Он должен был во плоти родиться.

А когда Он родился, пришли из Персии волхвы поклониться Ему, неся с собой дары, чтобы подарить Родившемуся. Это были золото, ливан и смирна. Из них золото свидетельствовало о царском достоинстве Новорожденного, ливан о Его божественности, а смирна — о Его подверженности смерти благодаря плоти. Прежде чем прийти в Вифлеем, они пришли в Иерусалим спросить, где находится родившийся Царь Иудейский. Это получилось по некоему божественному промыслу, чтобы и все тамошние люди узнали, что Тот, о Ком проповедовали пророки, уже явился, родившись от чистой Девы. И ведь проделавшие столь далекий путь люди не узнали бы о доме Ефрафа и Вифлееме, если бы, как Я сказал, Бог не захотел сделать известным происшедшее и жителям Иерусалима.

Ирод же, царствовавший тогда в вашем народе, услышав об этом, собрал священников и книжников и спрашивал их, где, по пророкам, должен родиться Христос. Они сказали ему: в Вифлееме. Выслушав их и призвав упомянутых волхвов, он попробовал обойти их обманом, сказав: "Пойдите, тщательно разведайте о Младенце и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему" (*Мф.* 2, 8). На пути волхвов из Персии им предшествовала некая излучающая свет божественная сила, похожая на звезду, а когда они пришли в Иерусалим, она исчезла, — чтобы и тамошним жителям, как сказано, сделалось известным происходящее таинство. А когда они вышли оттуда, она, вновь появившись, стала указывать им путь, пока "наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец" (*Мф.* 2. 9).

Случилось так, что тогдашний римский император повелел произвести перепись всей вселенной. И когда все пошли записываться, каждый в место своего рождения, пришел и Иосиф в Вифлеем, где родился, чтобы записаться с Марией,

ибо он был из рода Давида, а Вифлеем был городом Давида. Прибыв туда, волхвы поклонились Ребенку и, открыв свои сокровища, преподнесли Ему упомянутые дары. После этого, получив от божественного ангела совет "не возвращаться к Ироду", они "иным путем отошли в страну свою" (*Мф. 2. 12*).

СЛОВО ВОСЬМОЕ

Император: А после этого Ирод, осознав, что он волхвами обманут, предавшись гневу, перебил в Вифлееме всех мальчиков от двух лет и моложе, — и сбылось пророчество Иеремии, гласящее: "Голос в Раме слышен был, рыдание, и плач, и вопль многих: Рахиль, оплакивающая детей своих, не хотела утешиться, потому что их нет" (*Иер. 31, 35; Мф. 2, 18*). Поскольку же, как мы сказали, Божие Слово, восприняв плоть, иногда обнаруживало силу и власть божественности — говоря, например, прокаженному: "Хочу, очистись" (*Мф. 8. 3*), или расслабленному: "Возьми свою постель и иди" (*Лк. 5, 24*), и морю с ветром: "Умолкни, перестань" (*Мр. 4, 39*), — а иногда выказывало немощь человеческой природы, чтобы уверовали, что Он истинный человек, — и тогда Он бежал от Иродова безумия в Египет, и Мать несла Его на руках, а Иосиф следовал за ними, — да и в этом исполнится пророческое слово, "Из Египта, — гласящее, — призвал Я сына Моего" (*Ос. 11, 1; Мф. 2. 15*), и сказанное Исаяей: "Господь сидит на облаке легком" — значит на Девичьих руках, "и придет в Египет, и сотрясется все сотворенное руками в Египте" (*Ис. 19, 1*), "И познан будет Господь египтянами, и убоятся они Господа в тот день" {*ср. Ис. 19, 21*}, — что и произошло, ибо, когда ребенок входил в Египет, все бесовские идолы там низверглись. Так можно ли все, на что я указываю, столь великое, вызывающее удивление и превосходящее природу, связывать с кем бы то ни было из людей от сотворения Адама вплоть до Рождества Христова?

Ксен: Ни в коем случае. Совершенно ведь необходимо отдавать голос истине, чтобы избежать обвинения в безумии, пытаюсь сопротивляться столь ясным доказательствам.

Император: Я думаю, ты не перестанешь удивляться и тому, что еще остается присовокупить. Следи же, дабы понять, что нет смысла в том, что говорят некоторые невежественнейшие люди, будто Христос ниспроверг данный Моисеем Закон тем, что Он при жизни делал и говорил. Справедливо ли даже помыслить такое, когда, чтобы не выглядеть незаконным, Он, в соответствии с Законом, обрезал свою крайнюю плоть (*см. Лк. 2, 21*)! Но давай это оставим, ибо это мы хорошо рассмотрели прежде. Обрезался же Он, желая, чтобы не казалось, что Он хочет жить вопреки Закону, и показывая, что Он есть источник и податель и Ветхого и Нового Заветов,

А после этого, в возрасте тридцати лет, Он крестится в Иордане, — но не в числе тех, о ком говорит Исая: "Омойтесь, очиститесь, удалите испорченность вашу" [*Ис. 1, 16*], — не имея Сам нужды в крещении, будучи весь чист и превыше всякой скверны, но — чтобы дать Новый Завет, обещанный через Исаяю народам. Об этом ведь крещении и пророк Иезекииль говорил: "Господь сказал мне: эта вода, текущая в Галилею, освятит воды, и будет всякая душа, на которую придет эта вода, — живой будет и спасется" (*ср. Иез. 47. 7—9*). "Ибо, вот, как бы лев выйдет из среды Иордана" (*ср. Иер. 27, 44*).

С той поры Он начал учить иудеев о царствии Божием, обещая убеждаемым гораздо больше благ, нежели Закон. Ведь там Бог через пророка обещает внешнему, что их будут ждать готовые для съедения блага земли, т-е, изобилие плодов, вина и масла, обилие животного масла, а также множество стад, победы над врагами, и тому подобное другое (*ср. Втор. 11, 13—25*), а Христос уверовавшим в Него пообещал отпущение грехов, победу над дьяволом и жизнь — не такую, какой мы здесь живем, подверженную из-за греховного

преслушания разрушению смертью и тлением, но ангельскую, бессмертную и никакой смертью не кончающуюся.

Ксен: А почему же тогда, если это имеет отношение к истине, смерть и после того по его пору торжествует над всеми и что ни день, то вершит свое дело над десятками тысяч людей?

Император: Я думаю, ты хорошо знаешь, что Адам и его потомки были осуждены на смерть за грех, и, будучи сам фарисеем, не сомневаешься в воскресении. Впрочем, раз уж и остальное вы понимаете конкретно и приземленно, ни на шаг не отступая от буквы, потому я думаю, что и слова о воскресении вы должны воспринимать не полностью и не так, как подобает. Что все воскреснут, вы признаете, а что будет потом — вновь ли все умрут или будут живы вовек, — этого ни вы не знаете, ни отцы ваши. А то как же они Христа, всеобщую жизнь, погубили бы? Знай же, что легче одному человеку выпить небо и землю, нежели смерти удерживать людей с тех пор, как Христос, побывав в аду, сокрушил его власть и вместо тления и смерти дал нам нетление и бессмертие. А эта смерть, о которой говорится у нас без умолку, имеющими разум людьми должна почитаться, пожалуй, неким сном, хотя и более длинным, чем обычный сон. Когда же Христос во второе Свое пришествие, при котором, как мы сказали, и силы небесные подвижутся (*см. Мф. 25, 31*), дарует всем бесконечную и неуничтожимую смертью жизнь, будет ли тогда по праву называться смертью эта нынешняя смерть, которую мы стряхнем легче, чем сон?

Обещая дать такую вот жизнь, Христос учил не придавать никакого значения пище и одежде, но стремиться по мере сил к справедливости и святине, веруя, что остальное мы, и не прося, получим от промысляющего всеми Бога-Отца, ибо Он хорошо знает, в чем мы имеем нужду (*см. Мф. 6. 25—34*).

Смотри же не подумай, слыша, что Христос начал учить, когда Ему исполнилось тридцать лет, что Он не мог этого делать прежде того, потому что это не так, не так. Ведь не в ходе развития, как решили некоторые из безумных еретиков, Он делался более святым или более мудрым, но сразу, родившись таким, имел совершенное человеческое знание, как и когда начал учить, как и сейчас: ведь с самого момента божественного зачатия, путем предельного соединения Своей божественной ипостаси с душой и телом, Он воспринял совершенство во всем. Так что вовсе не потому, что Он не был еще совершенным, Он не учил, пока Ему не исполнилось тридцать лет, но — чтобы это не показалось чем-то диковинным, диктуемым не столько истиной, сколько фантазией, а сверх того — и заграждая незатыкаемые уста ваших отцов, не давая им повода для упреков в том, что Он прежде подобающего времени по дерзости и гордыне берется учить.

Ксен: Как, несмотря на то, царь, что ни один человек от века более тысячи лет не прожил, вы считаете Мессию живым по прошествии уже почти тысячи четырехсот лет? Это ведь невозможно. Если же вы скажете, что Он умер, то явной ложью окажется то, что Он Мессия. Да ведь и Илия еще не пришел, о котором говорят, что он должен, когда Тот родится, Его помазать.

Царь: "Заблуждаетесь", Ксен, "не зная Писаний, ни силы Божией" (*Мф. 22, 29*). Говорят и веруют, что Илия Фезвитянин должен прийти, однако не для того, чтобы помазать Господа. Но поскольку должен родиться из еврейского, как говорят некоторые, рода некий скверный человек, который воспримет в себя дьявольскую энергию и с ее помощью будет способен творить великие знамения и чудеса, именуя себя Богом и Помазанником, так что он прельстит не только многих из сущих тогда христиан, но и оставшаяся малая часть еврейского народа тоже будет увлечена антихристовым обманом, — придут, говорят, тогда Илия и Енох, посланные от Бога, исполнившегося в сердце жалостью, чтобы научить и обратить и других, и несчастный еврейский народ ко Христовой вере или, что то же, к вере в Святую Троицу, да не все вообще будет поглощено дьяволом. Ибо хотя по причине убийства Христа они и сделали себя врагами Бога и Евангелия, но любимы они Богом по причине любви Его к их отцам. Но кого божественный

промысел увидел необращающимся к покаянию, тех он оставил, а про кого узнал, что они благоразумно примут божественную евангельскую проповедь, теми он не пренебрег.

Тогда сбудутся слова пророчества Исайи: "Если будет число сынов Израиля больше песка морского. остаток Израилев спасется" (*Ис. 10, 22*). Ради этого ведь тогда будет Илия послан Богом, а не для того, чтобы, как вы думаете, помазать Мессию, что могут говорить лишь неучи, как я сказал ранее, вовсе Писанию не наученные.

Христос же, поскольку Он Бог, пребывает и на небе, и на земле, и во всем, и выше всего. "Небо ведь и землю Я исполняю" (*Иер. 23, 24*), — говорит Господь. А поскольку Он — человек, Он не прожил тысячи лет, и здесь, т. е. на земле. Его нет. Прожил Он за тридцать лет (*см. Лк. 3, 23*) и, будучи распят злейшими отцами вашими, умер, и святое тело Его было положено в гробе (*см. Мф. 27, 60*), подверженное гибели, но не разложению. Божественная же ипостась, нерасторжимо с воспринятым соединенная, сошла в ад вместе с божественной душой и освободила там всех от временных уз, и божественной властью восстановила тело, которое она восприняла, отбросив уже тление и смерть, облекши же в нетление и бессмертие.

Воскреснув таким образом на третий день, освободив от уз Адама и даровав ему прежнее место пребывания, рай, Христос сопребывал с оставшимися одиннадцатью учениками (*см. Мф. 28, 16*), ибо Иуда отошел в то место, о котором сказали пророки, т. е. в муку бесконечную; а через сорок дней по воскресении из мертвых Он вознесся на небеса в присутствии собравшихся всех Его учеников и Пресвятой Матери и на их глазах. И теперь Он пребывает на небесах, сидя рядом с Богом-Отцом и вместе с Ним принимая поклонение от всех небесных священных начал, что дальнейшая речь по ходу разговора сделает более ясным.

Ксен: Мне приятно, царь, все это выслушать. Я услышал от тебя нечто сверхъестественное и странное и хочу хорошо понять, так ли это на самом деле.

Император: Все по мере сил я постараюсь ясно тебе изложить. Ныне же давай вернемся к тому, от чего твои слова заставили нас отойти. Ведь уже и все пророчества наконец исполняются.

Итак: Христос сказал от лица Давида в тридцать девятом псалме: "Жертвы и приношения Ты не захотел, тело же восстановил Мне. Всесожжения и за грехи не взыскал. Тогда Я сказал: вот, приду; во главе книжной написано обо Мне: сотворить волю Твою, Бог Мой, Я захотел, и закон Твой — в середину чрева Моего. Я благовестил правду в церкви великой" (*Пс. 39, 7—10*).

Смотри, как и Давид намекает здесь на прекращение жертв и всесожжения и на введение и свободу Нового Завета. Ведь словами "Жертвы и приношения Ты не захотел", а также "всесожжения и за грехи не взыскал" он ясно показал прекращение жертв и отвращение от них Бога, а при этом словами "тело же восстановил Мне" — таинство Нового Завета. Вот какой имеет смысл то, о чем он говорит:

"Иудейские жертвы и всесожжения сделались ненавидимы Тобой и мерзки Тебе; в теле же, которое Ты Мне восстановил, совершается Твоя божественная воля; т. е. плоть, которую Я принял для спасения всех, она и приносится за них в жертву, как написано обо Мне в главе книжной, т. е. в словах пророков". А после этого, намекая на божественность и высоту Его учения, он говорит: "Я благовестил правду в церкви великой".

Еще Исайя говорит: "Ребенок родился нам, Сын, и был дан нам" (*Ис. 9, б*), и Иеремия: "Сей есть Бог наш, не сравнится с Ним другой", "После этого на земле увиден Он был и жил с людьми" (*Вар. 3, 36, 38*). И премудрый Соломон говорит:

"И ныне, Господи, Бог Израилев, да будут достоверны слова Твои Давиду, отцу моему! Неужели поистине Бог поживет с людьми на земле?" (3 Цар. 8, 26—27), и человек Он, и кто познает Его? Еще Блаженный Давид говорит: "Бог явно придет. Бог наш, И не промолчит" (Пс. 49. 3). И еще: "Явится Бог богов в Сионе" (Пс. 83, 2), и в другом месте: "Бог Господь и явился нам" (17с. 117, 27), "Благословен идущий во имя Господне" (Там же, 26).

Кто же усомнится в том, что все это явно проповедует о Богочеловеке-Слове? Думаю, никто, **за** исключением разве того, кому захочется выказать себя очень вздорным, пророческим словам не наученным и в высшей степени неразумным человеком, вроде ваших отцов, которым подобало бы с радостью принять Сына Божин и Слово — Человека, явившегося в соответствии с пророческими пророчениями, и досыта вкусить Его источающих жизнь божественных слов, а они не только этого не сделали, но и бесчеловечнейшим образом, бесясь от зависти. Его погубили, злое, по Давиду, воздав Ему за то, что Он дал им благое {ср. Пс. 37, 21}' ведь слепцов их он делал зрячими {см. Мф. 20. 34: Мр. 8. 23}, расслабленных укреплял {см. Мф. 9, 6: Ин. 5. 8—9). прокаженных очищал {см. Лк. 17. 21) и мертвых воскрешал, как от сна {см. Лк. 7, 14—15: 8, 52—55; Ин. 11, 14). и самое наибольшее — обещал небесное царство {см. Мф. 25, 34), и вместо того, чтобы быть любимым, был оболган и за добро получил зло. Ибо "Враги мои, — говорит Давид, — сказали обо мне злое: когда он умрет и погибнет имя его?" {Пс. 40. 6), "Надо мной смеялись сидящие в воротах, и обо мне пели пьющие вино" {Пс. 68, 13).

Так много, однако же, сделал у них — не так, как пророки, бывшие рабами, но как Бог, имеющий власть, — Он глядел на них как на неразумных, ничем не лучших скота по состоянию, ни пророческих слов не разумеющих, ни по сверхъестественным делам разума Его не постигающих, и, предоставив им радоваться, старался довести до конца прореченное о Нем. И, входя с учениками из Галилеи в Иерусалим, Он сказал: "Вот, мы восходим в Иерусалим, и Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и передадут его язычникам, и будут бичевать Его, и будут бить Его, и оплюют Его, и убьют Его, и в третий день воскреснет" {ср. Мр. 10, 33—34). Испытав от этих слов страдание, ученики последовали за идущим на смерть Учителем до самого конца.

И, когда они были вблизи Иерусалима, Он послал двух Своих учеников, и они привели осла, сев на которого. Он вступил в город и был всеми, особенно же незлобивыми детьми, всячески восхваляем и воспеваем. Ибо все, идя толпой впереди, по сторонам и сзади, восклицали: "Благословен идущий во имя Господне, осанна в вышних, царь Израиля, мир на небесах и слава в вышних" {см. Мф. 21, 7—9: Мр. 11. 1—10: Лк. 19, 37; Ин. 12, 12—14). Это — то, что и ангелы возглашали при божественном Его Рождестве. Тогда сбылось пророчество Давида: "Из уст младенцев и сосунков Ты обрел хвалу" {Пс. 8. 3). Ведь Того, Кому завидовали отцы, воспевали дети. Сбылись и слова Иакова: "Привязывающий к виноградной лозе осла своего и к лозе жеребенка осла своего" {Быт. 49, 11); а с ним и Захарии: "Ликуй от радости, дочь Сиона, возвещай, дочь Иерусалима: вот, сам Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидя на подъяремном животном и на юном жеребце; тогда истребит Он боевые колесницы у Ефрема и коня в Иерусалиме" {Зах. 9. 9—10). Это был намек на то, что Христос очистит все неразумие народов, исправит крестом и смертью их непокорность и своенравие и, восполнив честь, которую, имея, мы отринули, о которой и Давид говорит: "Человек, в чести будучи, этого не уразумел; присоединился к скотам несмысленным и уподобился им" {Пс. 48, 21), — порадует о погибших и восстановит их в прежнем достоинстве.

После этого, приготовив вечерю, говорить о которой подробно нет сейчас времени, Он возлежал с учениками и ел. Посреди же вечери Он говорит: "Один из вас предаст Меня* {Ин. 13, 21). "Я ведь избрал вас двенадцать, но один из вас оказался дьяволом" (ср. Ин. 6. 70). Он сказал о нем и в другой раз: "Надобно прийти соблазнам, но горе тому человеку, через которого соблазн приходит" (Мф. 18. 7).

Ксен: Если, как ты, царь, сказал, один из них оказался дьяволом, надо было и не избирать его с самого начала, и не общаться с ним.

Император: Существует, Ксен, много такого, что звучит одинаково, но не всегда имеет один и тот же смысл. Так, Богом называют и Создателя всей твари, и бога фараона; а богом фараона называется и Моисей. И хотя название "бог" обще для Бога и Моисея, на деле они весьма различны: один по природе поистине есть Бог, Моисей же — бог по благодати. Можно найти десятки тысяч подобных примеров, но мы их по причине нехватки времени ныне опустим. Точно так же у Иуды и у иных апостолов было общим звание избранных, но, если подумать о том, на что те и он были избраны, то она очень друг от друга отличались. Те были приняты Учителем и Богом как некие драгоценные и святые сосуды и служители Нового Завета, Иуда же — для устрашения последующих поколений. Поскольку было обещано, что угодившим Богу людям впоследствии будут даны от Бога некие великие и сверхъестественные дары, Христос, чтобы те не хвастались успехами, принял в числе прочих апостолов и Иуду, зная крайние его злобность и неверие, — могло ли это быть иначе, если Он был испытующим сердца всех Богом? — пожелав это именно для того, чтобы преуспевающие в добродетели люди, вспоминая ужас падения Иуды, а также — что человеческая природа, имея возможность и свободу выбора, легко, если не получает помощи со стороны Бога, склоняется в обе стороны — я имею в виду добро и зло, — полагались не на самих себя, но на Бога и на Его помощь и силу, и не возносились мыслью, но имели в уме то, как Иуда, будучи святым апостолом и обладая даром творить чудеса, стал от неразумия и невнимания всем противоположным, то есть вместо друга врагом, вместо ученика предателем и вместо святого грешником. Потому и сказанные Господом слова "Я вас избрал" (*Ин. 6, 70*) по звучанию применимы одинаково к Иуде и к иным апостолам, по смыслу же — неодинаково.

Смотри же не заключи из того, что я сказал об апостолах, что Иуда был избран Христом в качестве пугала для них, потому что я говорил не о них, но о различным образом впоследствии просиявших добродетелью святых мужах. Ибо Христом засвидетельствованы как величайшие из всех людей Иоанн, сын Захарии, крестивший Его и прозванный Предтечей потому, что предшествовал Ему и провозвещал Его, и апостолы. Пресвятую же Деву из числа тех, о ком идет речь, надо исключить как несравненно превосходящую всяческую человеческую природу.

Впрочем, сначала и у апостолов страх имел место, а в конце — нисколько, когда Господь говорил им: "Я уже не называю вас рабами, потому что раб не знает, что делает господин его; но Я называю вас Друзьями, потому что все сказал вам" (*Ин. 15, 15*).

Знай между прочим, что страх бывает двух родов: один — ведущий к добродетели страх о своих грехах, о котором и Соломон сказал: "Начало премудрости — страх Господень" (*Прит. 1, 7*), а другой — свойственный совершенным существам некий божественный страх, как у ангелов, которые, как то видел Исая, закрывают от страха лица крыльями (*см. Ис. 6, 2*). Разделяя таким образом страх надвое, Давид говорит: "Работайте Господу со страхом", — намекая, как мы сказали, на вводимых, "и радуйтесь Ему с трепетом" (*Ис- 2, II*), — имея в виду совершенных; и в другом месте: "Страх Господень чист, пребывающий во веки веков". (*27с. 18. 10*).

Итак, на твое недоумение, вызванное избранием Иуды, по мере сил мы тебе ответили; обрати теперь внимание на то, что и совершенно все остальное было пророками предсказано. Так, Давид, указывая на сверхъестественное неразумие Его ученика и на то, что он восстал на Учителя, надругавшись над законом всякой любви, сказал: "Человек, с которым Я был в мире, на которого надеялся, евший хлеба мои, поднял на меня пята" (*Пс. 40, 10*); "Поставь над ним грешника, и дьявол да станет одесную его. Когда будет судиться, да выйдет осужденным, и молитва его да будет в грех. Да будут дни его малы, и достоинство его да примет

другой" (Пс. 108, 6—8): "Возлюбил проклятие, и оно придет на него; и не восхотел благословения, и оно удалится от него" (Пс. 108. 17).

Ведь этот-то Иуда вместе со вселившимся в него дьяволом, приступив к последователям того, первосвященникам и книжникам, совещался с ними о том, как предать Учителя (см. Мф. 26, 14—16). И они обещали дать ему тридцать сребреников, если он им Его предаст, — да исполнится и пророчество Иеремии, гласящее: "Поставили тридцать сребреников цену Оцененного, Которого оценили из сынов Израиля" (Мф. 27. 9; ср. Зах. II, 12). Благодаря сребролюбию ими таким образом уловленный, Иуда, взяв некий отряд, отправился обманом брать Иисуса.

И он пришел на место, куда Тот привык прогуливаться с учениками. Христос же еще прежде, чем они пришли, сказал ученикам: "Встаньте, пойдем. (Мф. 26. 46), — проявляя готовность к смерти за всех и добровольность принимаемого Им страдания, о чем и сказал в другой раз: "Власть имею положить душу Мою, и власть имею опять взять ее" (ср. Ин. 10, 18). Диких же этих зверей подходящих увидев, Он сказал: "Кого ищете?". Те ответили: "Иисуса Назорея". Он сказал: "Это я", и все тут же пали ниц. А когда Он немного отошел, они встали, и Иисус снова сказал: "Если Меня ищете, оставьте их, пусть идут" (Ин. 18, 4—8), — имея в виду учеников, которые сразу после этого, напуганные разбойниками, убежали.

Иисус добровольно Себя предал, ничем не вынуждаемый, пойдя к этим человекоубийцам, избавляя их от применения насилия, ибо "Предан Я был, — говорит от лица Христова Давид, — и не ушел" (Пс. 87, 9), т. е. ясно ведь, что, имея такие силу и власть, с которыми мог одним словом истребить гонителей, Я не был бы схвачен "ненавидящими Меня", не реши добровольно пострадать ради спасения всех.

Один же из учеников, исполнившись рвением, ударил мечом одного из слуг этих нечестивцев и отсек тому ухо. А Христос, побуждая и научая быть смиренными во всем, тут же восстановил пораненному отрезанный член, а поранившего строго упрекнул, сказав: "Возврати меч твой в его место; ибо все, взявшие меч, мечом погибнут. Или думаешь, что Я не могу умолить Отца Моего, и Он представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов?" (ср. Мф. 26. 52—53), — имея тем самым в виду: если это произойдет, как же сбудутся Писания? Ибо все должно получить исполнение. Причем то, что Он может умолить Отца, Он сказал как человек, в то же время имея как Бог в услужении всех ангелов, все небесные силы с трепетом повинующимися Его мановению.

А то, что все взявшие меч умрут, Он сказал, разом и научая уподобляться Ему незлобивостью, беря за образец Его поступки и всегда их имея перед глазами, и предсказывая тяжелые беды, которые ожидали иудеев в будущем, едва ли не вопия нам тем самым: "Все Меня убившие скоро и сами станут жертвами убийства", — что вскоре и случилось, не миновало, ибо все они были погублены римским мечом.

Смотри же: ничего из прореченного о Нем пророками не осталось ведь неисполвшимся. Покинули ученики Его, когда Он был схвачен теми убийцами, разойдясь кто куда, — и сбылось пророчество, гласящее: "Поражу пастыря, и рассеются овцы стада" (Мф. 26, 31). Отведен Он был связанным во двор первосвященника по имени Каиафа (см. Мф. 26, 57), а оттуда к Пилату (см. Мр. 15. 1), и, обступив Его, слуги били Его по щеке и ругались, всевозможным образом браня Его и надругаясь, — и сбылись слова Давида: "Окружили Меня псы многие" (Пс. 21. 17), "быки тучные схватили Меня" (там же 13), "поношения поносящих Тебя пали на Меня" (Пс. 68, 10), "Умножились больше волос на голове Моей ненавидящие Меня понапрасну, укрепились враги Мои, преследующие Меня неправедно" (там же 5). Отослан Он был, оскорбляемый, от Пилата к Ироду, случившемуся в Иерусалиме (см. Лк. 23, 7), — и вновь сбылось пророчество Давида: "Зачем были в смятении народы и люди поучались суетному? Восстали цари земли", т. е. Ирод и Пилат с первосвященниками и

людьми, "против Господа и против Помазанника Его" (*Пс. 2, 2*), говоря: "Расторгнем узы их и отбросим от себя иго их" (*там же 3*). Каких их? Бога, конечно же, и человека, которого Бог воспринял. Но "Живущий на небесах посмеется над ними, и Господь поругается им. Тогда скажет им во гневе Своим яростью Своею смутит их: Я ведь", говорит Христос, "поставлен Им царем над Сионом, горою святою Его" (*там же 4—5*), т. е. в самом Иерусалиме, каковой так и называем Сионом, и в церкви древней иудейской и этой новой, народов, "возвещая", т. е. проповедуя, преподавая, "повеление Господне" (*там же 7*). Затем продолжает: "Господь сказал Мне: Ты Сын Мой, Я сегодня родил Тебя" (*там же*), — имея в виду человека, которого воспринял Божий Сын-Слово, потому что "сегодня" указывает на человеческую временность. "Проси у Меня, и Я дам Тебе народы в наследие Тебе, и пределы земли во владение Тебе" (*там же 8*), — что и произошло, ибо всю подсолнечную можно видеть божественное иго Евангелия влекущей.

Являя затем долженствующие прийти на иудеев беды и изобилие неизбывных скорбей, "Упасешь их", говорит он, "жезлом железным", т. е. изобильною и непобедимою силой, "как сосуды горшечника сокрушишь их" (*Пс. 2, 8*), т. е. всех уничтожишь так, что никакой не останется у них больше надежды на прежнее счастье и устройство. Таковы ведь керамические сосуды, что они совершенно не могут быть восстановлены, когда бывают разбиты (*ср. Иер. 19, 11*), и нет тогда от них никакой пользы, а какая-либо металлическая вещь, будучи сломана, может быть переплавлена и воссоздана, полностью восстановлена, может и стать ничуть не менее, чем прежде, полезной. Как мы уже говорили, предсказывая таким образом их окончательную погибель, "Как сосуды горшечника", сказал он, "сокрушишь их", — значит, совершенно уничтожишь.

Иуда же после того, как предал Благодетеля и Учителя, уразумев, до какого зла довела его страсть сребролюбия, осудив себя, а скорее отчаявшись от крайнего уныния, не прибег к человеколюбивейшему Христу и не попробовал уравновесить такую дерзость покаянием, но пошел к первосвященникам и сказал только следующее: "Согрешил я, предав кровь невинную" (*Мф. 27, 4*), — бросил серебро, которое поспешил получить, и, выйдя оттуда, удавился. Превосвященники же ничего ему не ответили, только сказали: "Что нам до того? смотри сам" (*там же*), — и, взяв сребреники, купили на них, посоветовавшись, землю горшечника для погребения странников, сочтя неподобающим вновь положить их в сокровищницу, потому что они были ценой крови. Тут сбылись слова Иереми: "Поставили тридцать сребреников цену Оцененного, Которого оценили из сынов Израиля, и дали их за землю горшечника, как сказал мне Господь" (*ср. Мф. 27, 5—10*). А также и Захарии: "Если угодно вам, то дайте Мне плату Мою, которую обещали. И поставили плату Мою тридцать сребреников. И сказал Господь мне: брось их в горнило и смотри, подлинное ли оно, — каким образом Я был испытан ими. И я взял тридцать сребреников, и бросил их в дом Господень в горнило" (*Зал.: 11, 12—13*).

Пришли потом лжесвидетели, свидетельствуя против Него, — а Давид говорит: "Восстали на Меня свидетели неправедные: чего Я не знаю, о том допрашивали Меня, воздали Мне зло за добро" (*Пс. 34, 11—12*). Будучи предан Пилатом воинам для распятия, всякому виду поруганий был Он подвергнут; совлекли с Него ризы, и воины, взяв их, разделили между собой; хитон же Его решили не раздирать, потому что это было невозможно, ибо он был весь тканый сверху: и жребий метали о нем, кому достанется, — и совершилось сказанное Давидом: "Разделили ризы Мои между собой, и об одежде Моей метали жребий" (*ср. Ин. 19, 23—24; Пс. 21, 19*). Облечен был Он потом в хитон досаждения, — и тот же Давид говорит: "Я же, когда они досаждали Мне, одевался во вретисце" (*Пс. 34, 13*). Бичи Он претерпел, и плевки, и заушения, — а Иеремиа говорит: "А Я не сопротивляюсь, не возражаю, плечи Мои подставил бичам и ланиты Мои заушениям, лица Моего не отвратил от стыда оплевания, и Господь стал Мне помощником, потому Я не устыдился, но держал лицо Мое, как твердый камень, и познал, что не постыжусь" (*Ис. 50, 5—7*). Отведен был, чтобы быть распят, — а

Исайя говорит: "Как овца на заклание веден был; и как агнец перед стригущим его безгласен, так Он не открывает уст Своих. В смирении Его суд над Ним совершен. Род же Его кто изъяснит? Ибо забирается от земли жизнь Его" (*Ис-* 53. 7—8).

Он уподобил Его овце, беззлобному ягненку, безгласному агнцу, чтобы показать Его смирение, кротость в ответ на жестокость, Его долготерпение. Будучи в состоянии ведь пустить на них всевозможные стрелы или повелеть земле расступиться и поглотить их, Он этого не сделал и отвечал на их безумие и кровожадность больше молитвами, говоря: "Отпусти им грех, Господи" (*ср. Лк.* 23, 34).

Род же Его, который никто не может изъяснить, он имел в виду не мирской и человеческий, ибо в этом смысле Он был всем известен как потомок Авраама и Иуды, затем Давида и сын от них происходящей Приснодевы Марии, но — род божественный, для всех непостижимый и неизъяснимый, равно как и род Отца и Пресвятого Духа.

Ксен: Ты только что, царь, сказал, что Он молил Отца о распинавших Его. Почему же, если Он был Богом, как ты ныне стараешься доказать, Он не имел власти Сам отпускать согрешения распинающим, но молился Отцу? Если ты скажешь, что Он молился не как Бог, а как человек, почему же тогда Бог не преклонился сразу к Его молитвам, но убийцы, впад в такие беды, еще и ныне, как ты говоришь, несут кару за бесчеловечность?

Император: Я думаю, у тебя еще в памяти то, о чем мы говорили раньше, — что Христос действовал иногда как человек, а иногда как Бог. Как Бог — когда говорил прокаженному: "Хочу, очистись" (*Мф.* 8. 3), — и расслабленному: "Возьми постель твою и иди в дом твой" (*Лк.* 5. 24), — также и блуднице: "Прощаются тебе грехи" (*Лк.* 7. 48), — и другое такого рода. А как человек — когда бежал от Ирода (*см. Мф.* 2. 53—14), и боялся, и страшился, и молился, чтобы миновала Его смертная чаша (*см. Мф.* 26, 39). И молясь о распинающих, Он делал это как человек, ибо, будучи учителем безгневия для других. Он больше других должен был обладать им Сам и быть образцом для других. Так что Он помолился как добрый человек, пребывающий выше всякой страсти.

Но как брошенный кем-либо камень, встретив что-то твердое и отскочив, обратно возвращается к бросившему, так и эта молитва вернулась к помолвившемуся, поскольку она не нашла в тех места для покаяния, а сердца их оказались тверже любого камня и железа, ибо "Молитва моя", сказал Давид, "в недра мои возвратится" (*Пс.* 34, 13). Бог ведь бывает человеколюбив к тем, кто, как ниневитяне, кается, а для пребывающих во зле Он страшный Судия, совершенно неожиданно вершащий суд; таким Он прежде был для потопленных потопом (*см. Быт.* 7. 10) и для содомлян (*см. Быт.* 19, 24—25), а впоследствии для ваших отцов, всякий вид бедствий на них наведя и вас, их потомков, сделав общей игрушкой. Вот, это — то, о чем ты спросил. Посмотри же теперь, что последовало и за иными пророчествами.

Прибили к кресту Его руки, — а Давид говорит: "Пронзили руки Мои и ноги Мои" (*Пс.* 21. 17).

"Дали Ему пить уксуса, смешанного с желчью" (*Мф.* 27, 34), — и опять тот же Давид говорит: "И дали в пищу Мне желчь, и в жажде Моей напоили Меня уксусом" (*Пс.* 68. 22).

В ребра пронзен был копьем (*Ин.* 19, 34), — а Захария говорит: "Воззрят на Меня, Которого пронзили*" (*Зах.* 12, 10; *Но* 19. 37).

Густая тьма среди дня повсюду разлилась (*см. Мф.* 27. 45; *Мр.* 15, 33; *Лк.* 23. 44}, — и опять тот же Захария говорит: "И день этот ведом Господу, и не день и не ночь, и к вечеру будет свет, и будет Господь царем над всей землею, и в тот день

будет Господь един, и имя Его едино" (*Зах. 14. 7—9*). И Амос: "И будет в тот день, говорит Господь, зайдет солнце в полдень, и померкнет днем свет" (*Ам. 8. 9*). И Иеремия: "Зашло солнце в полдень" [*Иер. 15. 9*].

Обрати в связи с этим внимание на трепет вызывающую совершенно чудесную вещь: луна была тогда четырнадцатого дня, диаметрально противоположная солнцу, ибо с момента обновления она минула солнце, а свет полностью исчез в полдень, и повсюду распространились такой мрак, такая тьма, что казалось, что наступила глубокая ночь. И вот что способно удивить еще больше: когда по причине естественного течения светил какая-то часть земли оказывается затемненной, все остальное пребывает освещенным; тогда же тьма разлилась повсюду. Происходит это обычно так: когда в восточной части небосклона сходятся светила, тогда для одних только тамошних стран исчезает солнечный свет, а западные остаются освещенными; если же это случается в западной части неба, то соотношение затемненного и освещенного оказывается обратным. А тогда, когда и весеннее равноденствие настало, и неподвижный полдень, луна четырнадцатого дня, наиновейшая, противоестественно закрыла солнце, — явление никогда не бывавшее и по естественным причинам невозможное никогда, — и чтобы произошла такая встреча светил, и чтобы такая тьма по всей земле разлилась. И не только это произошло, но и земля от самих корней отрывалась, и храмовая завеса разодралась (*см. Мф. 27, 51—53*), и все было исполнено смущения, и казалось, что наступает развязка.

Но и тут, однако же, ничего-то ваши окаянные отцы не поняли и не постигли по бесчувственности легко управляющую стихиями силу, оказавшись неразумными в большей степени, чем поклоняющиеся бездушным идолам эллины. Из тех немало ведь число пришло ко Христу и получило победные почести мучеников, а слепые и глухие отцы ваши (*ср. Ис. 43, 8*) бросились головой вниз в страшнейший ров неверия. Глядя на это, Захария и сказал — чтобы выставить беззаконие ваших отцов — то, что было приведено чуть раньше. И Моисей пророчествовал: "Увидите жизнь вашу висящей перед очами вашими" (*Втор. 28, 66*). И Исайя: "Сосной с кедром и кипарисом прославлю место святое Мое" (*Ис. 60, 13*), — предсказывая, из чего будет сделан крест. И пророк Аввакум "Господи! — сказал, — услышал я слух Твой и убоился. Господи! Уразумел я дела Твои и лишился рассудка: посреди двух животных будешь Ты познан" (*Авв. 3, 3—2*), — указывая тем самым на двух разбойников, вместе с которыми Он был распят, имея которых в виду, и Давид сказал: "И к беззаконникам причтен" (*Ис. 53, 12; ср. Мр. 15. 28*).

А дело было вот как. Когда Христа распинали, по обе стороны от Него на крестах повесили, дабы умертвить, двух разбойников. Один из них, и не думая смиряться от претерпеваемого мучения, хулил Его и поносил, говоря: "Если Ты Христос, спаси Себя и нас" (*Лк. 23. 39*). Другой же выказал намного большее благоразумие: обернувшись к тому, он строго взглянул на хулителя и, не любя опрометчивости, очень терпеливо его урезонил: "Ты что, Бога не боишься, что выпускаешь из уст такую хулу? Мы-то ведь справедливо, достойное содеянному нами получаем воздаяние, а Этот ничего худого не сделал". И он сказал Иисусу: "Помяни меня. Господи, когда придешь в царствие Твое" (*ср. Лк. 23, 40—42*).

Заслуживает внимания то, какую веру, вместе с исповеданием согрешений и самоосуждением, горячо выказал этот благоразумный разбойник и насколько отличался он покаянием и любовью от всякий раз кающихся, любящих Иисуса. Но сначала рассмотрим покаяние мытаря, о котором в Евангелиях говорит Христос. Войдя в храм вместе с фарисеем (*Лк. 18, 10*), он не нес такой вздор, как тот, и своим смирением привлек к себе многую Божью милость.

Взгляни на них обоих. Фарисей, говорится, молился в себе так: "Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи или как этот мытарь. Пощусь два раза в субботу; даю десятую часть из всего, что приобретаю". Мытарь же, стоя вдали, не смел даже глаз поднять, но, бия себя, говорится, в грудь, болезненно взывал: "Боже, будь милостив ко мне, грешнику!".

Потому-то и вышел мытарь оправданным, и жалкий спесивец намного отстал от идущего позади (ср. *Лк. 18. 11—14*). Все это свидетельствует о более горячем покаянии мытаря.

Обрати также внимание на сверхъестественную любовь одной блудницы. Когда Иисус пришел однажды в дом некоего прокаженного, она подошла и, возливая Ему на голову драгоценное миро, слезы из глаз лия, ничего земного, в отличие от многих или, скорее, всех, не попросила, но только — прощения согрешений, и не без успеха (ср. *Мф. 26. 6—13*).

Поступки обоих удивительны и достойны великих похвал, но, если судить по справедливости, то гораздо более замечательным кажется то, что сделал разбойник. Ведь мытарь, обращаясь со смущенными очами и со склонной к земле головой к Большему, знал, нисколько не сомневался, что именно у Бога, у Творца неба, земли и всяческой твари он просит прощения согрешений. Точно так же и блудница, бывшая ранее свидетельницей многих чудес и немало раз видевшая, как Христос освобождает от осуждения десятки тысяч грешников, в результате этого, можно сказать, была уверена, что получит то, к чему ее влечет желание, т. е. прощение согрешений. А у разбойника, скажи мне, какая могла быть причина благоразумия, кроме в чистом виде исправления его души? Чем движимый произнес он этот блаженный возглас? Ведь то, что он видел, должно было обратить его помыслы в противоположную сторону, а никак не к тому, чтобы ожидать что-то получить от осужденного, в нагом виде пригвожденного к дереву человека, которому вскоре предстояло умереть постыдной смертью. Но открылись очи благоразумной души, и узнал он своего Создателя, Которого отцы ваши, слепые, по Исае, и глухие, как уже было сказано, совершенно не смогли опознать.

Так что, смотри, как много хорошего вместил разбойник в этом небольшом количестве слов. Ведь, сказав "Мы достойное содеянному получаем", он показал, что у него смирение и исповедание, как у мытаря, а словами "Помяни меня, Господи, во царствии Твоем" он обнаружил горячую, как у блудницы, любовь. Тут можно сказать, что его беззакония, будучи открыты, были, по божественному Давиду, прощены (ср. *Пс. 31. 1—2*). Тот же пророк говорит и в другом месте: "Я сказал: исповедаю о себе Господу беззакония мои; и Ты снял нечестие с сердца моего" (*Ис. 31, 5*).

А поскольку разбойник попросил сделать его Причастником Христова царства, стоит рассмотреть, какое, думал он, царство имеется у Христа: неужели же временное. Человеческое, только еще не осуществленное и не оформившееся ни во что конкретное? Неразумно, однако же, и предполагать такое применительно к человеку, который находился при последнем издыхании; да и приближавшийся тогда к смерти Христос тоже дышал уже, кажется, напоследок. Так что не такое, знал он, царство имеет Христос, но такое, какое предрекли Даниил, Давид и другие пороки: бесконечное, выходящее за пределы всех веков царство неба и земли, т. е. ангелов, людей и всякой твари.

Обрати внимание и еще на одно преимущество разбойника, ничем не меньшее уже упомянутых.

Ведь Пилат — премудры, Христе, Твои судьбы! — сев судить будущего Судию всех живых и мертвых, признал Его невиновным, неповинным совершенно ни в каком преступлении, но все же выдал Его жаждущим Его крови вашим отцам. А разбойник произнес не такой суд, но более по всему истинный и справедливый. Хорошо зная, что произошло, и обдумав это, он тоже выступил тогда своего рода судьей: осудив себя, он признал, что Христос выше предъявленных Ему обвинений: "Мы ведь, — сказал он, — достойное содеянному нами получаем, а Этот ничего худого не сделал". Это было свидетельством и о том, что ваши нечестивые отцы — убийцы. Кем же еще являются люди, убивающие человека без всякой вины?

Пусть это так, но его вера не настолько ли мала, что и говорить тут не о чем или мало о чем? Ни в коем случае. Она настолько велика, что побуждает меня высказать нечто более смелое. Скажу, что его вера больше, чем даже у апостолов. Я не имею в виду ту веру, какую они обрели после того, как на них сошел Святой Дух и сделал их совершенными, но ту, которую они имели, пребывая со Христом, до Его страданий, и даже еще после страданий и воскресения. Ведь кроме Иоанна, ни на минуту не отлучавшегося от страдавшего Иисуса, все они мало позаботились о том, чтобы побыть с Ним, и не только не захотели первыми подвергаться опасности, но и постарались попрятаться, рассеявшись, убежав кто куда, и только Иоанн, как мы сказали, неотступно пребывал с Ним, и когда Тот страдал, и когда над Ним издевались, и когда Он умирал. И не тогда ведь только, в разгар опасностей, оробели они и были одержимы неверием, но и услышав, что Он воскрес, не избавились от охватившего их смятения: настолько далеки они были от того, чтобы верить, что Он воскреснет, что и над видевшими Его насмеялись и считали пустыми слова говоривших об этом (*ср. Лк. 24. 11*). А этот добрый и благорасположенный к истине разбойник, всю жизнь проведенный в крови и убийствах, внезапно стал самой большой овцой стада Христова. Те-то, и когда Он воскрес, не поверили, а он И среди бед еще только будущее воскресение исповедал. Этого ведь ожидая, он сказал: "Помяни меня, Господи, когда придешь в царствие Твое", — имея в виду царство неба и земли, соизмеримое беспредельным векам.

И если бы кто-нибудь спросил его: "О, блаженный и благоразумный разбойник! Что побудило тебя, прожившего жизнь в разбойничьих шайках и ныне претерпевающего эту смерть за убийства, внезапно начать богословствовать и быть свидетелем Божиих судов?" — он, я думаю, незамедлительно дал бы истинный ответ: "Видя, — сказал бы он, — что из-за повешенного на кресте осужденным Христа померк солнечный свет, что луна пошла обратно противоестественным для ее чина путем, что земля сотрясается, что завеса в храме раздирается, что камни, будто их кто-то сильный бьет, раскалываются, что гробы мертвецов сами собой открываются и из них, словно проснувшись, выскакивают зловонные покойники, что великие небесные силы изумились и совершенно восколебались, видя, что Бог страждет плотью, — и ты меня спрашиваешь, — с чего это я начал богословствовать? Если и я, — сказал бы он, — молчанием обойду чудеса, то тварь возопиет, не терпя видеть, как оскорбляют ее Творца".

Но посмотри и — какой ответный подарок сделал ему Христос: за исповедание Он даровал ему рай и, более того, пообещал, что тот вскоре, войдя с Ним, будет там, ибо сказал: "Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю" (*Лк. 23, 43*). Так быстро получил он благодарность за свои любовь и веру, войдя в рай со Христом, что, кажется мне, и Адама опередил.

Итак, видишь, Ксен, что все ясно показывает истинность сказанного о Христе, что для одних Он есть камень преткновения, камень соблазна (*ср. Ис. 8, 14*), а для других неподвижное основание, краеугольное, избранное, ценное (*ср. Ис. 28, 16*) и что никто в Него уверовавший не терпит поражения и не бывает постыженным, как и этот разбойник?

Это — что касается креста страдания. Посмотрим теперь, что предсказывают богоречивые отцы-пророки о животворящей смерти.

У распятых вместе с Христом разбойников, когда они висели на крестах, перебили голени, чтобы они скорее умерли, дабы снять их оттуда прежде наступления субботы, ибо тогда была пятница; а Его этому не подвергли, ибо Он умер ранее, — да сбудется изречение: "Кость не сокрушится у Него" (*ср. Исх. 12, 46; Пс. 33, 21; Ин. 19, 36*).

Умер родившийся у Девы человек, — а Давид говорит: "Был я как человек беспомощный, среди мертвых свободный, как раненые, спящие в гробу, которых больше Ты не вспомнил, и они отринуты из руки Твоей. Положили меня во рву

преисподнем, в тени и с тени смерти" (Пс. 87. 5—7). А Исайя: "В той мере изумятся, глядя на Тебя многие, в какой обесславлен будет людьми Твой вид и слава Твоя от сыновей человеческих" (Ис. 52, 14). И еще он ясе: "Нет ни вида у Него, ни красоты; и мы видели Его, и вид Его был бесчестен, исчезающим был вид Его, хуже, чем у сыновей человеческих" (Ис. 53, 2—3). И патриарх Иаков "Возлег, — говорит, — поспал, как лев и как львенок. Кто разбудит Его?" (Быт. 49. 9). И вновь Исайя: "Человек, — говорит он, — пребывающий в беде и знающий, что такое испытывать слабость, так что отвернулось лицо Его, Он подвергся бесчестию, и ни во что поставили Его. Он берет грехи наши и мучается за нас. Мы же подумали, что Его болезнь, беда и страдание от Бога. А Он был уязвлен за беззакония наши и раны получил за грехи наши. Воспитание смирения нашего на Нем, ранами Его мы исцелились. Все, как овцы, мы заблудились; человек на пути своем заблудился, и Господь предал Его грехам нашим. И Тот, находясь в беде, не открывал уст Своих" (Ис. 53, 3-7).

А слышано ли было, чтобы кто-нибудь когда-либо от века брал на себя грехи другого или чтобы исцелять других мог кто-то уязвляемый, кроме Богочеловека-Слова, все это соделавшего превышающим понимание образом? Какое слово о чудесах сможет это когда-нибудь разъяснить? Обрати внимание и на другое, не меньшее этого.

Собираясь воспринять плоть и претерпеть смерть за всех. Божий Сын-Слово так говорит блаженному Иову: "Препояшь, как муж, чресла твои, и Я спрошу тебя, ты же Мне отвечай: где ты был, когда Я основал землю? Скажи Мне, если знаешь" (Иов. 38, 4); "Когда появились звезды, восхвалили Меня гласом великим все ангелы Мои и воспели. Я заградил врата морю, положил ему пределы и сказал ему: досюда дойдешь и не перейдешь, но в тебе сокрушатся волны твои" (ср. там же 5—11). "Скажи Мне, ты ли взял прах, создал животное и говорящим поставил его на землю?" (ср. там же 14) "По следам бездны ходил ли ты? Открываются ли тебе со страхом ворота смерти, привратники же адские, увидев тебя, испугались ли?" (там же 17). "Отвечая же Иов Господу, говорит: я знаю, что Ты все можешь, нет невозможного для Тебя ничего" (Иов 42. 1—2). "Слухом уха услышал я Тебя сначала, ныне же око мое видит Тебя" (там же 5).

Итак, смотри: Божьи слова как будто представляют тебе вкратце таинство божественного промысла воплощения. Ибо, сказав "Где ты был, когда Я основал землю?" и "Когда появились звезды, восхвалили Меня гласом великим все ангелы Мои и воспели", а также "Я заградил морю врата" и "взяв прах, создал животное и говорящим поставил его на землю", — всем этим Он выказал Себя Богом, Творцом неба и земли и всех людей; а словами "По стопам бездны ходил" — а это то же самое, что "по земле", — Он показал Себя и как человека.

Можно сказать, что этим предуказывается и нечто иное. Ибо однажды, когда Христос стоял на морском берегу и учил, ученики Его, случилось, вошли в какое-то зыбкое суденышко, а Он остался на суше. В полночь же они увидели Его идущим к ним и убоялись этого видения, устрашились все, решив, что видят некое привидение. А Он, поняв, что души их одолевает страх, сказал издали: "Это Я, не бойтесь". Все, услышав это, трепеща, замолчали, но один из них, по имени Петр, главный среди них, осмелившись, сказал: "Если это Ты, то повели мне прийти к Тебе по воде". И когда Тот повелел, он пошел; пойдя же по воде, укрепляемый силой повелевшего это Учителя, но увидев, что дует сильный ветер, начал из-за своего маловерия тонуть и закричал: "Помоги мне, Господи!". Христос же, находившийся поблизости, подал устрашившемуся руку и, спасши его, высказал ему при этом порицание в первую очередь за нетвердость в вере и уныние (ср. Мф. 14. 23—31). Это и есть то, о чем Сын Божий сказал Иову, т. е. "По стопам бездны Я ходил".

А слова "Открываются тебе со страхом ворота смерти, привратники же адские, увидев тебя, ужаснулись" показывают и то и другое, т. е. Одного и Того же как Бога и как человека: ведь как человек Он умер, а как Бог крепкой рукой низверг вею твердыню горького и ненасытного ада. Именно это предрек Давид словами

"Вечером водворится плач, а наутро радость" (*Пс. 29, 6*). Плач — по причине погребения, а радость — по причине воскресения. Ибо как Бог Он был вместе со Своим умершим телом и со святою Своею душою в аду, в то же время сидя рядом с Отцом и Духом, пребывая неопишным и исполняя все, что есть на небе и на земле. Посрамив таким образом всех адских привратников и все врата ада разрушив и низвергнув, Он стал Спасителем всех и подателем вечного освобождения, на третий день воскреснув, как и предрек это некогда Своим ученикам, сказав, что Сын Человеческий будет предан иудеям, подвергнется оскорблениям и поруганию, и умрет распятый и на третий день воскреснет, а также: "Никто не возьмет душу Мою у Меня: имею власть положить ее и власть имею опять взять ее" (*ср. Ин. 10, 18*). Поскольку уж Он сказал, что имеет власть и в том и в другом, ясно, что никто не осилил бы Его, если бы Он добровольно не предал Себя убийцам. Легче ведь керамическим сосудам восстать против делающего их горшечника, чем кому-либо из живших на земле или имеющих жить людей осилить Создавшего его Бога.

Гляди же, что и это не оставили пророки непредсказанным — я имею в виду разрушение ада и божественное Его на третий день воскресение. Ибо Давид говорит: "У врага вконец оскудели мечи, и города Ты разрушил" (*Пс. 9, 7*); "И с крепким, — говорит Исайя, — Он разделит добычу" (*ср. Ис. 53, 12*), — у бесов т. е. отнимет души отцов; и еще Исайя: "Ворота медные сокрушил и вереи железные сломал. И открою тебе сокровища темные, невидимое покажу тебе" (*ср. Ис. 45, 2—3*). И вновь Давид: "Ты не оставишь душу мою в аду, не дашь святому Твоему увидеть истление*" (*Пс. 15, 10*), ибо не приняло же нетление пресвятое тело Господне. И еще: "Восстань, что спишь. Господи! пробудись и не отринь до конца" (*Пс. 43, 24*). А также: "Восстань, Господи, спаси меня, Боже мой" (*Пс. 3, 8*). И в другом псалме: "Пробудись, Господи, помоги нам и избавь нас имени Твоего ради" (*Пс. 43, 27*). И еще: "Восстань, Господи, суди землю, ибо Ты наследуешь во всех народах" (*Пс. 81, 8*). И Иеремия говорит: "Вот, Я положил Тебя в завет роду, во свет народам" (*ср. Ис. 42, 6*). "Устроить землю и наследовать наследие, говоря заключенным „выходите“ и находящимся во тьме „отопритесь“" (*ср. Ис. 49, 8—9*). И еще Исайя говорит: "Будет в тот день корень Иессеев, и восстающий владеть народами, — на Него народы уповают, и будет покой Его честь" (*Ис. 11, 10*).

О корне Иессеевом и о том. Кто есть Восстающий обладать народами, иа Кого народы понадеются, многократно было указано ранее, а слова "будет покой Его честь" понимаются трояко. Покоем Сына и Слова Божия можно назвать избранную из всех родов — и тех, что прежде нее, и последующих за ней — дочь Иоакима и Анны, потомицу пророка и царя, Приснодеву Марию, явившуюся одушевленным святилищем и божественным, прекраснейшим жилищем Бога, где Он и прежде зачатия почил, а в момент самого зачатия, или, скорее, в какое бы то ни было, во всякое время. Предсказывая этот покой на ней Божия Слова, Соломон назвал ее "одром" (*ср. Пес. пес. 3, 7*), на котором почил Царь царствующих и Господь господствующих. Честью же для всей твари было, уверовав в рожденного ею Бога-Слово, покончить с бесчестьем идолопоклонства и принять легчайшее и благодатнейшее иго проповеди. Можно назвать честью и Его трехдневный покой в аду, в соответствии со словами Исайи, что Он сокрушил медные и железные вереи (*ср. Ис. 45, 2*) и как победитель воскрес, забрав с Собой всех от века там заключенных.

И вот еще что можно сказать о покое его как о чести, — что после той светлейшей победы и славного воскресения из мертвых Он вознес — заодно со Своей божественной ипостасью — воспринятую от нас плоть и посадил ее рядом с Отцом и Духом, тем самым сделал ее в равной степени божественной и просветлив "неслиянно и нераздельно" божественными свойствами, ни божественность не обратив при этом в человеческую природу, ни человечество в ту, но сообщил плоти славу божественности, оставшись Сам совершенно непричастен и чужд ее страданий. Возведя ее таким образом и посадив, как говорится, на Отческом престоле, Он сделал ее объектом поклонения со

стороны всей видимой и умопостигаемой твари — наряду со святой и блаженной Троицей. Так что восседание нашей природы на царском божественном престоле по праву может быть названо покоем, честью и всеобщим поклонением.

Помимо Исаяи и Давид говорит: "Встань, Господи, в покой Твой, Ты и кивот святыни Твоей" (*Пс. 131. 8*), — именуя кивотом Божьей святыни Пресвятую воспринявшую ипостась Сына и Слова Богородицу Марию, чьим прообразом в Законе был кивот, содержащий внутри скрижали, сосуд и прочие называемые божествами сокровища. "Встань, Господи, Ты и кивот святыни Твоей" он сказал потому, что и она воскресла после смерти, как и ее Сын и Бог, о чем сказал здесь божественный Давид.

А случилось это так. После вознесения Господа на небеса божественные апостолы рассеялись повсюду по вселенной, но когда настало время Деве преставиться к вечным обителям, чтобы вечно сопребывать с Сыном и Богом, произошло нечто необыкновенное, все изумительное превосходящее: облака, внезапно их подняв, всех их быстро доставили отовсюду к божественному телу Девы; так им и довелось собраться всем вместе к преподобной Матери Божией, когда ее пресвятая душа легла в Сыновнии Божьи руки. Если уж "души праведных, — как сказал Соломон, — в руке Божией" (*Прем. Со.и. 3. !*), то более, чем вся надмирная и чувственная тварь, святой и божественной подобало ведь вернуться в руки своего Сына и Бога и успокоиться там особенным образом.

Чтобы ни в коем случае не показалось тебе невозможным то, что облака носили апостолов, как будто сговорившихся, разойдясь из одного места, вновь там собраться, да свидетельствует тебе своим словом Аввакум, отнесенный по воздуху ангелом к Даниилу. По справедливости, таким образом, Давид говорит: "Встань, Господи, в покой Твой, Ты и кивот святыни Твоей", — ибо воскресла и она, чтобы, как где-то сказано, раболепно и по-матерински предстоять своему Сыну и Богу.

Это — об этом: что же касается Господнего божественного воскресения, то, мне кажется, я достаточно показал тебе его ярче солнца сияющим и очевиднейшим, так что нет никакой причины говорить, что ученики похитили Его мертвым, как ранее в разговоре ты сказал. Не нелепо ли и предполагать, что те, кто от страха покинули Его еще живым, не побоялись украсть Его тело у вооруженных воинов — причем не у одного отлучившегося? но у надлежащим образом Его стерегших? Если бы это все-таки пришло им в голову и они сумели бы скрыться, воспользовавшись, как может, пожалуй, кто-нибудь злостно утверждать, сном стражников, как удалось бы им, трепещущим, какими естественно им было тогда быть, и боящимся, поднять и передвинуть тот превеликий камень? А кроме того, не следует представлять стражников настолько небрежными, чтобы они способны были пренебречь службой и покинуть пост, доверенный им приказом как нечто чрезвычайно важное, и это — профессионалы, посвятившие своему делу всю свою жизнь, т. е. свое охранять, а противников побеждать: в этих ведь двух умениях состоит все воинское искусство. К тому же и то величайшее землетрясение надо полагать не случайным, но происшедшим некими божественными судьбами, всякий предлог отнимающим у желающих клеветать на сверхъестественное и странное Господне воскресение. Когда земля тряслась так, что казалось, что она сошла со своего основания, камень же был такой большой, что повернуть его было трудно, разве возможно было, чтобы караульные, которых было не два только или три, и не десяток или в два раза больше, но целый отряд, — ибо сказано "стража была" (*ср. Мф. 27, 65—66*). — настолько погрузились в сон, что никто из них ничего из происходящего не воспринял? Стоит размыслить, могли ли они настолько пренебречь приказами Пилата и по причине небрежности стать объектом поношений и неизбывного срама со стороны своих товарищей, предав самих себя и тех, кто им доверился, притом, что стеречь гроб нужно было не столько Пилату ведь, сколько убившим Христа бандитам, Поставь тот сам от себя охрану у гроба, они и тогда равным образом, хотя и с большими затруднениями, стали бы клеветать, говоря о беспечности его охранников, но когда они сами почти всю стражу отрядили

стеречь Мертвого, разве не свидетельство mnogой их глупости — так по-детски стараться скрыть истину смехотворной ложью? Ибо, придя, говорится, к Пилату, книжники и первосвященники говорили: "Господин! Мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: „после трех дней воскресну". Итак, прикажи охранять гроб до третьего дня, чтобы ученики Его ночью не украли Его и не сказали народу: „воскрес из мертвых"; и будет последний обман хуже первого. Пилат сказал им: имеете стражу; пойдите, охраняйте как знаете- Они пошли, и поставили у гроба стражу, и приложили к камню печать" (*Мф. 27. 63—66*).

Итак, смотри: от страха они невольно исповедали добровольность Его страдания и воскресение, полностью поверив предсказавшему, что Он умрет и избежит смерти: поскольку же избегать ее Он не захотел и добровольно подвергся смерти, совершенно ясно было, что на третий день Он воскреснет-Так что, пытаясь, как я сказал, перечеркнуть Его слова, будучи уличены со лжи, они подтвердили сказанное Им: "Никто не возьмет душу Моею у Меня, но Я власть имею положить и власть имею вновь взять ее" (*ср. Ин. 10. 18*).

Он мог, как я сказал, обрушить на них различные беды, о чем и Сам Он сказал: "Я могу умолить Отца Моего и представит Мне более, нежели двенадцать легионов ангелов" (*Мф. 26, 53*), — но не захотел, ибо подобало, чтобы все написанное о Нем сбылось, потому что Спасителю было важно, чтобы все знали о Его добровольном страдании за нас и быстром и легком воскресении как всемогущего

Бога. Потому ведь и произошло это в праздник Пасхи, когда туда собирался народ, чтобы таинство стало всем хорошо известным и во всем мире был проповедан истинный человек и Он же — по причине воскресения — истинный Бог, от Девы Марии родившийся Иисус Христос.

Еще будучи жив и пребывая с учениками, Христос не обещал им ничего из мирских благ, скорее совершенно противоположное, т. е. скорби и искушения. ибо сказал: "Вот, я посылаю вас как ягнят посреди волков" (*ср. Лк. 10, 3*), и предсказывал: "Преданы будете друзьями и родственниками, и ненавидимы будете всеми" (*ср. Лк. 21, 16—17*), и что умрут они за имя Его, а после этого там получают многие блага и вечное небесное царство. И если бы Он не воскрес, то чего ради, какими надеждами вдохновляемые все они стали бы впоследствии претерпевать за Него страдания? Если бы этого не произошло, то подобало бы порицать их как обманувшихся, а Им пренебречь как обманщиком. И о том подумай, что, если бы, как я сказал, Он Себя не воскресил, Он не был бы способен выполнить обещания благ.

Как же дерзнули бы украсть мертвеца те, кто покинул Его живым и после воскресения не поверил очевидцам? Ведь, воскреснув, Он явился сначала не ученикам, но неким другим людям, и те, придя к ним, сказали; "Мы видели Господа" (*Ин. 20, 25*). Но они не поверили, что вполне естественно, потому что они не были еще совершенны. После этого Иисус пришел в дом, где они, страшась иудеев, скрывались, и, сказав им "Мир", порицал их жестокосердие, ибо "видевшим Его воскресшего они не поверили" (*Мр. 16, 14*). А они, увидев Его, очень обрадовались и благодаря чуду воскресения поне-много приближались к тому, чтобы веровать написанному о Нем в Писаниях. А иначе, как мы сказали, разве захотели бы претерпеть столькие беды из-за мертвого те, кто, и когда Он был жив, убежали, и попрятались от страха, и в воскресение не поверили? Не так это было; и воины, неся порученную им стражу, делали свое дело точнейшим образом, однако же Он как Бог воскрес и показал тщетность их караульного бодрствования, что и сами они поняли, но сокрыли, получив мзду,

Это как раз то, о чем говорил Иона, пророчествуя во чреве кита: "Хранящие суетное и ложное милость свою оставили" (*Иона 2, 9*), — имеются в виду стерегшие все тело Господне; и понятно, что семьдесятю толковниками используется страдательный залог вместо действительного, — оставили милость

свою, которую они получили бы у Христа, сделав известным Его воскресение, не заболел мздоимством.

Видишь, Ксен, как все показывает, что сын плотника Иосифа Христос, вопреки твоему и твоих единомышленников представлению, не был лжецом и обманщиком, не за те преступления, о которых ты раньше сказал, умер, не был мертвым украден учениками, но является Богом и человеком, истинным и в том и в другом, и пострадал добровольно. а пострадав, как Бог воскрес?

Его смерти и воскресению существуют ведь такие ярко сияющие повсюду доказательства: воскреснув, Он явился ученикам порознь, а спустя сорок дней после воскресения явился и некоторым другим людям, взойдя на так называемую Елеонскую гору со Своей святой Матерью и учениками. "Идите, — сказал Он, — по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и крестится, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем Моим будут изгонять бесов; будут говорить новыми языками; будут брать змей; и если кто смертоносное выпьет, не повредит им; возложат руки на больных, и они будут здоровы" (*Мр. 16. 15—18*). *Вы же оставайтесь в городе Иерусалиме, доколе не облечетесь силою свыше" (*Лк. 24. 49*), и "примете силу, когда сойдет Святой Дух на вас" (*Деян. 1, 8*).

Он сказал это не потому, что не был Сам способен дать им силу, но чтобы показать, что у Отца, Сына и Святого Духа одна и та же воля и сила.

"И будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли. Сказав это, Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их. И когда они смотрели на небо во время восхождения Его, вдруг предстали им два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! что вы стоите, глядя на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо" (*Деян. 1, 8—11*), — т. е. на облаках. Они же, поклонившись, ушли в Иерусалим, с радостью ожидая обещанную свыше силу.

Послушай же и то, что сказали о божественном вознесении Христа пророки. Давид говорит: "Господи, пою Тебе в народах, ибо велика превышающая небеса милость Твоя, и достигает небес истица Твоя. Вознесись на небеса, Господи, и по всей земле слава Твоя" (*Пс. 107. 4—6*), — что и произошло, ибо Он взошел на небеса, и слава Его обошла всю землю, когда все стали поклоняться Ему как Богу. И опять тот же Давид говорит: "Взошел Бог в восклицаниях, Господь в гласе трубном" (*Пс. 46, 6*), — указывая тем самым на высоту божественного восхождения и на возможность об этом услышать. И еще: "Поднимите врата, начальники, ваши, и поднимитесь, врата вечные, и войдет Царь славы! Кто сей Царь славы? — Господь крепкий и сильный в брани. Поднимите врата, начальники, ваши, и поднимитесь, врата вечные, и войдет Царь славы! Кто сей Царь славы? Господь сил. Он — царь славы" (*Пс. 23, 7--10*).

Так вот, "Поднимите небесные врата", говорят низшие по чину силы высшим; "да войдет Царь славы", — имеется а виду человек, воспринятый Сыном Божиим, для Которого нечто новое и сверхъестественное — прийти с плотью на небеса, поскольку никто из людей никогда не проходил таковыми вратами. Затем, чтобы показать величие и власть Пришедшего, пророк говорит как бы от лица незнающих и вопрошающих херувимов: "Кто сей Царь славы?"- На что те, кого вопрошают, отвечают:

"Господь крепкий и сильный, Господь сильный в брани". И потому — "поднимите", вечно закрытые "врата, начальники, ваши, и войдет Царь славы".

Желая таким образом показать сверхъестественность и необычность таинства, в котором имеющий бытие от земли Сын Адама и Девы превзошел и сами небесные силы, пророк представляет высших из ангелов недоумевающими и вопрошающими: "Кто сей Царь славы?", — а носящих его отвечающими:

"Господь сил, Он — Царь славы". Словами "Господь крепкий и сильный, Господь сильный в брани" он показал только человека, вступившего в бой с дьяволом и решительно его низвергнувшего, ибо низложил Он того как человек, а не как Бог, потому что тогда в этом не было бы ничего нового, ибо какая с Богом брань? А добавив "Господь сил, Он — Царь славы", он сказал и то и другое, ибо Он — Богочеловек-Слово, Господь всех небесных сил.

А Исайя об этом сказал так: "Кто Он, пришедший от Едома, в красных ризах из Восора? Он, пригожий в одежде, громко восклицает: Я говорю правду и суд спасения! — Почему у Тебя красные ризы, и одежды Твои как после топтания точила? — Полное истоптанным точило истоптал Я один, а из народов не было ни мужа со Мною. И Я потоптал их в ярости, и растер их, как землю, и выпустил кровь их в землю. Ибо день воздаяния пришел для них. и лето избавления настало. И Я посмотрел, и не было помощника, поразмышлял, и никто не пришел. И избавила их мышца Моя, и ярость Моя для них настала- И Я попрали их во гневе Моем, и выпустил кровь их в землю" (*Ис. 63, 1—6*).

Посмотрим же, что он предсказал этими своими словами. Во-первых, чтобы показать величие Восходящего, и он подобно Давиду представляет в своем слове силы небесные беседующими друг с другом, — не потому что они действительно не знают, но чтобы, как я сказал, для нас быть учителем таинства. Затем он говорит о приближении и спасении Богом народов и о катастрофе иудеев. Так, вначале он говорит:

"Кто Он, пришедший из Едома?", — т. е. от земли; "в красных ризах из Восора", — "из Восора" показывает, что Он имеет в виду плоть, потому что "красными ризами" он называет полученные плотью во время страданий раны. Слова же "Я говорю правду и суд спасения" сказаны как бы от имени Христа и имеют в виду спасение, данное Евангелием, каковое Он и назвал правдой и судом спасения. А слова "Почему у тебя красные ризы, и одежды Твои как после топтания точила?" указывают на плоть и согласуются со словами патриарха Иакова "Моет в вине одежду Свою и в крови гроздий одеяние Свое" (*Быт. 49. II*) и означают, что плоть Его так обогрится кровью от ран, как от сула делаются красными у человека одежды. И слова "точило истоптал Я один, и из народов не было мужа со Мною" — тоже сказаны от лица Христа. Ведь это то же самое, что сказал Давид: "Ждал Я того, кто поскорбит со Мною, и его не было, и утешающего, и не нашел" (*Пс. 68, 21*), т. е.: "В страданиях и непрерывной череде несчастий никто не утешал Меня, когда все Мои ученики убежали". Сказав же "точило истоптал Я один, и из народов не было мужа со Мною", Он указал на враждебные силы, "на решившийся на Мое убийство народ иудейский, плоть Мою обогривший кровью Моею, словно в точиле, вложив в него кучу гроздий, горькое вино точащих; и ярость змеиную совершенно один, без какой бы то ни было помощи, Я попрали", — совершенно, значит, низложил. Повернув затем речь к немилостивому гневу на иудеев, пророк сказал: "Я попрали их в ярости, и стер их, как землю, и выпустил кровь их в землю. Ибо день воздаяния пришел для них", — говоря этими словами о будущем словно о прошлом.

СЛОВО ДЕВЯТОЕ

Император: О вознесении Господа, вот, теперь сказано. А после того, как Человек, Которого Он воспринял, сел справа от Отца, — о чем и Давид где-то сказал: "Сиди справа от Меня, пока не положу врагов Твоих в подножие ног Твоих" (*Пс. 109, 1*), — пришло наконец время осуществиться обещанному, и ученикам воспринять, согласно Его обещанию, ниспосланную свыше силу. И вот, в день Пятидесятницы "сделался, — говорит, — шум как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил дом, где находились апостолы, и явились как бы огненные языки и почили на головах учеников" (*ср. Деян. 2. 2*), что и было посланной к ним силой Пресвятого Духа, благодатью и способностью говорить

наречиями всех народов, в достаточной степени уподобляясь им языком. Ведь такими же, как этот член, возвеститель сокровенного внутри слова, подготовил их Дух Святой быть возвестителями и как бы глашатаями благодати Слова и заповедей Спасителя. И тогда исполнились слова Давида: "По всей земле разнесся голос их и до концов вселенной речения их" (*Пс. 18, 5*) и "нет языка и нет наречия, где не слышались бы голоса их" (*там же 4*). Ибо подобало им быть посланными ко всякому народу и воспринять такую благодать и силу, чтобы понимать речь всех тех народов и чтобы все понимали их, что и Исаяя предрек, сказав: "Красны ноги благовествующих мир, благовествующих благое" (*ср. Ис. 52, 7*). И вновь Давид: "Господь даст глагол благовествующим силою мною" (*Пс. 67, 12*).

Итак, вооруженные такой силой, проходя по одному разные страны вселенной, все они повсюду проповедали Богочеловека, Одного из Троицы, более, нежели о чудесах, возвещая о Его страдании, им более возвеличиваясь, каковым и поныне украшается и красуется созданная Им церковь, каждый, можно сказать, день и час вспоминая страдание Спасителя, крестной мукой и воскресением победившего дьявола и доставившего нам свободу, Богу благодарение воссылая, а скорее воздавая единую почесть и единое поклонение Отцу и Сыну и Святому Духу.

И таким образом божественная проповедь, подкрепляемая десятками тысяч страданий и мук, удостоверяемая великими чудесами, совершаемыми самими апостолами именем Иисуса распятого, превозмогала и одолевала. Хоть и легко их пересчитать и были они невидными и немудрыми рыбаками, палаточниками и мытарями, все искусство риториков, вся сила мирской премудрости и гордость всякого владычества истощились и преклонились, когда все добровольно преклонили шею благому игу Евангелия, и ввели их в долю владык, так что исполнились и слова Давида: "Ты поставишь их князьями по всей земле" (*Пс. 44, 17*).

Первым делом они учили убийц и бесстыдников, ваших отцов, отступить от зол, убеждая их вос принять из ведущих к спасению дел долготерпение Распятого ими и говоря, что у покаявшихся и обратившихся к Господу ни следа греха не останется и удалится от них всякое беззаконие и нечестие. Много такового возвещали им апостолы, но те, с заткнутыми черной желчью ушами, не только не обратились к тому, что им говорили, но и изо всех сил старались их убить, даже видя десятки тысяч ежедневно совершаемых ими чудес. Ведь подобно тому, как, когда Христос многократно к ним приходил и творил удивительные и великие вещи, они жалчайшим образом подражали глухим и слепым, так и, слыша постоянно апостолов, чудеса видя и исцелениями пользуясь, они не уверовали, но, законники и книжники, постарались представить виновными совершителей стольких чудес. Тогда, осознав жестокость и необрезанность их сердец и готовность их нрава к убийству, став посреди них, апостолы сказали: "Вам дано первым познать дар Божий, но поскольку по причине крайнего безумия вы сделали себя недостойными, впредь мы обратимся к язычникам" (*см. Деян. 2, 39; 10, 44—48*).

И тогда большинство их, уйдя оттуда, прошло всю вселенную, всех напоая влагой евангельского учения, а некоторые, наиболее из всех них выдающиеся, остались учить в Иерусалиме, совершенно пренебрегая опасностью и гневом первосвященников, книжников и князей. И поскольку они продолжали это делать совершенно бесповоротно, евангельский "закон, — по писаному, — вышел от Сиона, и Слово Господне — из Иерусалима" (*ср. Ис. 2, 3*), а на тех неразумных и в высшей степени убийственных людей напали и до сих пор нападают сверхъестественные беды, как то пророки и предсказали.

Иезекииль ведь говорит: "Господь сказал мне: сын человеческий! Я пошлю тебя к дому Израилеву, к огорчающим Меня, каковые огорчили Меня, сами и отцы их отвергли Меня до сегодняшнего дня. И сыновья с жестокими лицами и сердцами, — Я пошлю тебя к ним; и ты скажешь им: так говорит Господь. Авось

послушают или убоятся, потому что они — дом огорчающий, и узнают, что ты — пророк среди них. И ты, сын человеческий, да не убоишься их и да не ужаснешься лиц их, потому что расвирепеют и окружают тебя со всех сторон, ибо посреди скорпионов ты живешь; и слов их да не убоишься и лиц их да не ужаснешься, потому что они — дом огорчающий. И ты, сын человеческий, послушай Говорящего тебе, не будь огорчающим, как дом огорчающий: открой уста свои и съешь что Я даю тебе. И вот — рука простерта ко мне, и в ней свиток книжный, и развил его передо мной, и в нем написано и спереди и сзади, а написано было в нем: „плач, стон и горе“" (ср. *Иез. 2. 3—10*).

Слышал теперь, что дом Израиля оказывается у Бога "домом огорчающим" и спереди и позади у него "плач, стон и горе"?

Иеремия же говорит: "Господь сил, судящий праведно, испытующий почки и сердца, да увижу месть Твою им, ибо я открыл Тебе оправдание мое. Потому так говорит Господь сил: вот, Я посету их: юноши их от оружия умрут, а сыновья и дочери их скончаются от голода, и остатка не будет у них" (ср. *Иер. 11, 20—23*). И законодатель Моисей говорит о Иерусалиме в Законе: "Юная и нежная, чья нога не привыкла ходить по земле по причине нежности и молодости, приступит к незаконной трапезе" (ср. *Втор. 28. 56*).

А не известно ли всем, что, когда Тит осадил город Иерусалим, женщины, испекши, ели своих детей, не будучи в силах вытерпеть сильный голод, как повествует еврей Иосип? Согласуется с Моисеем и Иеремия, говоря: "Руки милосердных женщин сварили детей своих" (*Плач Иер. 4, 10*).

Еще Моисей говорит: "Я раздражу вас не народом, народом неразумным прогневаю вас" (ср. *Втор. 32, 21*). Они были оставлены Богом за дерзость по отношению ко Христу. Конечно, много и другого ведущего к гибели сделали они, и не самое худшее то, что они восстали против римлян, вследствие чего естественным образом все они были теми пленены и подвергнуты всякому виду бедствий. Ведь если бы они ни в чем не поступали несправедливо, римляне, вероятно, смилостивились бы после победы. Поскольку же, когда римляне по отношению к ним успокоились, они напали на них, то и испытали всевозможные беды, каких никому не доводилось испытать от другого. Поэтому-то Моисей и сказал: "Народом неразумным прогневаю вас", т. е. народом жестоким истреблю вас.

И Давид в тридцать четвертом псалме говорит:

"Суди, Господи, обижающих меня, побори борющихся со мной. Возьми оружие и щит и встань на помощь мне. Вынь меч и выйди против гонящих меня. Скажи душе моей; спасение твое есть Я. Да постыдятся и посрамятся ищущие душу мою, да возвратятся вспять и постыдятся замышляющие против меня зло. Да будут как прах перед лицом ветра, и ангел Господень оскорбляющим их" (*Пс. 34, 1—6*). Еще говорит он же в шестьдесят седьмом псалме: "Да восстанет Бог и да расточатся враги Его, и да бегут от лица Его ненавидящие Его. Как исчезает дым, да исчезнут; как тает воск вблизи огня, так да погибнут грешники от лица Божия, а праведники да возвеселятся" (*Пс. 67, 1—3*). И вновь он же в шестьдесят восьмом: "Дали в пищу мне желчь и в жажду мою напоили меня уксусом. Да будет трапеза их в сеть, в воздаяние и в соблазн. Да помрачатся очи их, чтобы не видели, и хребет их совершенно согни", т. е. заставь их страдать во вседневном рабстве. "Пролей на них гнев Свой, и ярость гнева Твоего да постигнет их. Да будет двор их пуст, и в жилищах их да не будет живущего. Потому что кого Ты поразил, те преследовали и болезнь ран моих преумножили. Приложи беззаконие к беззаконию их, и да не войдут они в правду Твою. Да исчезнут из книги живых и с праведными да не напишутся" (*Пс. 68, 22—29*). Вот сколько сказано о Божьем гневе на сынов Израиля.

Следует тебе знать, что такой немилостивый гнев будет длиться до пришествия антихриста. А тогда придут Енох и Илия Фезвитянин, уча множества, чтобы не

следовали его ереси. Но многие присоединятся к антихристу, принимая его за Мессию-Христа. Многие же, будучи убеждены словами святых, отступят от того соблазна и уверуют в истинного Мессию-Христа и будут приняты. Ибо хоть и враги они из-за ненависти ко Христу и борьбы с Новым Заветом и Евангелием, но будут вновь возлюблены ради отцов- "Ибо дары Божий непреложны" (*ср. Рим. 11. 29*). По этой причине и придут названные святые, — чтобы им поверившие и крестившиеся спаслись, согласно речению Господа. Тогда ведь сбудется и Исайино слово: "Если будет число сыновей Израиля как песок морской, остаток спасется" (*ср. Ис. 10. 22*). А те, кто не поверит их словам, будут преданы геенне огненной, равно как и все от времени Христова распятия до явления Еноха и Илии непокорные и неразумные отцы ваши, ибо за жестокость и необрезанность сердца их, ни малейшего следа покаяния в себе не имеющего, отвратил от них Бог лицо Свое и предал тела их непрестанной тяжелой работе, а души глубочайшей тьме и огненной бесконечной геенне, которая и отцу их и учителю уготована, дьяволу.

Что это именно так, мы очень хорошо понимаем из пророческих слов. Давид ведь сказал: "хребет их совершенно согни", "и да не войдут в правду Твою", — тем самым проявляя чуждый раскаянию Божий гнев. С этим согласуется и Даниил, говоря:

"До скончания века удержит их это рабство" (*ср. Дан. 7, 25—27*).

Безумные же отцы ваши, попусту споря с вынесенным им Божьим судом и пророческими изречениями, многократно пробовали восстановить свой прежний статус, но ничего не добились ни разу. Так что и до сих пор, по прошествии стольких лет. город лежит поверженным, а вы рабствуете, по божественному повелению. Ведь сначала, восстав и ратуя при Адриане, они подвигли того против себя даже вопреки его желанию, и он, выступив против них, одних из них погубил, а других разогнал, остатки их зданий разрушил, поставил свою статую в храме, а сам город переименовал в Элию, При

Константине Великом, снова за то же взявшись, они испытали еще более тяжелые несчастья, ибо и тот ушел, обезобразив им уши, оставив им это В качестве своего рода знака их непослушания и отпадения. А в третий раз. когда Юлиан Отступник главенствовал над римлянами, они с помощью царя опять принялись возводить храм, от расслабленности, конечно, стараясь представить ложью Христово решение, а именно — что "не останется здесь камня на камне" (*Мф. 24, 2*). Но и тогда недолго им пришлось ждать суда за свое безумие, ибо, когда они все немногие камни, оставшиеся после падения города, собственноручно из основания ввернули, всякое другое здание, где бы ни принимались они его возводить, вспыхивавший внезапно огонь полностью пожигал. И вот с тех пор и доньше, а скорее до антихриста, люди вашего народа умирают и будут умирать подобно бессловесным животным. И для них было бы лучше, если бы они умирали смертью бессловесных животных, ибо те на суд не идут, а их и научившего их дьявола ожидает вечный огонь и бесконечная мука, когда Господь придет судить вселенную и воздать каждому по его делам (*см.. Рим. 2, 6*).

Ты хорошо знаешь, что в предыдущих словах ты никак не допускал, что Иисус придет как Судия всех. Потому пора рассмотреть, что было сказано пророками и об этом.

Так, Давид в девяносто пятом псалме, как мы уже раньше говорили, сказал: "Тогда возрадуются все деревья дубравные" — т. е. все люди на земле, ибо не бездушным же деревьям благовествует он радость, — "от лица Господня, что грядет, что грядет судить землю: Он будет судить вселенную по правде и народы по истине Своей" (*Пс. 95, 12—13*). И через несколько строк; "Скажите народам, что Господь воцарился, и ведь Он исправил вселенную, каковая не поколеблется. Он будет судить народы по правде. Да возвеселятся небеса и радуется земля" (*Там же 10—11*). И в девяносто седьмом псалме: "Реки, — говорит он. —

восплещут руками вместе", — под реками имея в виду апостолов, подобно речным струям повсюду распространявших евангельские благодать и учение, — в горы возрадуются, перед лицом Господа, что Он идет, что придет судить землю: судить вселенную по правде и людей по правости" (*Пс. 97, 8—9*).

И Даниил, муж желаний, сказал: "Я смотрел, пока не были поставлены престолы и сел Ветхий днями- Престол Его словно пламя огня, колеса Его — огонь палящий. Река огненная текла, истекая перед Ним. Тысячи тысяч служили Ему, и десятки тысяч предстояли Ему, Суд сел, и открылись книги. Я видел в видении, — и вот, на облаках небесных был как бы Сын Человеческий, идущий, и Он дошел до Ветхого днями, и пред Него были принесены и были даны Ему начальство, честь и царство, и все люди, племена и народы Ему послужат, и власть Его — власть вечная, каковая не прекратится, и царство Его не рассыплется. Вострепетал дух мой, — я, Даниил, в видении моем, видения головы моей смущали меня" (ср. *Дан. 7, 9—15*).

Итак, смотри, что пророку открылось как великое и исполненное многими чудесами. Ведь сидящий на престолах Ветхий днями есть предвечный Бог, огненные же престолы и колеса суть небесные силы, о которых Давид сказал: "Творящий ангелов Своих духами, служителей Своих пламенем огня" (*Пс. 103, 4*). А текущая перед Ним огненная река есть геенна огненная, принявшая дьявола со всеми надругавшимися над божественными заповедями. Предстоящие же и служащие Ветхому днями тысячи тысяч и десятки тысяч суть силы небесные и все небесное чиновачалие. А суд — испытание дел всякого человека. Открываемые же книги — сокровенные дела всех, которые откроются во время испытания. А по облакам как Сын Человеческий шедший и до Ветхого днями дошедший. Кому и начальство, сказано, будет дано, и честь, и царство, Кому послужили все люди, племена и народы и Кому вечное царство и власть перейдет, не рассып-лется, — кем же Он может быть иным, как не Сыном Девы, которого Сын Божий и Слово в последние времена воспринял, не бывшего прежде, как в прежних славах было сказано, дав ему Свою божественную ипостась, став одной сложной ипос-тастью — один Сын полностью в двух природах, какового Человека Он с Собою вознес, посадил рядом с Отцом и Пресвятым Духом, сделав объектом поклонения со стороны всех ангелов Божиих, о чем так или иначе только что и сказали божественнейшие Моисей Боговидец, Давид и Даниил.

То, что пророк сказал, что вострепетал дух его в видении его и что видения головы его смущали его, свидетельствует о важности и высоте видения. Ведь по причине непостижимости и невозможности понять глубину видения он сказал, что вострепетал дух его и что видения головы его смущали его. Потому что не только ведь до Закона отцы, по Законе пророки, а после промысла воплощения апостолы и учителя, но даже и первейшие из ангелов не познали сути таинства вочеловечения Бога-Слова, ибо лишь отчасти открывается оно и ангелам, и людям, и все мы определенно знаем и проповедуем только то, что единосущный и со-престольный Отцу Сын был Им рожден прежде веков, что Он есть Создатель и веков и всякой твари и что в последние времена, исполнившись милосердием и щедростью, преклонив Ему известным образом небеса (*см. Ис. 17, 10; 143, 5*), Он сошел, никоим образом не отступив при этом от отеческих недр, и стал Сыном Человеческим, облекшись полностью в ветхого Адама, и, будучи полностью Богом, стал также полностью человеком и претерпел распятие тела, тление и смерть, чтобы путем страдания и воскресения избавить от тирании ада Адама со всем его родом и все обратить к лучшему, вместо тления и смерти даровав нетление и бессмертие.

Все таким образом вражеские и противостоящие силы поправ на кресте, Он вознес на небеса человека, которого от девических кровей создал для Себя, посадил на царственном Божьем престоле и сделал его наряду со Святой Троицей объектом поклонения со стороны всех ангелов и людей. Таким образом, как мы сказали. Он стал человеком, ни божественность не обратив в человеческое естество, ни человеческую природу не изменив в божественную,

каждому полностью сохранив свое, но все похвалы Божества передав плоти, сделав ее единой с Богом, потому что Он был одною с ней. в невыразимом соединении, ипостасью.

Поэтому-то вышние силы после того, как Он вознесся, не получили добавления к пению трисвятого гимна: они ведь и по вочеловечении, узнав в Нем единого Сына, по-прежнему постоянно воспевали "свят, свят, свят"; а по воплощении не отняв, и по вознесении Его с плотью ничего не прибавили.

Итак, честь и величество Божества, как мы сказали ранее, оказались уделом плоти, но при этом — не несозданность также, не безначальность, не бестелесность, не неопиcуемость, не невещественность, не предвечность. Вот это открыто и ангелам, и людям, и мы в это веруем. А то, как Бог стал человеком и как весь Бог, вся божественность вместилась вместе с одной из трех ипостасей в девичью утробу и как вся ипостась Сына пребывала в Деве, а при том вся и в Отце и Духе, и вся во всем, и вся выше всего, и как от девических кровей Пресвятым Духом была создана божественная плоть, и как всенепорочная Мария, будучи девой, восприняла божественную ипостась Сына и, зачав, родила Сына, ни ангелам, ни кому-либо из людей неизвестно, но является таинством, ведомым одной только Троице.

Так что естественно, что Даниил сказал, что вострепетал дух его в видении его и что смущали его видения головы его, когда он видел Сына Человеческого идущим по облакам и принявшим несказанную и непостижимую честь царства И суд над всей землей.

Итак, поскольку все пророки проповедуют, что Христос есть Судия, как оно и есть, справедливо тебе рассмотреть, кому однажды, в страшный Судный день, ты дашь отчет в своих прегрешениях и в своей вере. В связи с этим, как мы помним, надо исследовать, что значат слова Давида: "Не воскреснут нечестивые на суд, ни грешники на совет праведных, потому что знает Господь путь праведных, и путь нечестивых погибнет" (*Пс. 1, 5—6*).

Воскреснут, как мы сказали, все люди, грешные и праведные, благочестивые и нечестивые, но не все на суд. Ибо совершенно не принимающие Бога философы, идолослужители и последователи Магомета после того, как увидят идущего по облакам Христа и все небесные силы, следующие за Ним, и узнают точно, что это Тот, Кого они не исповедали как сущего Бога, пойдут в ожидающую их муку, Также и более, чем они, нечестивые иудеи после того, как увидят и опознают лик, на который они плевали, который били и над которым издевались, и поймут хорошо, что именно Тому, Кого они распяли, Кого поразили в ребра, раболепно предстанут херувимы, тогда и они пойдут в вечную огненную геенну сопребывать там тайноводителю и отцу их дьяволу. Вот ведь что значит "не воскреснут нечестивые на суд".

А после этого те, кто исповедал Христа Бога и усовершенствовался божественным крещением, грешники, я имею в виду, и праведные, разлучатся друг с другом, как козлища и овцы. И овцы пастыря Христа (*см. Ин. 10. 11*), согласно назвавшему ил так пророчеству, — ведь "поражу, — говорит оно, — пастыря, и разойдутся овцы стада" (*ср. Зах. 73, 7; Мф. 26. 31*), — станут по правую руку от судии Христа, козлища же, т. е. грешники, по левую (*ср. Мф. 25, 33*). И тем будет дано вечное мучение — не одинаковое всем, но по мере согрешений каждого, а праведным — вечное царство и непрестанное веселье, но и им также не поровну, но каждому соответственно его исправлению отмерится и наслаждение. Так, в царском дворце можно видеть многих стоящих вместе, но не всех равной чести удостоенных: по труду и любви каждый воспримет и воздаяние. Ибо как нечестивые воскреснут, но не на суд, таяим же образом и крещеные, но не последовавшие совету праведных, отойдут в муку. Потому-то пророк сказал, что Господь знает совет праведных, путь же нечестивых погибнет (*со. Пс. 1. 6*).

Это — о Страшном Судии Христе и о будущем Суде.

Я хочу теперь спросить тебя и через тебя весь народ иудейский: согласятся ли они, что согрешают, или же нет? Если скажут, что не согрешают, то не сравняются ли они гордыней с сатаной, падши, не исповедуя своих грехов либо потеряв чувство своей погибели, подобно беснующимся вследствие сошествия с ума? Если же скажут, что они люди и потому согрешают, то какими жертвами примиряют они с собой Лучшее? Ведь мы знаем о путях примирения и о жертвах, еще до падения храма и вашего великого пленения и рабства приносимых первосвященниками и священниками за грехи, постоянно совершаемые множеством людей, а также и чтобы умиловать Бога ради их спасения. Поскольку же ни храма теперь нет, ни жертв, ни примирения, ни священников, ни первосвященников, ни пророков, ни чего-либо другого из совершавшегося тогда, что вообще можете вы сейчас поделать, чтобы умиловать в отношении к себе Бога? Ты сам скажешь, конечно же, что ничего.

Вот и получается, что вы проводите жизнь подобно бессловесным животным или даже хуже их, поскольку те, как мы уже говорили, на суд не идут, а вы все во грехах, со всеми нечестиями, в которые впали, умираете. Так что радоваться за свою душу ты предоставляешь другим.

Если я хоть в чем-то тебя убедил, так по мере твоих сил поспеши избрать лучшее, пока у тебя есть время в этой жизни. "Ибо в аду кто исповедается Тебе?" — говорил Давид (*Пс. 6, 6*). Ясно, что никто. И еще: *Или врачи воскресят, и исповедаются Тебе?" (*Пс. 87, 11*). Пока человек пребывает среди живых, он может делать что хочет, и дурное и хорошее, а после смерти и ухода отсюда ни у кого уже нет возможности сделать что-либо для своего спасения. Да и как, когда двери делания закрыты смертью? Так что исповедание не в аду, но в настоящей жизни- Тело, умерши, не может ведь воскреснуть прежде общего для всех страшного воскресения. Душа же, как-либо согрешившая, — нечестием или какими-то дурными делами, может исправиться, если только при ней есть тело. И лишь став мертвой по отношению к порочным пристрастиям, искупив грех и совершая лучшие дела, она может восстановить себя в живых. Удалившись же от Бога, она полностью мертва, хотя и думает, что жива. Ничто ведь так не исцеляет душу, как порицание человеком самого себя и обличение греха исповедью. "Я сказал, — говорит Давид: — исповедую Господу беззакония мои, и Ты прости мне нечестие сердца моего" (*Пс. 31, 5*). Что он и сделал перед пророком Нафаном (*см. 2 Цар. 12*). Так что всякая душа, сквернящая себя дурными делами, может, как мы сказали, таким путем исцелиться. И прожившая жизнь в нечестии тоже может в один решающий момент смыть все скверны в купели божественным крещением и сменить смерть на жизнь, грех на святость. Так бывает, например, когда душа узнает необходимое ей сама, не нуждаясь во множестве внешних помощников, ибо ей хватает самой себя. А когда душа неразумна и нечувствительна, то хоть и десятки тысяч руководителей будет она иметь, но, захваченная страстями, останется слепой.

Так вот, постарайся и ты изложенное ныне тебе вложить в душу, пока у тебя есть время. Сопоставь это с тем, чему научили тебя твои отцы, и выбери , лучшее, то и другое испытав душевной проверкой, чтобы вместо пшеницы не предпочесть плевелы. Отвеяв их, собери ее в житницу души и будь землей благой, принимающей божественное семя и в сто крат более приносящей, а не сухой и бесплодной, . производящей тернии и колючки (*см. Евр. 6, 8*)! И да не потерпишь ты, чтобы к тебе отнеслись слова Соломона: "В душу, желающую зла, премудрость Божия не войдет" (*Прем. Сол. 1, 4*), но возлюби слова Давида и с ним захоти воспеть: "Как стремится олень к источникам воды, так стремится душа моя к Тебе, Боже". Возжаждала душа моя Бога крепкого, живого. Когда приду и явлюсь лицу Божию?" (*Пс. 41, 2—3*), что тоже Святую Троицу обнаруживает: сказав "Бог", он указал на Отца, словом "крепкого" — на Сына и "бессмертного" — на Духа Святого".

Суть же сказанного тебе, — поскольку пора уже прекратить разговор, — такова: поторопись ввести душевный корабль в божественную пристань благочестия, избежав с помощью божественного Писания бури и ненастья нечестия. Ибо, войдя в гавань божественных слов, поистине победишь и потопишь дьявола со всем его войском. А если тебя отнесут от нее дикие волны неверия — я молюсь, чтобы этого не произошло, — и ты доверишь душевный корабль пучине, то не знаю, какое соответствующее неразумию наказание тебе отмерится. Ибо воистину "страшно впасть в руки Бога живого" (*Евр. 10. 31*).

Выслушав это, Ксен долго сидел в безмолвии, склонив вниз голову. Наконец, очнувшись словно от сна или тяжелого оцепенения, он сказал: "Горе мне, несчастному!" Тогда царь спросил: "Почему ты это сказал?" "По причине, — вновь заговорил Ксен, — моего нечестия и суетности жизни, а вдобавок к тому и пагубных хулений, которые я во множестве неразумно высказал на Сына Божия. Ибо я безумно отверз уста мои на небеса, и мой суетный и оскверненный язык высказал ввысь неправду. Потому-то я и не знаю, какой только муки не окажусь достоин".

Услышав это, император сказал: "Не говорил ли я тебе, Ксен, ранее, что даже если многочисленнее звезд или песка морского будут твои согрешения, все их ты отмоешь в божественной купели. Так что не вздыхай и не сомневайся, прими только божественную купель. И я поручник тебе в том, что все их ты оставишь в ней и выйдешь из нее весь наичистейшим и святым. И прежде меня это обещает тебе Бог, сказавший: „Грехов и беззаконий их не вспомню впредь“" (*ср. Иер. 51. 34*).

Выслушав это, Ксен встал, повернулся к востоку и, воздев руки, вновь сказал:

"Верую, Господи, и исповедую, что Ты есть Сын Бога живого, один из Троицы.

Верую и исповедую, что поистине Бог — Твой Отец, поистине Ты — Бог, единосущное и совечное Ему Слово и Сын, и поистине Бог — всесвятой и единосущный Тебе и Отцу Дух.

Говоря это, я не говорю, что верую в трех богов, по безумному учению нечестивых, но полагаю, что Троица — это один Бог и одна божественность.

Еще верую и исповедую, что, будучи Богом, преклонив небеса, по собственной воле Ты стал человеком, невыразимым образом приняв одушевленную плоть и родившись от чистой Девы, сохранив ее непорочной, какою она была до родов.

Еще верую, что по собственной воле Ты был распят, и умер, и как всесильный Бог воскрес, и на небеса, откуда, не разлучившись со Своим Отцом, прежде сошел, теперь взошел, чтобы посадить по правую руку от Него человека, которого Ты благоволил воспринять.

Принимаю купель нового рождения — я имею в виду всесвятое крещение — и надеюсь отмыть им всякую душевную скверну и получить прощение совершенных мною по причине нечестия и безумия согрешений.

Принимаю воскресение мертвых.

И верую, что Ты, Сын Божий, Творец неба и земли, придешь на облаках судить живых и мертвых, а за Тобой будут рабски следовать все небесные силы, чтобы отослать нечестивых и грешных в вечную муку, а праведным дать вечную жизнь и царство и принести их в дар Твоему Отцу".

И омывшись тогда божественной водой возрождения, запечатлевшись печатью мира Всесвятого Духа, приняв честное тело и святую кровь Спасителя Христа и вместо Ксена наименовавшись Мануилом, он стал овцой словесного стада

Спасителя Христа, благодаря за это Бога с едиnorodным Его Сыном и Всесвятым Духом, Каковому и слава, и держава во веки веков да будет,

Аминь.

КО ВХОДУ В БИБЛИОТЕКУ ЯКОВА КРОВОА